МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Домнин Сергей Викторович

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ЦЕРКОВНОЙ ПЕРИОДИКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗДАНИЯ «ПЕНЗЕНСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ». 1866–1917 гг.)

5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Сухова Ольга Александровна,
доктор исторических наук,
профессор

Пенза – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. «ПЕНЗЕНСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК 34

1.1. Основные этапы становления и развития журнала 34

1.2. Проблематика публикаций в период 1866-1917 гг. 75

ГЛАВА 2. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯНСТВА И ДУХОВЕНСТВА НА СТРАНИЦАХ «ПЕНЗЕНСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» 110

2.1. Уклад повседневной жизни 110

2.2. Религиозно-нравственное состояние населения 134

2.3. Проблемы преодоления алкоголизма и организация трезвенного движения в российской провинции 154

ГЛАВА 3. ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ В ОСВЕЩЕНИИ ЕПАРХИАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ 169

3.1. Массовые настроения в периоды военных конфликтов. 169

3.2. Русские революции в оценках православного духовенства. 199

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 227

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 239

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 240

ПРИЛОЖЕНИЯ 286

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. История повседневности, рожденная на пике волн антропологизации исторической науки, «практический» поворот исследовательских изысканий обусловлены необходимостью научной оценки и осмысления социальной динамики в эпохи технологического перехода. Смена укладов формирует серьезные вызовы для развития человеческой цивилизации. В этих условиях обращение к анализу исторического опыта и системных характеристик, культурного кода российского общества на основе реконструкции повседневных реакций сознания и поведенческих практик эпохи модернизации позволяет определить универсальные структуры и закономерности, влияющие на процесс адаптации к переменам в современном обществе.

Выявление исторических параллелей между восприятием явлений обыденной и экстремальной повседневностей глазами «маленького человека», немотствующего большинства прошедших эпох, целесообразно применить для прогнозирования возможных социально-политических проблем и стабилизации состояния современного общества.

Кроме того, одним из наиболее эффективных способов актуализации истории родного края, популяризации краеведения выступает репрезентация изучения бытовых подробностей жизни, повседневных поведенческих практик в исторической ретроспективе. Остаются актуальными проблемы изучения социальной истории России, истории провинциального духовенства и крестьянства как социальных групп, истории повседневности, в том числе экстремальной, а также сохранения и формирования исторической памяти, преемственности культурных традиций, религиозной самоидентификации, мировоззренческого выбора, дихотомии повседневной жизни в прошлом и настоящем.

Своеобразной энциклопедией провинциальной повседневности являются «Пензенские епархиальные ведомости» (далее – ПЕВ). В 2026 г.

исполняется 160 лет со дня выхода журнала. Свыше полутора столетий журнал не теряет своей познавательной ценности для исследований историков, краеведов, религиоведов, философов, социологов, культурологов и других представителей гуманитарного знания. Несмотря на большой объем научной литературы, содержащей ссылки на журнал как исторический источник, в настоящее время отсутствует комплексное исследование данного издания.

Дореволюционный период истории журнала насчитывает более полувека (1866-1917 гг.), когда был накоплен уникальный материал по истории православия и Русской Церкви в Поволжье, а именно на территории Пензенской епархии, прежде действовавшей в современных границах Пензенской области и Мордовии. В многочисленных публикациях на страницах журнала содержится информация, позволяющая реконструировать повседневную жизнь российской провинции в эпоху модернизации.

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется необходимостью комплексного изучения провинциальной повседневности на основе анализа ПЕВ как наиболее информативного исторического источника, позволяющего раскрыть данную научную тему.

Объектом диссертационного исследования выступает провинциальная повседневность Пензенской губернии последней трети XIX – начала XX в.

Предметом диссертационного исследования являются изменения повседневного уклада жизни Пензенской губернии под воздействием модернизационных процессов, отображенные в местной епархиальной периодике. При этом основными субъектами провинциальной повседневности выступают представители крестьянства и православного духовенства. Типические социально-исторические портреты крестьянина и священника наиболее ярко проявились на фоне дихотомии[1] повседневности,

[1] Дихотоми́я (греч. διχοτομία: δῐχῆ, «надвое» + τομή, «деление») – раздвоенность, последовательное деление на две части.

в частности, таких ее сторон, как стабильность (обыденный уклад жизни) и экстремальность (войны, революции).

Хронологические рамки включают в себя период с 1866 г. – даты выхода первого номера «Пензенских епархиальных ведомостей» по 1917 г., когда публикация издания была остановлена. Выступая уникальным источником по истории повседневности российской провинции, ПЕВ на своих страницах отражает ключевые процессы либерализации российской провинции, важнейшего этапа институционализации системных характеристик современного общества, включая трансформацию предметной среды и духовно-нравственного опыта, а также практик адаптации.

Территориальные рамки исследования определяются границами Пензенской епархии, которые в указанных хронологических рамках совпадали с границами Пензенской губернии. К концу XIX века на территории Пензенской епархии действовало 859 церквей, в том числе, 690 – приходских, монастырей мужских 6 и женских 11. В составе духовенства было учтено: 23 протоиерея, 771 священник, 402 дьякона, 717 псаломщиков. Православие исповедовало 1 505 026 человек (из 1 593 548 жителей или 94,4% от всего населения губернии)[1]. Духовная и административная власть епископа Пензенского и Саранского в изучаемый период распространялась на 10 уездов: Городищенский, Инсарский, Керенский, Краснослободский, Мокшанский, Наровчатский, Нижнеломовский, Пензенский, Саранский и Чембарский. В настоящее время данная территория является частью Пензенской области и Республики Мордовия.

Степень разработанности темы исследования. История повседневности – одно из современных направлений развития исторической науки, сформировавшееся во второй половине XX века. В рамках этого направления ведутся исследования условий жизни, труда и отдыха (быта, условий проживания, рациона питания, способов лечения, социальной адаптации), а также факторов, влиявших на формирование сознания и норм

[1] Церкви, причты и приходы Пензенской епархии / сост. А. Попов. Пенза, 1896. С. 6–7.

поведения, социально-политические предпочтения и т. д. подавляющего большинства населения («обычных людей») той или иной страны в тот или иной исторический период[1].

Историческая традиция изучения структур повседневной жизни сложилась еще во второй половине XIX в. и представлена трудами по истории быта[2]. Исследователи XIX века – А. С. Уваров, И. Е. Забелин, Н. И. Костомаров, В. И. Даль, А. Б. Терещенко, В. А. Городцов, которых сегодня называют этнографами быта, – представляли структуру обыденности как систему из рядоположенных составляющих, к которым они относили весьма общие «свойства людей» (то есть психологические характеристики этнокультурного типа), а также их жилища, одежду, «домоводство», «образ жизни», элементы духовной культуры[3]. Понятие «быт», которым пользовались русские ученые-бытописатели не один век, охватывало «нравы и образ жизни»[4]. Так что «быт» в их работах понимался шире, чем, например, у советских этнографов и социологов второй половины XX века, которые противопоставляли «быт», «бытовую сферу» (вместе с досугом, свободным временем и т. п.) «труду», сфере производственной. В широкое понимание «быта» у дореволюционных авторов входило: домашнее хозяйство и все его элементы, «досужее времяпровождение», присваивающие формы экономики (сбор грибов, ягод, меда и т. п.), производящие формы экономики (производственный быт), нормы обычаев и права, в особенности

---

[1] Большой энциклопедический словарь, 2000. URL: // https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/81526 (дата обращения: 20.05.2025).

[2] Терещенко А. В. Быт русского народа. Санкт-Петербург, 1848; Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Москва, 1869; Забелин И. Е. Домашний быт русского народа. Москва, 1869; Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Москва, 1876; Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. Москва, 1992; Городцов В. А. Бытовая археология. Москва, 1910; Городцов В. А. Бытовая археология: Курс лекций. Москва, 1910; Уваров А. С. Миряне и их быт по курганным раскопкам. Санкт-Петербург, 1871.

[3] Пушкарева Н. Л. Научное направление «история повседневности» в отечественной и зарубежной историографии (к оценке итогов историко-антропологического поворота в социальных науках) // Вестник антропологии. 2016. № 3 (35). С. 132.

[4] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. Москва, 1955. С. 148.

традиционные, формы управления и административные порядки в селе и городе[1].

В широкий научный оборот термин «повседневность» был введен Фернаном Броделем, представителем второго поколения школы «Анналов»[2]. Выдающийся французский историк предложил и свое видение структуры концепта, включив в него все то, что постоянно присутствует в обыденной действительности: среда обитания, человеческие потребности и возможности их удовлетворения. Следующим шагом в этом направлении стала актуализация взаимодействия людей, их психологии и поведения, и ценностей, правил, исторической памяти. В творчестве представителей школы «Анналов» (Л. Февр, М. Блок, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Э. ЛеРуаЛадюри и др.[3]) появляется новая детерминанта, связанная с ценностными ориентациями, смысловым содержанием массовых представлений, со стереотипами сознания, опосредованными ментальными структурами повседневности[4].

В отечественной исторической науке понятие повседневности вводится в научный оборот во второй половине 1980-х гг. Однако вопрос о его содержании до сих пор остается дискуссионным. Наиболее обоснованной представляется теоретическая конструкция, разработанная К. Н. Любутиным и П. Н. Кондрашовым и получившая дальнейшее развитие в трудах

---

[1] Пушкарева Н. Л. Научное направление «история повседневности» в отечественной и зарубежной историографии (к оценке итогов историко-антропологического поворота в социальных науках) // Вестник антропологии. 2016. № 3 (35). С. 133.

[2] Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. Москва, 2010. С. 9.

[3] Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». Москва, 1993.

[4] Понятия «менталитет» и «ментальность» для определения своеобразия мыслительной деятельности и сознания конкретной этнической общности в научной литературе стали использоваться примерно с середины XIX века. Этимологически понятие «менталитет» восходит к английскому “mentality” – умственный, но не совпадает с ним по содержанию, так как в англоязычных психологических словарях оно определяется как «качество ума, характеризующее отдельного индивида или класс индивидов», «обобщение всех характеристик, отличающих ум», «способность или сила разума», «установки, настроение, содержание ума» и, наконец, «сумма мыслительных способностей, отличающихся от физических» // Современный философский словарь /Под ред. В. Е. Кемерова. Париж, Лондон, Франкфурт-на-Майне, 1999. С. 477.

Н.Л. Пушкаревой и С. В. Любичанковского. Исследователи трактуют повседневность как совокупность повседневного бытия (рутинные практики по удовлетворению потребностей) и обыденного сознания (субъективное отражение взаимодействия с реалиями окружающего мира через мысли и эмоциональные переживания в сознании людей)[1].

В российской науке ключевыми понятиями истории повседневности являются понятия «опыт», «ментальность», «практика» и «микроистория», занимающаяся рассмотрением малых территорий и популяций прошлого (городок, деревня, отдельная семья). Опыт рассматривается как совокупность индивидуальных переживаний и восприятий окружающего мира. Ментальность чаще всего трактуется как коллективное сознание, система ценностей, верований и представлений, характерных для определённой социальной группы или эпохи. Под практиками понимают повседневные действия и привычки, которые формируют социальную реальность. К структурам повседневности также относят: социальные представления, так или иначе отражающие состояние определенной социальной группы, поведенческие шаблоны и стратегии, непосредственные действия по их реализации, рефлексию полученного опыта.

Повседневность предстает процессом жизнедеятельности, трактуемым через концепт «обыденность», не ограничивая при этом ее формы рутинным каждодневным добыванием хлеба насущного. В структуру «обыденного мира» включают все многообразие повседневных практик (трудовые отношения, праздники, брак, семья, забота о здоровье, досуг и отдых, духовные предпочтения), потребительские интересы и очевидные ожидания[2].

---

[1] Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург, 2007; Пушкарева Н. В., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 1. Т. 4. С. 13.

[2] Касаткина С. С. Когнитивный образ повседневности российских городов // Грамота (Тамбов): Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология, искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10 (24). В 2-х ч. Ч. II. С. 74.

Можно назвать работы, которые свидетельствуют о востребованности истории повседневности и стремлении исследовать данный феномен с разных позиций. Интерес к отдельным аспектам культуры повседневности в отечественной историографической традиции отмечен трудами М. М. Бахтина, А. Я. Гуревича, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского[1]. Традиции изучения мыслительных установок «безмолвствующего большинства», присутствие которых фиксировалось в образах народной культуры, были заложены в творчестве М. М. Бахтина и А. Я. Гуревича[2]. По мнению Н. В. Розенберг, Ю. М. Лотман, независимо от западных исследователей, предвосхитил появление истории повседневности. Он первым из отечественных мыслителей совершил попытку трактовки бытового поведения исходя из норм и ценностей культуры, что перекликается с положениями феноменологической традиции[3].

С 1990-х гг. исследование повседневности в ее теоретических и прикладных аспектах становится заметным явлением в системе отечественного гуманитарного знания[4]. В своем стремлении к дефиниции концепта «повседневность» современные российские авторы акцентируют внимание прежде всего на критериальных рамках, выделяя в качестве особенностей «обыденной реальности»: практический характер, прагматическую направленность интересов, материально-телесную закрепленность, телесность и активное сознание (В. Д. Лелеко); массовость и всеохватность, первичность, неоднородность, упорядоченность (Н. Л. Пушкарева)[5]. Вместе с тем процесс структурирования концепта пока

---

[1] Успенский Б. А. Семиотика истории. Семиотика культуры // Успенский Б. А. Избранные труды. В 2-х т. Ленинград, 1994. Т.1; Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Санкт-Петербург, 1994.

[2] См.: Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Москва, 1965; Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. Москва, 1984.

[3] Розенберг Н. В. Культура повседневности: методология исследования. Тамбов, 2010. С. 36-37.

[4] Смирнов А. В. Генеалогия повседневности. Санкт-Петербург, 2012. С. 47-67.

[5] Пушкарева Н. Л. История частной жизни и история повседневности: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Москва, 2005. С. 19; Лелеко В. Д. Культура повседневности. Санкт-Петербург, 2001. С. 17.

все еще далек от своего завершения. Так, в структуре повседневности мы встречаем: предметно-аксиологический, технологический или деятельностный и семиотический элементы (Б. И. Краснобаев, М. В. Короткова, М. И. Козьякова); деятельностный и эмоциональный элементы (Б. В. Марков); физическое, перцептуальное и концептуальное пространства (В. П. Козырьков); событийную область публичной жизни, обстоятельства частной домашней жизни, эмоциональную сторону событий и явлений (Н. Л. Пушкарева); форму проявления определенного уклада жизни, пространство повседневности, время повседневности, вещно-предметный ряд, событийный ряд и набор сценариев поведения (В. Д. Лелеко); субъект, объект, пространственную локализацию, темпоральность, условия, способ и формы организации, цель и результат повседневной жизни (Е. В. Банникова)[1]. Л. Гудков в качестве предмета повседневности позиционирует: зонирование пространства обитания в быту; хронометраж времени; формы досугового поведения; ролевые структуры и функции в разных контактных группах; особенности языковой личности; специфику межличностного взаимодействия в учреждениях; аспекты девиантного поведения, преодоление отклонений в социализации личности; порядки социализации; порядок сна, его жилищные интерьеры и прочие вещественные аксессуары; формы питания; ритуалы ежедневные и праздничные, модификации этикета; статусные значения пользования техникой; место в компьютерной «паутине» и т. д.[2]

Исследования истории повседневности в религиозной жизни рубежа XIX–XX вв. привлекают внимание широкого круга историков. Например, М. И. Одинцов охарактеризовал правовое положение религии и Церкви в

---

[1] Пушкарева Н. Л. История частной жизни и история повседневности: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Москва, 2005. С. 19; Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. Санкт-Петербург, 2002. С. 113; Лелеко В. Д. Культура повседневности. Санкт-Петербург, 2001. С. 17; Козьякова М. И. История. Культура. Повседневность. Москва, 2002. С. 4-5 и др.

[2] Малова Е. Ю. Повседневность: сущность и предмет изучения в гуманитарных науках // Современные наукоемкие технологии. 2007. № 7.

Российской империи, отношения с государством и обществом, особенности церковной политики царского правительства[1]. М. В. Шкаровский и С. Л. Фирсов проанализировали причины кризисной ситуации в церковной жизни, сложившейся накануне Российской революции[2]. А. Л. Беглов подробно охарактеризовал состояние и противоречия в жизни православных приходов, их связь с эволюцией крестьянской общины, урбанизацией, развитием сословности духовенства и другими социальными процессами имперского периода[3]. Н. Ю. Сухова исследовала деятельность, организационное устройство и особенности подготовки духовенства в высших учебных заведениях – Санкт-Петербургской, Московской, Киевской и Казанской духовных академиях – во второй половине XIX в.[4] Т. Г. Леонтьева изучила коллизии сознания, морали, поведения сельского духовенства, которое было единственной силой, способной воздействовать на сознание и поведение основной массы крестьянского населения, во второй половине XIX–XX вв.[5] Л. В. Беловинский рассматривает значительный спектр повседневной жизни людей дореволюционной русской деревни: социальное и материальное положение, род занятий и развлечения, жилище, орудия труда и пищу, внешний облик и формы обращения, образование и систему наказаний, психологию, нравы, нормы поведения[6].

Вместе с тем данная проблематика лишь косвенно представлена в зарубежной историографии. Частично повседневные практики

[1] Одинцов М. И. Думский вызов: религиозные свободы и вероисповедные реформы в Российской империи (1900 г. – февраль 1917 г.). Санкт-Петербург, 2013.

[2] Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке // URL: https://spbda.ru/publications/professor-mihail-shkarovskiy-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-v-xx-veke/ (дата обращения: 01.05.2020); Фирсов С. Л. Революция 1917 года и проблема «демократизации» Русской Церкви // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Санкт-Петербург, 2021. С. 51–67.

[3] Беглов А. Л. Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы. Москва, 2019.

[4] Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы: вторая половина XIX века. Москва, 2006.

[5] Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное духовенство России во второй половине XIX – XX вв. Москва, 2002.

[6] Беловинский Л. В. Жизнь русского обывателя: В 3 ч. (2-е издание). Ч. 1. Избаихоромы. Москва, 2024.

провинциальной России нашли свое отражение в трудах американских русистов Грегори Фриза, Греты Бухер, рассмотревших падение Российской империи через призму церковной жизни[1]. Общие проблемы развития русскоязычной периодики в США в 1889–1914 гг. анализирует Роберт Карлович[2].

В становлении региональной историографии провинциальной повседневности можно условно выделить несколько этапов и групп исследователей. Первыми исследователями истории повседневности провинции и приходской жизни Пензенской епархии стали редакторы и авторы-корреспонденты ПЕВ. Первым редактором неофициальной части «Пензенских епархиальных ведомостей» был инициатор издания – протоиерей Иаков Петрович Бурлуцкий, которого справедливо считают основоположником церковного краеведения. Он является автором более 150 публикаций на страницах журнала. Среди них необходимо назвать труды «История раскола в пределах Пензенской епархии», «О святых иконах, пользующихся особым чествованием народа», многочисленные описания церквей и монастырей, жизнеописания пензенских иерархов, исторические изыскания «О пензенских священно-церковнослужителях во время Пугачевского бунта», «История раскола в Пензенской епархии» и множество других[3]. По оценкам современников, его литературная деятельность была так разнообразна и обширна, что «требует времени для собирания материала,

[1]Bucher Greta. Daily life in Imperial Russia / Greta Bucher. Westport, 2008; Freeze Gregory L. Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983; Фриз Грегори. Губительное благочестие: Российская церковь и падение империи. Санкт-Петербург, 2019.

[2] Karlovich R. A. We Fall and Rise: Russian-Language Newspapers in New York City, 1889-1914. Metuchen, NJ: Scarecrow Press, 1991.

[3] Бурлуцкий Я. П. О святых иконах, пользующихся особым чествованием народа // ПЕВ. 1870. № 18. С. 576; Бурлуцкий Я. П. О святых иконах, пользующихся особым чествованием народа // ПЕВ. 1870. № 18. С. 576; Бурлуцкий Я. П. О пензенских священно-церковно-служителях во время Пугачевского бунта// ПЕВ. 1873. № 23. С. 813–827.

группировки и оценки», тогда «может составиться не один объемистый том»[1].

Позже совместное редактирование журнала осуществляли преподаватели Пензенской духовной семинарии – Смирнов Николай Ксенофонтович (до своей кончины в 1907 г.) и Попов Алексей Егорович (его фамилия упоминается на страницах журнала до мая 1917 г.).

Н. К. Смирнов являлся автором большого количества публикаций в журнале на самые разные темы. Из-под его пера выходили исторические и этнографические исследования, статьи о проповедничестве и пастырском служении, религиозно-нравственном состоянии народа, богослужении и расколе, браке и др. Обширный цикл статей им был написан о мордовском населении Пензенской губернии[2]. Книга «Изъяснение церковно-гражданских постановлений относительно браков, заключаемых в родстве или свойстве» вышла отдельным изданием в 1877 г.[3] и была вторым изданием брошюры «О видах и степенях родства» (Пенза, 1875 г.)[4]. В новом издании брошюра дополнена разъяснением многих вопросов, касающихся браков, заключаемых в родстве или свойстве.

Множество статей для ПЕВ, а также работы «Церкви, причты и приходы Пензенской епархии» (1896), «Памятная книжка Пензенской епархии» (1897), сохраняющие ценность и для современных исследователей, подготовил А.Е. Попов. Участвовал Попов и в подготовке историко-статистического описания «Пензенская епархия» (1907), выпущенного редакцией ПЕВ[5].

---

[1] Смирнов Н. К. Речь пред выносом из квартиры тела протоиерея И. П. Бурлуцкого // ПЕВ. 1886. № 20. С. 16–21.

[2] Смирнов Н. К. Мордовское население Пензенской губернии // ПЕВ. 1874. № 1. С.19; ПЕВ. 1875. № 2. С. 1.

[3] Смирнов Н. К. Изъяснение церковно-гражданских постановлений относительно браков, заключаемых в родстве или свойстве. Пенза, 1877.

[4] Смирнов Н. К. О степенях и видах родства: Наглядный и простейший способ определять близость родственных отношений между лицами, желающими вступить в брак. Пенза, 1875.

[5] Попов А. По вопросу об улучшении издания епархиальных ведомостей // ПЕВ. Часть неофициальная. 1881. № 2. С. 1–-11; Попов А. Е. Церкви, причты и приходы Пензенской

Поскольку ПЕВ являлись официальным органом Пензенской епархии, основным предназначением журнала было публиковать информацию для духовенства, которая опосредованно, через пастырскую и проповедническую деятельность священнослужителей, становилась доступной для народных масс, в первую очередь крестьянства. В журнале публиковались толкования Св. Писания, проповеди и поучения местных священников, материалы по истории христианской церкви (монастырей, храмов, приходов, наиболее чтимых икон)[1]. Однако на страницах ПЕВ нашли отражение все структурные элементы повседневной провинциальной жизни. В очерках по историко-статистическому описанию разных сел можно найти факты не только об истории возникновения сел и деревень, воспоминания старожилов, но и сведения о народном быте (одежде, жилище, пище, земледельческом труде, промыслах, ремеслах, семейной жизни, досуге, праздниках)[2]. Представлен был также быт, нравы и обычаи разных народностей: русских, татар, мордвы[3].

Особое внимание корреспонденты ПЕВ (например, И. Дружинин, С. Орлов, священники Н. Быстров, П. Докучаев, И. Померанцев, Н. Черкасов,

---

епархии. Пенза, 1896; Попов А. По вопросу об улучшении издания епархиальных ведомостей // ПЕВ. Часть неофициальная. 1881. № 2. С. 1–11; Попов А. Е. Церкви, причты и приходы Пензенской епархии. Пенза, 1896; Пензенская епархия: Историко-статистическое описание. Пенза, 1907.

[1] Европейцев И. Поучение о том, что праздник есть самый удобный день для примирения с врагом // ПЕВ. 1882. № 24. С.82; Европейцев К. Поучение по случаю принесения чудотворной иконы Казанской Божией Матери из Нижнеломовского мужского монастыря в заштатный город Верхний Ломов // ПЕВ. 1884. № 24. С.81.

[2] Быстров Н. Историко-статистическое описание села Степановки Мокшанского уезда // ПЕВ. 1885. №7. С.17; Черкасов Н. Село Гремячевка Городищенского уезда (Историко-статистический очерк) // ПЕВ. 1902. № 18. С. 744; Покровский Д., священник. Село Вичкилеи Городищенского уезда Пензенской епархии (Историко-статистический очерк) // ПЕВ. 1903. №22. С. 899; Росницкий А. Село Никольское-Борнуки Городищенского уезда, Пензенской епархии (Историко-статистический очерк) // ПЕВ. 1904. № 15. С. 578; Орлов Е. Историко-статистический очерк села Вышилей Городищенского уезда // ПЕВ. 1913. № 21. С. 856; Дружинин И. Село Шувары Инсарского уезда (Историко-статистический очерк) // ПЕВ. 1909. № 2. С. 78.

[3] Антонинов А. Мордва (Краткий историко-этнографический очерк) // ПЕВ. 1894. № 16. С.731; Померанцев И. Религиозные верования, быт, нравы и обычаи мордвы, населяющей Городищенский уезд Пензенской губернии // ПЕВ. 1916. № 11. С. 398; А. Х. Татары-магометане Пензенской губернии. Краткий исторический очерк // ПЕВ. 1910. № 15. С. 566.

Д. Покровский, А. Росницкий, В. Масловский и др.) обращали на религиозно-нравственное состояние населения[1]. Духовенство интересовало народное восприятие православия – основных положений христианской догматики и церковных обрядов[2]. Во многих публикациях содержатся сведения о местном фольклоре, обычаях, обрядах, суевериях[3].

Новый импульс пензенское краеведение получило в начале XX в., когда появились научные объединения, специализировавшиеся на изучении истории края – Пензенский церковный историко-археологический и статистический комитет и Пензенская ученая архивная комиссия (ПУАК), благодаря которым в научный оборот были введены новые документальные источники.

Целью историко-археологического и статистического комитета, действовавшего при Пензенской духовной семинарии, выступало «подробное описание Пензенской губернии в ее прошлом и настоящем состоянии, равно отдельных приходов епархии, храмов и различных достопримечательностей», а также «собирание предметов, имеющих ценность»[4]. Большое значение имел сбор сведений о занятиях и промыслах населения, его материальном обеспечении, быте, нравах, понятиях, нравственности, описание церквей и приходов.

Одним из организаторов названных комитетов стал один из наиболее активных и профессиональных корреспондентов ПЕВ – Алексей Лукич

---

[1] Смирнов Н. Нравственное состояние русского народонаселения в пределах Пензенской епархии // ПЕВ. 1876. № 20. С. 1; Докучаев П. Очерк развития религиозно-нравственной жизни и грамотности в селе Домосердки Городищенского уезда // ПЕВ. 1901. № 16. С. 552.

[2] Масловский В. Народные воззрения на св. пророка Илию Масловский В. Народные воззрения на св. пророка Илию // ПЕВ. 1897. № 15. С. 543 и др.

[3] Алгебров И. Несколько слов о суеверии простого народа // ПЕВ. 1868. № 11. С. 347; Европейцев А. Поучение к прихожанам против суеверного обычая «опахивания села» // ПЕВ. 1871. № 5. С. 149; Быстров Н., священник. Поучение против нехристианского обычая молодежи разъезжать, во время совершения таинства брака, вокруг церкви, петь песни и пр. // ПЕВ. 1891. № 6. С. 12; Смирнов Н. Суеверия простого народа и борьба с ними пастырей // ПЕВ. 1882. № 24. С. 1 и др.

[4] Открытие церковного историко-археологического и статистического комитета с церковным древлехранилищем при Пензенской духовной семинарии // ПЕВ. 1902. № 5. С. 210.

Хвощев, выдающийся историк-краевед, богослов, профессор, автор книги «Очерки по истории Пензенского края»[1], которая до сих пор считается одним из важнейших краеведческих исследований. В 1929 г. по инициативе Пензенского окружного совета Союза воинствующих безбожников Хвощев был обвинен в редактировании «черносотенного журнала» и лишен возможности преподавать в советской школе[2], после чего вынужден был уехать из Пензы, позже работал кладовщиком. Судьба другого автора ПЕВ – А.А. Беляева (впоследствии священномученик Августин, епископ Калужский и Боровский) – сложилась еще более трагично. Он был расстрелян в 1937 г.[3]

В целом анализ публикаций ПЕВ позволяет исследовать перемены в повседневной жизни провинции в условиях модернизации: индустриализации, демократизации, урбанизации последней трети XIX – начала XX в., хотя данные термины авторам журнала не были известны, поскольку не использовались в научном обороте.

В советской историографии по причинам идеологического порядка проблемы церковной истории и духовенства не стали объектом системного изучения, но материалы ПЕВ использовались в трудах советских историков без особого акцентирования внимания на проблематике повседневности[4].

В постсоветский период, напротив, происходит методологический поворот, и история повседневности неспешно завоевывает позиции самостоятельного научного направления (О. А. Сухова, В. В. Кондрашин, Л. В. Лебедева, Г. Н. Рябова)[5]. Активно разрабатываются проблемы истории

---

[1] Хвощев А. Л. Очерки по истории Пензенского края: с этнографической, 2 историческими картами Пензенского края и планом г. Пензы XVIII в. Пенза, 1922. 150 с.

[2] Зименков В. Н. Алексей Лукич Хвощев // Пензенский временник любителей старины. Пенза, 2004. С. 81–86.

[3] Августин (Беляев), священномученик. Последовавший Христу верою. Житие и мученический подвиг за веру архиепископа Августина (Беляева) / Автор жития архим. Дамаскин (Орловский). Москва, 2020. С. 80.

[4] Лебедев В. И. Избранные труды. Пенза, 2024. С. 470–474.

[5] Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. Москва, 2008; Сухова О. А. Сельский мир на исходе гражданской войны: экстремальная повседневность и практики адаптации (по материалам

религии и церкви (А. И. Дворжанский, Е. П. Белохвостиков, О. В. Колпакова, В. Ю. Карнишин, Н. Г. Карнишина, А. И. Кошелева, А. В. Мендюков)[1].

Защищены первые диссертационные исследования, посвященные истории Пензенской епархии (Н. И. Полосин, А. И. Кошелева, О. В. Колпакова, К. Г. Аристова, А. М. Торгашин)[2], повседневности крестьянства (О. А. Сухова, М. Ю. Садырова)[3], провинциальной социокультурной среды (А. В. Первушкин, П. А. Кузнецов)[4].

Среднего Поволжья) // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности. Новосибирск, 2022. С. 172–183; Сухова О. А. Разработка источниковедческих аспектов истории повседневности новейшего времени // Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история. Пенза, 2015. С. 304–310; Сухова О. А. История повседневности: предмет и метод исследовательской практики // Человек в Российской повседневности: история и современность. Пенза, 2015. С. 64–67; Сухова О. А. История повседневности Первой мировой войны: методология и источники // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 35–51; Кондрашин В. В. Пензенская губерния и пензяки в годы Первой мировой войны // Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918. Кн. 1. Прага, 2014. С. 12–66; Лебедева Л. В. Источники исследования крестьянской повседневности в первое десятилетие Советской власти (на примере Пензенской губернии) // Современные исследования социальных проблем. Пенза, 2017. Т. 9. № 1–2. С. 160–163; Рябова Г. Н. Повседневная жизнь в годы революции: парадоксы бытия // 1917 год в российской провинции: Сборник научных статей Международной научно- практической конференции, посвященной 100- летию Великой российской революции. Пенза, 2017. С. 211–215.

[1] Дворжанский А. И. История Пензенской епархии. Пенза, 1999; Белохвостиков Е. П. По монастырям Пензенского края. Пенза, 2010; Карнишин В. Ю., Карнишина Н. Г., Кошелева А. И. Церковная проповедь и публицистика в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2019. № 6. С. 14–19; Мендюков А. В. Русская Православная Церковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX – XX веков. Москва, 2016.

[2] Колпакова О.В. Приходское духовенство Пензенской епархии в 1799–1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2022; Кошелева А. И. Приходское духовенство Среднего Поволжья в 1880–1890-е гг.: на примере Пензенской и Самарской епархий: автореф. дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2011; Полосин Н. И. Православное духовное образование в Пензенской губернии в XIX – начале XX века: дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2005; Аристова К. Г. Обновленчество в Пензенской епархии в 1917–1923 гг.: первые уроки Советской власти: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2011; Торгашин А. М. Система православного образования и православные духовно-учебные заведения Пензенской губернии в контексте социально-политических перемен в XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2001.

[3] Сухова О. А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902 – 1922 гг.: по материалам Среднего Поволжья: дис. … док. ист. наук. Пенза, 2007; Садырова М. Ю. Религия и церковь в повседневной жизни русского крестьянства в конце XIX – первой трети XX вв.: по материалам Пензенской и Саратовской губерний: дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2010.

[4] Первушкин А. В. Население провинциального города второй половины XIX – начала XX вв. Историко-демографический анализ: на примере городов Пензенской губернии: дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2006; Кузнецов П. А. Информационная среда провинциального

На современном этапе история повседневности провинции интересует религиоведов, историков, культурологов, социологов и др. специалистов. Можно констатировать сохранение высокого и активного интереса представителей гуманитарных наук к разработке проблематики провинциальной повседневности российского общества. Например, в монографии Н. М. Инюшкина провинция рассматривается как особый феномен, особая характеристика культурного ландшафта страны-системы[1]: «…провинция, ее культура оказываются своеобразным контрольным пространством, той ареной, где история, время наиболее трезво и реально, по “гамбургскому счету” проверяют ценность, устойчивость и плодотворность того, что пробует человечество для своего наилучшего жизнеустройства и духовного воплощения»[2].

Культура повседневности в ее пространственной локализации может быть прочитана через символику, ценностные ориентации, коммуникации и информационные поля[3]. Важнейшими чертами провинциальной культуры признается господство архетипических – этно-архаических идеологем и способов жизнедеятельности в структуре повседневности, консерватизм и самодостаточная инертность культурных форм[4].

В начале XXI в. историческое наследие церковно-периодических изданий также стало объектом широкого научного интереса исследователей во многих регионах. Защищены диссертации по материалам церковных периодических изданий Ставропольской, Курской, Ярославской,

---

города России 1860–1890 гг.: на материалах Пензенской и Казанской губерний: дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2010.

[1] Инюшкин Н. М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004. С. 20.

[2] Там же. С. 432.

[3] Касаткина С. С. Когнитивный образ повседневности российских городов // Грамота (Тамбов): Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология, искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10 (24). В 2-х ч. Ч. II. С. 74.

[4] Южалина Н. С. Провинциальное: типологические характеристики в социокультурном контексте // URL: http://psibook.com/religion/provintsialnoe-tipologicheskie-harakteristiki-v-sotsiokulturnom-kontekste.html(дата обращения: 15.10.2023)

Воронежской и других епархий[1]. Вместе с тем анализу роли ПЕВ в освещении повседневной жизни губернии посвящены лишь отдельные публикации[2].

Представляется обоснованным мнение А. В. Горайко, изучившего историографические аспекты применения ПЕВ в научных исследованиях, о том, что при понимании первостепенной важности ПЕВ как источника по

[1] Василенко И. В. Периодическая печать как элемент социокультурного пространства российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах «Ставропольских губернских ведомостей» и «Ставропольских епархиальных ведомостей»: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 2010; Верещагин И. Ф. Церковно-епархиальная периодическая печать в общественной жизни российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков: на материалах Европейского Севера России: дис. … канд. ист. наук. Архангельск, 2013; Чижов Р. В. Роль периодической печати в консолидации регионального культурного сообщества: на примере деятельности «Ярославских епархиальных ведомостей» 1860–1917 гг.: дис. … канд. культурологии. Москва, 2006; Тимофеева Е. С. «Церковные ведомости» (1888–1918). История издания: дис. … канд. филол. наук. Москва, 2007; Наумов Д. В. Влияние региональной церковной периодической печати на формирование общественного мнения православного духовенства во второй половине XIX в.: на материале Воронежских и Курских «Епархиальных ведомостей»: автореф. дис. … канд. ист. наук. Белгород, 2021.

[2] Бахмустов С. Б. «Пензенские епархиальные ведомости» (Из материалов к Энциклопедическому словарю МССР») // Вестник Мордовского университета. 1991. № 1. С. 45–46; Белохвостиков Е. П., Забродина Н. И. Пензенские епархиальные ведомости // Пензенская энциклопедия. Изд-е 2-е. В 2-х т. Т. 2. Пенза, 2019. С. 176; Домнин С. В., Маслова И. И., Пурис З. В. «Пензенские Епархиальные Ведомости» как исторический источник для изучения государства и Российской Православной Церкви (1866-1917) // Конфессиональная политика в России в новое и новейшее время: Материалы международной научной заочной конференции. Москва, 2021. С. 113–121; Кошелева А. И. Епархиальная периодическая печать в Пензенской губернии в последней трети XIX в. // Правовая политика государства: теория, история, практика. Пенза, 2011. С. 171–178; Кузьмина Е. Е., Паршина В. Н. Пензенские епархиальные ведомости как исторический источник по истории русской православной традиции // Русская культура: вчера, сегодня, завтра: Материалы I Международной научно-практической конференции. Пенза, 2016. С. 6-10; Лапынина О. Н. Источниковедческий анализ журнала «Пензенские епархиальные ведомости» (XIX – начало XX в.) на основе применения новых компьютерных технологий // Библиография. Археография. Источниковедение: сборник статей и материалов. Вып. 2. Санкт-Петербург; Москва, 2015. С. 155–158; Некрылова Е. В. О прошлом и настоящем вестника Пензенской епархии // ПЕВ. 2016. № 4. С. 26–30; Розов А. Н. Фольклорно-этнографические материалы на страницах журнала «Пензенские Епархиальные ведомости» (1866–1917) // Русский фольклор: Материалы и исследования. Санкт-Петербург, 2008. Т. 33. С. 381–424; Троицкий Александр, прот. «Пензенские Епархиальные Ведомости» // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Москва, 2019. Т. 55. С. 341–344.

истории Пензенского края «очевидна невысокая степень востребованности накопленных в ведомостях исторических данных»[1].

Возникновение подобного противоречия формирует объективную потребность в разработке информационного потенциала ПЕВ в целях восполнения лакун исторического знания по проблемам провинциальной повседневности в эпоху эмансипации.

Исследовательская проблема данной работы заключается в получении достоверного знания о трансформации повседневной жизни российской провинции в последней трети XIX – начале XX в. под воздействием модернизационных процессов. Обращение к результатам публичного дискурса, к краеведческой составляющей материалов ПЕВ позволяет сформировать дополнительную систему аргументации в деле реконструкции восприятия исторического процесса современниками.

Гипотеза исследования состоит в том, что перечень основных характеристик провинциальной повседневности, доступных для изучения современным историкам, может быть существенно расширен с помощью комплексного анализа материалов ПЕВ.

Целью исследования является комплексный анализ трансформации важнейших составляющих уклада (структур) провинциальной повседневности в последней трети XIX – начале XX в., что нашло свое отражение на страницах ПЕВ.

Для достижения цели следует решить следующие **задачи исследования**:

– изучить этапы становления журнала «ПЕВ», его концепцию и редакционную политику;

– исследовать контент и проблематику публикаций журнала;

---

[1] Горайко А. В. «Пензенские епархиальные ведомости» как исторический источник: аспекты возможного (по материалам историографии) // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии. 2022. № 2 (24). С. 40.

– реконструировать уклад обыденной повседневности (рутинных социальных практик, привычек сознания и поведения) в жизненном мире крестьянства и духовенства российской провинции, представленный на страницах ПЕВ;

– охарактеризовать перемены в религиозно-нравственном состоянии обывателей Пензенской **е**пархии;

– раскрыть специфику репрезентаций девиантных практик в публикациях ПЕВ на примере противодействия Русской Православной Церкви алкоголизации населения и организации трезвенного движения;

– выявить основные векторы проявления дихотомий провинциальной повседневности в сопоставлении обыденности и экстремальности в периоды военных конфликтов;

– систематизировать проявления экстремальной повседневности в условиях революций, включая эмоциональные реакции, интерпретации, взгляды, мотивы поведения участников и очевидцев событий.

Источниковая база исследования была определена объектом, предметом, целью, задачами диссертации и составляет широкий комплекс неопубликованных и опубликованных материалов.

Группу неопубликованных источников составили архивные делопроизводственные документы – материалы фондов Российского государственного исторического архива (РГИА): фонды канцелярии Синода (ф. 796), Учебного комитета при Синоде (ф. 802).

В фонде канцелярии Синода (ф. 796), наряду с отчетами о состоянии епархий и приходов, духовных учебных заведений, типографий, были исследованы указы правительствующего Синода. Обнаружен указ Синода № 1849 от 5 (18) ноября 1865 г., который разрешил официальное издание ПЕВ по ходатайству епископа Антония (Смолина)[1]. Там же была

[1] РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д.1495. Л. 1–9.

опубликована первоначальная программа для неофициальной части ПЕВ, утвержденная Синодом.

Материалы Учебного комитета при Синоде (ф. 802) – отчеты ревизий Пензенской духовной семинарии с упоминанием биографических сведений преподавателей, которые являлись авторами ПЕВ.

В ходе исследования были изучены материалы Государственного архива Пензенской области (ГАПО), а именно фонды: Пензенской духовной консистории (ф. 182), Пензенского церковного историко-археологического и статистического комитета (ф. 269), Пензенской духовной семинарии (ф. 21), Пензенского епархиального женского училища (ф. 226), Коллекция документов Пензенской губернской ученой архивной комиссии (ф. 132).

В фонде Пензенской духовной консистории (ф. 182) особый интерес представляют указы и журналы Пензенской духовной консистории, а также сведения о прихожанах церковных приходов разных уездов Пензенской епархии. Фонд Пензенского церковного историко-археологического и статистического комитета (ф. 269) содержит программные и уставные документы комитета. Фонды Пензенской духовной семинарии (ф. 21), Пензенского епархиального женского училища (ф. 226) представляют интерес для восстановления биографий авторов ПЕВ, одновременно занимавшихся преподаванием. Коллекция документов Пензенской губернской ученой архивной комиссии (ф. 132) интересна для сравнительного анализа деятельности Пензенского церковного историко-археологического и статистического комитета, некоторые участники которого совмещали членство в этих организациях.

В исследовании использованы такие виды опубликованных источников, как статистические и справочные материалы, а также материалы периодической печати.

Статистические и справочные материалы представляют собой сборники Пензенского губернского статистического комитета за

1869–1905 гг.[1], а также сборники редакции ПЕВ об историко-статистическом описании Пензенской епархии, церквях, причтах и приходах[2].

Материалы периодической печати в исследовании истории повседневности играют особую роль. Особенности прессы как источника формируются стремлением зафиксировать все значимые изменения в публичной сфере, а, следовательно, на страницах газет и журналов можно отыскать самую разнообразную информацию, отражающую элементы структуры повседневности. Тотальность и целостность воспроизводства информации позволяет определить общие подходы, каркас структуры повседневности применительно к определенному отрезку времени.

В качестве обширной источниковой базы для исследования повседневности провинции были использованы материалы ПЕВ (1866-1917 гг.) – корпус оцифрованных текстов, который включает генеральную совокупность номеров и статей – 1251 выпуск журнала (4256 статей), опубликованных за период 1866–1917 гг., что обеспечивает достоверность выводов и обобщений. Наиболее информативными источниками для изучения провинциальной повседневности оказались труды более 50 священников, составивших очерки по истории свыше 100 сел и приходов Пензенской епархии.

Таким образом, сформированный корпус исторических свидетельств, представленный, в том числе, в формате зарегистрированной электронной базы данных «Именной указатель к журналу «Пензенские епархиальные

---

[1] Памятная книжка Пензенской губернии. Пенза, 1870; Памятная книжка Пензенской губернии. Пенза, 1889; Попов А. Памятная книжка Пензенской епархии / составил А. Попов. Пенза, 1897; Пензенский губернский статистический комитет. Сборник Пензенского губернского статистического комитета. Вып. 5; Юбилейный сборник Пензенского губернского статистического комитета. – Изд. Комитетом ко дню столетней годовщины восстановления Пензенской губернии, Пенза,1901; Пензенский губернский статистический комитет. Сборник Пензенского губернского статистического комитета / Под ред. В.П. Попова. Вып. 1. Пенза, 1905.

[2] Попов А. Е. Церкви, причты и приходы Пензенской епархии / сост. А. Попов. Пенза: тип. губ. правления, 1896. URL: http://elib.shpl.ru/nodes/13450 (дата обращения: 01.03.2023); Пензенская епархия: историко-статистическое описание: с картой Пензенской губернии. Пенза, 1907.

ведомости». 1866–1917 гг.» позволяет успешно решить поставленные в диссертации задачи и обеспечивает высокую степень репрезентативности положений и выводов.

Методологические основы исследования. Характер методологии исследования определяется проблематикой истории повседневности. Повседневность является сложным комплексом взаимоотношений человека и окружающей среды с ее природными и социальными характеристиками (условия труда и быта, образ жизни и др.). Основой повседневности выступает быт как внепроизводственная сфера, совокупность связей и отношений, нацеленных не только на удовлетворение материальных потребностей (в пище, одежде, жилище, поддержании здоровья), но и на освоение духовных благ, культуры. Особое внимание в данном исследовании уделяется религиозно-нравственному состоянию общества и масштабу распространения девиантных практик в указанный период.

Методологическую базу исследовательской работы составили принципы научности, системности, историзма, объективности, междисциплинарности.

В основу методологии исследования положен *междисциплинарный подход* к научному познанию, который предполагает не только применение висторическом исследовании методов других наук, но и позволяет провести целостное исследование объекта за счет анализа данных, полученных специалистами других областей научного знания.

Исследование осуществлялось в соответствии с *принципом историзма*, предполагающим рассмотрение процессов и явлений повседневности в конкретных исторических условиях и взаимосвязях.

Не менее значимым для решения поставленных задач стало применение *системного и комплексного подходов*, позволяющих рассмотреть провинциальную повседневность как сложный комплекс разноплановых характеристик, включающий влияние окружающей человека среды, с ее природными и социальными (условия труда и быта, образ жизни и др.).

Историко-антропологический подход (историческая антропология) был необходим в данном исследовании, поскольку ставит в центр анализа человека как изменяющегося во времени члена общества, позволяет изучить структуры повседневности, мировосприятие и чувства человека, которые лежат в основе коллективного поведения.

Социокультурный подход был применен для рассмотрения общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека. Сама личность «маленького человека» рассматривалась как связанная с обществом и культурой – системой и совокупностью ценностей, норм.

В исследовании широко использовался *проблемно-хронологический подход*, дающий возможность отследить и проанализировать эволюцию основных характеристик и перемен в провинциальной повседневности под влиянием процесс модернизации на фоне изменений контента ПЕВ и взглядов авторов на разных этапах истории журнала.

Методы исследования. В настоящем исследовании использован широкий спектр общенаучных (дедукция, индукция, анализ, синтез, аналогия, обобщение и абстрагирование), а также специальных исторических методов.

Историко-сравнительный метод был необходим при сопоставлении изменений интерпретаций и оценок современников в отношении повседневной жизни.

Синхронический метод был направлен на раскрытие общей картины провинциальной повседневности, все аспекты которой взаимосвязаны и образуют устойчивую и противоречивую систему.

Диахронический метод позволил проследить изменения повседневной жизни и интерпретаций современников в исторической ретроспективе.

Биографический метод был применен для восстановления биографий редакторов и наиболее известных авторов публикаций ПЕВ.

Осуществлялся анализ взаимодействий субъектов провинциальной повседневности на макро- и микроисторических уровнях.

Микроисторический анализ предполагает изучение повседневных явлений, происходивших в жизни отдельных обывателей, а также их взглядов, с целью выявления господствующих представлений и тенденций в российском обществе в целом.

Макроисторический анализ был применен для максимально широкого охвата исторической реальности в контексте истории повседневности под влиянием модернизационных процессов.

Метод дихотомии использовался для последовательного деления провинциальной повседневности на две части, более связанные внутри, чем между собой, в частности, для изучения взаимосвязи и особенностей обыденной и экстремальной повседневности.

Метод реконструирования нашел применение для воссоздания панорамы повседневной жизни провинции и эмоциональных реакций современников на происходящее, а также способствовал пониманию смыслов социального взаимодействия на уровне повседневного общения.

Одним из наиболее значимых методов исследования выступает *герменевтика,* что предполагает интерпретацию и толкование текстов, исходя из «погружения» в культурно-исторический контекст, изучения социокультурной специфики, ценностных ориентаций и установок провинциального социума в определенную историческую эпоху; рассмотрение ситуации в системе смысловых характеристик.

В целях структурирования репрезентаций провинциальной повседневности были применены *метод контент-анализа* текстового массива и последующая смысловая интерпретация нарратива ПЕВ. Необходимостью анализа большого объема цифровых данных было обусловлено применение *методов математического моделирования, исторической информатики*, а также использование *графического метода*,

позволяющего наглядно представить исследуемые тенденции и структуру провинциальной повседневности.

Таким образом, комплексное применение общенаучных, конкретно-исторических и междисциплинарных методов позволило решить поставленные исследовательские задачи и воссоздать достоверную модель пространства провинциальной повседневности на примере духовенства и крестьянства в условиях модернизации.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые в исторической науке проведено комплексное исследование уклада обыденной повседневности крестьянства и духовенства (рутинных социальных практик и привычек сознания и поведения в жизненном мире), а также условий и результатов его трансформации в период последней трети XIX – начала XX в. на материалах ПЕВ. Изучены факторы формирования контента и проблематики публикаций журнала (комплексное влияние Великих реформ, проявления модернизационных процессов в российской провинции, развитие публичной сферы Пензенской губернии, редакционная политика, мировоззренческие установки авторов). Структурированы проявления дихотомий провинциальной повседневности в сопоставлении обыденности и экстремальности, а именно: законопослушание – склонность к бунтарству; общинность – индивидуализм; православная вера – языческие суеверия; отправление православных обрядов – безразличие к нравственным порокам; приверженность традициям в условиях сельского образа жизни – отказ от традиций при перемещении в города. Сформирована система представлений об эволюции религиозно-нравственного состояния паствы, распространении девиаций под воздействием модернизационных процессов на рубеже XIX – начала XX вв. Выявлена специфика обострения дихотомий повседневности (экстремизация жизненного мира как результат максимизации угроз; ситуация травмы) в российской провинции в периоды военных конфликтов, реконструированы адаптационные модели и их репрезентации. Выявлены реакции провинциального социума на экстремизацию повседневности в

революционную эпоху, воспроизведенных в образах, оценках и суждениях, опыте рефлексии авторов публикаций

Теоретическая значимость исследования выражается тем, что оно построено на основе впервые апробированной методики реконструкции структур повседневности провинциального социума в последней трети XIX – начале XX в., выполненной на материалах епархиальной периодики. Данная методика может быть экстраполирована на изучение жизненного уклада в различных регионах России посредством обращения к аналогичным периодическим изданиям. Результаты исследования представляют интерес для историков, краеведов, антропологов, этнографов, культурологов, социологов, психологов и др. исследователей истории повседневности.

Практическая значимость заключается в возможности использования материалов и выводов данной диссертации при дальнейшем изучении истории повседневности, Русской Православной Церкви, церковно-государственных отношений, экономических и социальных отношений, а также общественно-политической жизни в России последней трети XIX – начала XX в. Материалы диссертации могут использоваться при разработке учебных курсов по истории Русской Церкви и отечественной истории второй половины XIX – начала XX вв.

Особую практическую ценность имеет электронная база данных «Именной указатель к журналу «Пензенские епархиальные ведомости». 1866-1917 гг.»[1], составленная и зарегистрированная в процессе работы наддиссертационным исследованием. База данных содержит 29349 записей и включает имена священников, диаконов, псаломщиков, иеромонахов, архимандритов, игуменов, преподавателей семинарии и пр., упомянутых на страницах журнала за 1866-1917 гг. в официальной и неофициальной частях,

[1]Именной указатель к журналу «Пензенские епархиальные ведомости». 1866–1917 гг. (А – Я) / С. В. Домнин, И. И. Маслова, О. А. Сухова, Р. М. Кирякин // Свидетельство о регистрации базы данных RU 2023621086, 04.04.2023. Заявка № 2023620706 от 16.03.2023. Пенза, Пензенская епархия Русской Православной Церкви, 2023. 915 с. Церковно-исторический комитет Пензенской Епархии: [сайт]. URL: http://historypenza.ru/imennoj-ukazatel/(дата обращения: 10.01.2025).

а также в приложениях. Указатель отсылает пользователя к странице, номеру и году издания журнала, позволяет получить информацию о рукоположении, перемещениях по службе, наградах, благотворительной, педагогической, пастырской деятельности и дате кончины того или иного лица. Указатель может быть использован при изучении истории храмов и монастырей, духовного сословия, составлении родословных и т. д.

Положения, выносимые на защиту:

1. Историю ПЕВ в условиях модернизации российского общества можно условно разделить на два этапа: 1866–1904 гг. и 1905–1917 гг. На первом этапе журнал являлся епархиальным изданием, ориентированным на читательские запросы духовенства. Контент журнала постепенно преодолевал сословную замкнутость, и, благодаря насыщению историко-краеведческими и просветительскими материалами, стал интересен для представителей разных сословий – широкого круга читателей. На втором этапе журнал становится трибуной для полемики духовенства, которое стало активно откликаться на политические события. Редакционная политика ПЕВ определялась происходившими переменами в повседневности провинциального общества на фоне процессов модернизации, сопровождавшихся в России нарастанием остроты социально-политических противоречий, противоборства реформаторской и революционной тенденций. Институционализация изучения истории провинциальной повседневности прослеживается в деятельности Историко-археологического и статистического комитета, функционировавшего с 14(28) февраля 1902 до 1918 гг.

2. Одной из ключевых тенденций в эволюции контента ПЕВ становится увеличение доли материалов историко-краеведческой, просветительской направленности, интересных для широкого круга читателей. Проблематика публикаций о повседневной жизни крестьянства и духовенства включала в себя: рутинные практики организации жизненного мира, характеристики рациона питания, способов лечения, анализ дихотомии

трудовых будней и праздников, описание реакций сознания и поведения и т.д. в привычных, «нормальных» условиях и экстремальной повседневности (войны, стихийные бедствия, голод, эпидемии, революции).

3. В обыденной повседневности крестьянство и духовенство равно претерпевали неблагоприятные исторические обстоятельства, провоцирующие падение уровня благосостояния. В публикациях ПЕВ отмечается широкое распространение таких вызовов для традиционного крестьянского мира, как: острая нехватка земли – основы хозяйствования, недостаточный уровень развития образования и медицины, технической оснащенности крестьянских хозяйств; отсутствие эффективных практик возделывания земли, низкая урожайность и рецидивы голода, вынужденная миграция, развитие «отхожих» промыслов и т.д. Характерными чертами повседневного быта духовенства стали: зависимость доходов священников от позиции помещиков и прихожан, необходимость совмещения служения с земледельческим трудом или промыслами. Последствиями вышеперечисленных явлений стали угасание культурных традиций, разрыв устойчивых социальных связей и рост кризисных явлений в религиозно-нравственном состоянии общества.

4. Под воздействием модернизационных процессов в религиозно-нравственном состоянии крестьянства в епархиальной периодике фиксируется углубление дихотомий психологических реакций: законопослушание – склонность к бунтарству; общинность – индивидуализм; православная вера – языческие суеверия; отправление православных обрядов – безразличие к нравственным порокам; приверженность традициям в условиях сельского образа жизни – отказ от традиций при перемещении в города.

5. Лидирующие позиции в системе девиаций крестьянской повседневности авторы ПЕВ признавали за «пьянством», подтверждая пагубные последствия алкоголизации населения России во второй половине XIX в. Эта проблематика постоянно присутствует в публикациях, начиная с

момента возникновения издания (1866 г.). В начале XX в. к росту масштабов «народного пьянства» добавилась проблема детского, «школьного» алкоголизма. В восприятии современников успех борьбы с пьянством зависел от объединения усилий Церкви, общества и государства: проповедническая деятельность, борьба с хронической бедностью и церковное движение за создание обществ трезвости. В Пензенской епархии за 1890–1911 гг. было зарегистрировано 252 общества трезвости с числом участников – 13244 человек.

6. В условиях масштабирования военных конфликтов отмечается активизация адаптационных практик, опыта переживания экстремальной повседневности, что, в свою очередь, усиливало дихотомию и кризисность, эсхатологическую напряженность: ухудшение экономических условий жизни сопровождает рост благотворительности; сокращение мужского населения – возвышение общественного статуса женщины; подъем религиозности – распространение суеверий; утверждение трезвости и сокращение алкоголизма – увеличение популярности азартных игр; общественное признание воинских подвигов – рост антивоенных настроений.

7. По мере нарастания явлений экстремальной повседневности, с 1905 по 1917 гг., ускорилась эволюция взглядов православного духовенства: происходит осознание авторами кризиса синодальной системы, бюрократизации Церкви и падения общественного авторитета духовенства, необходимости реформирования Церкви и обновления приходской жизни. В условиях противоборства классов и ожесточенной полемики разных политических партий духовенство пыталось определить свой социальный статус и роль в грядущих переменах. Церковные авторы подчеркивали близость духовенства к интеллигенции, которую часто критиковали, и крестьянству, которому сочувствовали. Авторы ПЕВ отстаивали мнение, что выход из политического кризиса возможен на основе социального перемирия, реформ, консолидации общества и отказа от насилия.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность результатов исследования обеспечивается положенными в его основу научными принципами, корректным использованием общенаучных и специально-исторических методов, соответствующих объекту, предмету, цели и задачам исследования, а также привлечением широкого круга исторических источников, в первую очередь, основного источника – выпусков ПЕВ с 1866 по 1917 гг.

Апробация результатов исследования. Материалы исследования были отражены в 11 публикациях, в том числе 5 статьях в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ, а также в электронной базе данных «Именной указатель к журналу «Пензенские епархиальные ведомости.1866-1917 гг.» (свидетельство о регистрации базы данных RU 2023621086).

Основные положения и результаты исследования были изложены на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях, а именно: Международная научная конференция «Конфессиональная политика в России в Новое и Новейшее время» (г. Москва, 27 марта 2020 г.), Межвузовский международный конгресс «Высшая школа: научные исследования» (г. Москва, 5 января 2023 г.), Всероссийская с международным участием научная онлайн-конференция «Языки власти: государство и народ в России в Новое и Новейшее время» (г.Москва, 19 мая 2023 г.), Proceeding of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration” [Международная конференция “Научные исследования стран Шанхайской организации сотрудничества **(**ШОС): синергия и интеграция”] (Пекин, КНР, 15 января 2025 г.).

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертация соответствует паспорту научной специальности 5.6.1. Отечественная история, в частности, пункту 6 «История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития»,

пункту 7 «История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности», пункту 13 «История взаимоотношений государства и религиозных конфессий. История религий и церкви в России», пункту 18 «Исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества».

Структура диссертации соответствует целям и задачам исследования и включает введение, 3 главы, состоящие из 7 параграфов, заключение, список основных сокращений, список источников и литературы, приложения.

ГЛАВА 1. «ПЕНЗЕНСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

1.1. Этапы становления и развития журнала

Вторая половина XIX – начало XX вв., эпоха перехода от традиционного к индустриальному обществу, сопровождалась масштабным реформированием Российской империи. «Великие реформы» середины XIX в. привнесли существенные изменения в общественную жизнь и положение сословий.

Местные церковные периодические издания под названием «Епархиальные ведомости» выходили в 63 епархиях Российской Православной Церкви. Прототипом данного издания стали «Губернские ведомости», которые выходили в разных частях империи уже с 1840-х гг. и недостаточно отражали церковную деятельность епархий.

Появление издания «Епархиальные ведомости» было обусловлено необходимостью сократить объем переписываемых в консисториях бумаг за счет более грамотных и точных копий, изготавливаемых в типографиях.

Помимо этого, «Епархиальные ведомости» были призваны улучшить епархиальное управление и сблизить его с паствой.

Кроме того, местному духовенству предоставлялась возможность получать нужные сведения из Ведомостей без совершения личных поездок в епархиальный город по поводу своих прошений, в частности, о вакантных местах и т. п.

Другой целью было освещение общехристианских вопросов и информационное обеспечение местных инициатив духовенства по содержанию и благоустройству духовных училищ, по выборам благочинных и т. д.

Программа «Епархиальных ведомостей», как сугубо церковного ведомственного издания, была утверждена Синодом, что и определило его единообразную структуру во всех епархиях.

Пензенские епархиальные ведомости (ПЕВ) издавались в период 1866-1917 гг. Последний номер журнала датирован 1 (14) ноября 1917 г. Периодичность выхода журнала составляла 24 номера в год, или дважды в месяц, а в 1917 г. – трижды в месяц.

Дореволюционный период издания журнала ПЕВ насчитывает более полувека и содержит уникальный материал по истории православия на территории Пензенской Епархии.

Обстоятельства, при которых появилось периодическое издание Пензенской епархии, требуют уточнения. В статье А. В. Горайко, ссылающегося на Е. П. Белохвостикова[1] и С. Матюшина[2], читаем: «Епархиальные ведомости Пензы появились на свет с благословения епископа Антония I (Смолина) (на кафедре с 1862 по 1868 г.), а воплощать в жизнь новый проект было поручено его инициатору – инспектору Пензенской духовной семинарии протоиерею Иакову Бурлуцкому (1819–1886 г.)»[3].

Однако более точной является информация А. Троицкого: «Официальное издание Пензенской епархии, разрешенное указом Синода № 1849 от 5ноября 1865 г. по ходатайству епископа Антония (Смолина). Инициатором и составителем программы журнала был инспектор Пензенской духовной семинарии протоиерей И. П. Бурлуцкий»[4]. В фонде

---

[1] Белохвостиков Е. П. Пензенская и Нижнеломовская епархия // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Москва, 2019. Т. 55. С. 318.

[2] Матюшин С. Бурлуцкий Иаков Петрович // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Москва, 2003. Т. 6. С. 379.

[3] Горайко А. В. «Пензенские епархиальные ведомости» как исторический источник: аспекты возможного (по материалам историографии) // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии. 2022. № 2 (24). С. 29.

[4] Троицкий А. «Пензенские епархиальные ведомости» / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 55. М., 2019. Православная энциклопедия: сайт. URL:// https://www.pravenc.ru/text/2579944.html (дата обращения: 05.07.2025).

документов Канцелярии Синода, хранящемся в РГИА, эта информация подтверждается[1].

Епископ Антоний I (Петр Смолин), по отзывам представителей духовенства, «был смел и решителен в своих поступках: дел не любил откладывать в долгий ящик и стремился к тому, чтобы поставить свою епархию на степень «передовой» епархии»[2]. Он не только осуществил преобразования в сфере духовно-учебных заведений, но и стал основателем епархиального печатного издания – ПЕВ. Однако инициатива открытия издания принадлежит протоиерею И. П. Бурлуцкому. Именно он «вошел о сем рапортом к епархиальному преосвященному, составил программу для них…»[3]. Об этом епископ Антоний сообщал в своем ходатайстве в Святейший Правительствующий Синод: «Рассмотрев прошение протоиерея Бурлуцкого и представленную им программу, я нашел, что предприятие протоиерея Бурлуцкого на сказанных условиях будет в значительной степени полезно как для Епархиального Управления, так и для духовенства Пензенской епархии, и что представленная им, Бурлуцким, программа не заключает в себе ничего противного узаконениям церковным»[4].

Программа Бурлуцкого включала тематический перечень для официальной и неофициальной частей журнала. В официальной части предполагалось публиковать высочайшие манифесты и правительственные распоряжения, относящиеся к духовному ведомству; свод обнародованных важнейших постановлений и указов, касающихся духовенства иучилищного ведомства; указы и распоряжения Святейшего Синода, относящиеся к Русской Церкви, в частности, к Пензенской епархии; распоряженияепархиального и училищного начальства; статистические сведения по епархиальномууправлению и училищам; известия о наградах

[1] РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д.1495. Л.1-9.
[2] Пензенская епархия: историко-статистическое описание. Пенза, 1907. С. 20.
[3] Смирнов Н. К. Речь пред выносом из квартиры тела протоиерея И. П. Бурлуцкого // ПЕВ. 1886. № 20. С. 16–21.
[4] РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д.1495. Л. 1 об.

лиц епархиального ведомства, вакантных местах и перемещениях, а также вызовы, приглашения, объявления по распоряжениям епархиального и училищного ведомств; епархиальную хронику[1].

В неофициальной части предполагалось публиковать[2]: мысли, изречения и выписки из творений Отцов Церкви для чтения пензенской паствой; краткие объяснения мест Священного Писания, первое объяснение дневных Евангелий и Апостолов для учащихся сельских школ и простого народа; объяснение христианского богослужения (церковных служб и обрядов); слова и поучения духовенства Пензенской епархии, «достойные внимания христиан или по силе мысли и назидательности, или по простоте и общедоступности изложения, или благочестивые размышления о вере и христианской нравственности»[3].

Программа неофициальной части содержала «сказания»из истории Церкви, примеры благочестия и благотворительности, некрологи и биографии выдающихся лиц, заметки по каноническому праву. Бурлуцкий предлагал в будущем издании публиковать историко-археологические сведения о распространении веры в пределах Пензенской епархии, монастырях и храмах,пастырях и пастве, чудотворных и особо почитаемых прихожанами иконах.Особое внимание акцентировалось на «сведениях о ходе дел по вопросам об улучшении быта духовенства». Предполагались даже объявления о духовных журналах и новых книгах, «особенно полезных для местного духовенства». В неофициальную часть журнала были также включены сведения о состоянии раскола в епархии, этнографические заметки, описание местных нравов и обычаев, статьи по народной медицине[4].

---

[1] РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д.1495. Л. 3–3 об.

[2] Типовую программу для неофициальной части епархиальных ведомостей, утвержденную Синодом, разработал архиепископ Херсонский Иннокентий, на основе которой в каждой епархии создавалась своя программа, тоже направлявшаяся в Синод на утверждение. См.: Лепилкина О. И. Становление и типологические характеристики Епархиальных ведомостей в XIX – начале XX вв. // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 2. С. 104.

[3] РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 1495. Л. 3 об. – 4.

[4] РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 1495. Л. 3 об. – 4.

Для редакции журнала епископ Антоний разрешил занять помещение в одной из комнат семинарского дома. В сотруднике редакции назначить ему одного из лиц ученого духовенства города Пензе.

Объем одного экземпляра журнала устанавливался в размере от двух до трех печатных листов, цена экземпляра – 4 рубля 50 копеек, а с пересылкой по почте – 5 рублей серебром. Подписка должна была стать обязательной для всех церквей, монастырей и духовных училищ Пензенской епархии. Печатать журнал предполагалось в одной из пензенских типографий с периодичностью издания – два раза в месяц: 1 и 16 числа.

Ректору Пензенской духовной семинарии архимандриту Иоасафу и кафедральному протоиерею, магистру Федору Пантелеевскому было поручено осуществлять цензуру журнала. В сотрудники протоиерею Барлуцкому по редакции неофициальной части назначили протоиерея пензенской Введенской церкви, магистра Василия Бережковского, по официальной части – секретаря Пензенской духовной консистории Василия Утехина[1].

Синод разрешил издание ПЕВ с 1 января 1866 г.

Бюджет «Епархиальных ведомостей» включал оплату работы редактора и цензора, обычно назначаемого из городских клириков, а также выплаты гонораров авторам статей. Злободневные полемические заметки и статьи, выходившие за рамки программы издания, как правило, не оплачивались.

Редактором официальной части, как правило, назначался секретарь консистории. В разные годы сменяли друг друга на этом посту чиновники Пензенской духовной консистории: В. З. Утехин, С. Пантеровский, Н. В. Соловьев, Н. Шелутинский, Н. Беренский, Н. Чистяков, П. Зорин, И. Косаткин, И. Мальгинов. Реже редакторами официальной части становились другие лица, например, архимандрит Симеон (Линьков), ректор

[1] РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 1495. Л. 1–2.

Пензенской духовной семинарии; А. Попов, Н. Смирнов, Н. Троицкий, преподаватели семинарии, И.Смирнов[1].

Редактирование неофициальной части журнала ПЕВ осуществлялось тоже как духовными, так и светскими лицами. Первыми редакторами неофициальной части в 1866 – 1868 гг. были инспектор семинарии, протоиерей Иаков (Яков) Петрович Бурлуцкий и протоиерей Василий Бережковский. В №17 от 1 сентября 1868 г. названы имена редакторов – протоиереев Василий Бережковский и Авраамий Смирнов. С №19 от 1 октября 1869 г. редактором остался протоиерей Авраамий Смирнов. С №23 от 1 декабря 1869 г. по 1872 г. включительно редактором журнала вновь стал протоиерей И. Бурлуцкий. С начала 1873 по 1875 гг. редактором был ректор Пензенской духовной семинарии, архимандрит Симеон (Линьков), который в будущем стал наместником Александро-Невской лавры, епископом Минским и Туровским. Деятельность архимандрита Симеона – единственный пример единоличного совмещения обязанностей редактора как официальной, так и неофициальной частей ПЕВ.

В 1875 г., с № 8 от 15 апреля, редактором стал преподаватель семинарии Алексей Егорович Попов. С №12 от 15 июня 1875 г. к нему присоединился второй редактор, тоже преподаватель семинарии Николай Ксенофонтович Смирнов. В 1907 г. (с № 5 от 1 марта), после смерти Смирнова, единственным редактором до середины 1917 г. остается Попов. Деятельность А. Е. Попова – пример самого долговременного, на протяжении 42 лет, исполнения обязанностей редактора неофициальной части ПЕВ.

---

[1] Персоналии, должности и годы выполнения обязанностей редакторов Официальной части ПЕВ: Василий Утехин, секретарь Пензенской духовной консистории (1866–1868); С. Пантеровский, секретарь консистории (1869–1872); архимандрит Симеон, ректор Пензенской духовной семинарии (1873–1875); А. Попов и Н. Смирнов, преподаватели семинарии (1876–1886), Н. В. Соловьев, чиновник консистории (1887–1889), Николай Шелутинский, чиновник консистории (1890–1899); Н. Беренский, чиновник консистории (1900-1902); Н. Чистяков, чиновник консистории (1903); П. Зорин, чиновник консистории (1904); Н. Беренский, чиновник консистории (1905–1912), И. Косаткин, чиновник консистории (1912–1913), И. Мальгинов, чиновник консистории (1913–1917).

Журнал № 11–12 от 1 (16 июня) 1917 г. впервые вышел от Редакции без указания имён. Журнал №14 от 16 июля 1917 г. вышел под эгидой Редакционного Комитета. Председателем Комитета стал ректор Пензенской духовной семинарии, протоиерей Архангельский Матфей Сергеевич. Членами редколлегии значились протоиерей Пульхритудов Александр Максимович, протоиерей Масловский Владимир Алексеевич, профессор Пензенской духовной семинарии Хвощев Алексей Лукич, преподаватель Беляев Александр Александрович, Степанов Евгений Иванович[1]. В ноябре 1917 г. издание журнала прекратилось.

Таблица 1

Редакторы «Пензенских Епархиальных Ведомостей» в 1866–1917 гг.

Официальная часть		Неофициальная часть	
Срок исполнения обязанностей	Ф.И.О.	Срок исполнения обязанностей	Ф.И.О.
1866, январь-1868, ноябрь	Утехин Василий, секретарь консистории	1866, январь – 1868, август	Бурлуцкий Иаков Петрович, протоиерей; Бережковский Василий, протоиерей
		1868, сентябрь – 1869, сентябрь	Бережковский Василий, протоиерей; Смирнов Авраамий, протоиерей
		1869, октябрь – 1869, ноябрь	Смирнов Авраамий, протоиерей;
1868, декабрь - 1872, ноябрь	Пантеровский С., секретарь консистории	1869, декабрь – 1872, декабрь	Бурлуцкий Иаков Петрович, протоиерей
1873, январь - 1875, апрель	Симеон (Линьков), архимандрит	1873, январь – 1875, март	Симеон (Линьков), архимандрит
		1875, апрель	Попов Алексей Егорович, преподаватель
		1875, апрель 1907, февраль	Попов Алексей Егорович, преподаватель; Смирнов Николай
1875, апрель-июнь	Попов Алексей Егорович, преподаватель		

[1] ПЕВ. 1917. № 14.

	Семинарии		Ксенофонтович, преподаватель
1875, июнь – 1886, июнь	Попов Алексей Егорович, преподаватель Семинарии; Смирнов Николай Ксенофонтович, преподаватель Семинарии		
1886, июль – 1890, октябрь	Соловьев Н.В., чиновник консистории		
1890, декабрь - 1900, февраль	Шелутинский Николай, чиновник консистории		
1900, май – 1902, февраль	Беренский Н., чиновник консистории		
1902, март-апрель,	Смирнов Ив.		
1902, май – 1903, сентябрь	Чистяков Н., чиновник консистории		
1903, октябрь	Троицкий Н.		
1903, ноябрь – 1906, апрель	Зорин П., чиновник консистории		
1906, июнь – 1912, июль	Беренский Н., чиновник консистории	1907, март – 1917, май	Попов Алексей Егорович
1906, май-июнь	Смирнов Ив.		
1912, август – 1913, сентябрь	Косаткин И., чиновник консистории		
1913, декабрь - 1917, май	Мальгинов И., чиновник консистории		
		1917, июнь	Редакция (без указания имён в журналах)
		1917, июль – 1917, октябрь	Редакционный комитет: протоиерей Архангельский М.С., председатель.

			Члены редколлегии: протоиерей Пульхритудов А.М., протоиерей Масловский В.А., преподаватель Хвощев А.Л., преподаватель Беляев А.А., Степанов Е.И.

От личности редактора во многом зависела концепция издания, его информационное наполнение, редакционная политика, развитие и финансовое состояние журнала. Биографические сведения и публикации самих редакторов позволяют в этом убедиться.

Первым редактором неофициальной части ПЕВ был инициатор издания – протоиерей Иаков Петрович Бурлуцкий[1]. Бурлуцкий, выпускник Пензенской духовной семинарии и Московской духовной академии, осуществлял разностороннюю общественную деятельность и был известен многим горожанам и священнослужителям. Он служил настоятелем в Петропавловской церкви. Около сорока лет преподавал словесность, церковную историю и Священное Писание в Пензенской духовной семинарии, был ее инспектором и ректором. Являлся членом Историко-статистического комитета. Большая часть епархиального духовенства обучалась у него. Многие ученики Бурлуцкого стали известными деятелями, например, тайные советники С. В. Керский, Ф. П. Неронов, историки В. О. Ключевский, А. А. Голубев, профессор Казанского университета А. С. Архангельский, Д. М. Львов и др.

В эпоху Великих реформ середины XIX века, по мнению первого редактора, значение «Епархиальных Ведомостей» было осознано уже современниками. «Русский народ возрождается к новой, разумной жизни. Везде кипит деятельность; вопросы за вопросами пробуждаются в обществе;

[1] Бурлуцкий Яков (Иаков) Петрович (1819 – 27.9.1886, Пенза), священник, протоиерей // Пензенская энциклопедия. Изд-е 2-е. В 2-х т. Пенза, 2019. Т. 1. С. 182.

отовсюду слышатся проекты улучшений и преобразований в области науки и жизни», – писал Бурлуцкий[1].

Он был убежден, что новое издание необходимо не только духовенству, но и мирянам. Пастыри в большей части своей корпорации были удалены от городов, рассеяны по глухим селениям, часто не имели вокруг себя не только образованного общества, но даже доступа к книгам, поскольку у них не было средств для их приобретения. Однако духовенство не могло оставаться в неведении всего, что делалось на Святой Руси, соглашаясь с обвинениями в отсталости и невежестве. В этом, по его мнению, и заключалась миссия «литературного органа», «который бы, проникая во все веси и деревни, разносил во все концы Епархии современные идеи жизни религиозной, умственной, нравственной и общественной»[2].

Кроме того, по мере распространения в народе грамотности и жажды знания, открылась повсеместная нужда в книжках для общенародного и назидательного чтения: «…одна из существенных задач Епархиальных Ведомостей предложить православному люду в неофициальной части чтение полезное, удобопонятное и назидательное взамен книжек, нередко вместе с полезным знанием дающих яд подслащенный простодушным читателям». Под «ядом» протоиерей Бурлуцкий подразумевал идеи материализма и нигилизма[3].

Со страниц журнала Бурлуцкий, обращаясь от имени Редакции к духовенству, просил «всех, имеющих разумную мысль и способное слово, содействоватьсвоими трудами, которые с благодарностью будут принимаемы и печатаемы на страницах издания для общей пользы церкви, спасения душ и к славе Божией»[4].

---

[1] Бурлуцкий Иаков, протоиерей. От Редакции Духовенству Пензенской Епархии // Пензенские епархиальные ведомости. 1866. № 1. С. 1.
[2] Бурлуцкий Иаков, протоиерей. От Редакции Духовенству Пензенской Епархии // ПЕВ. 1866. № 1. С. 1.
[3] Там же. С. 3.
[4] Там же. С. 6.

В 1871 г., подводя итоги пятилетнего юбилейного срока издания журнала, Бурлуцкий отметил, что «официальная часть их по возможности старалась достигать своего назначения», а для неофициальной части редакция «не щадила издержек», т. е. увеличивала объем издания. В официальной части духовенство епархии получало все распоряжения и указы Св. Синода, касающиеся общей жизни Церкви, распоряжения епархиального начальства, следило за ходом преобразования учебно-воспитательного дела и успехами своих детей в духовно-учебных заведениях епархии, получило все программы, утвержденные Св. Синодом для предметов семинарского и училищного образования, видело перемены в служебной жизни своих собратий по служению. Вместо обещанного первоначально одного печатного листа официальной части Редакция увеличила объем издания до двух листов, а иногда с приложениями даже свыше трех листов. Общий объем некоторых номеров ПЕВ доходил до 5-ти печатных листов[1].

Редактор Бурлуцкий был убежден, что издание журнала требует объединения усилий духовенства: «Ведомости тогда только достигнут полного интереса и желаемого от епархиальной газеты совершенства, когда все епархиальное духовенство будет считать их своим собственным делом и деятельно в них участвовать». Он выражает благодарность отдельным авторам: А. Масловскому и В. Тифлисову, статьи которых перепечатаны были в «Домашней Беседе», а также И. Снежницкому, И. Стефановскому, И. Никольскому[2]. Особо отметил, что в 1868 г. Краснослободский священник И. Беляев «подарил Ведомости прекрасными статьями» под названием: «Эпизоды из истории г. Краснослободска и его уезда». «Почему бы не найтись подражателям этого столь интересного и полезного труда?»[3] – задается вопросом редактор. И предлагает новым авторам обратить внимание на такие темы, как: «О народностях, населяющих Пензу, их обычаях,

[1] Бурлуцкий И. П. Пенза. 1 января 1871 года // ПЕВ. 1871. № 1. С. 2.
[2] Там же. С. 3
[3] Там же. С. 4.

промыслах, верованиях», «О благотворителях», «О проблемах образования» и т. п.

Бурлуцкий определяет единственный способ сделать журнал интересным для широкого круга читателей – через сотрудничество редакции и духовенства. «Мы выяснили предметы, которыми может заниматься епархиальное духовенство, чтобы возвысить достоинство своего местного органа и сделать его интересным не только собственно для духовенства, но и для светских читателей, для всякого мыслящего русского человека. В конце концов, у нас на языке просьба ко всем отцам и братиям нашим, не оставить Ведомости своим посильным сотрудничеством, чтобы общими силами достигнуть указанной цели», – делает вывод Бурлуцкий[1].

Иакова (Якова) Петровича Бурлуцкого справедливо считают основоположником церковного краеведения. Его авторству принадлежит более 150 публикаций на страницах журнала, многочисленные описания церквей и монастырей, жизнеописания пензенских иерархов, исторические изыскания[2].

Среди епархиального духовенства Бурлуцкий представлял собой «незаурядную и далеко выдающуюся личность», – так было написано в его некрологе. Он скончался скоропостижно в возрасте 67 лет в ночь с 27 на 28 сентября 1886 г. и был похоронен при огромном стечении народа[3].

В 1873–1975 гг. обязанности редактора официальной и неофициальной части ПЕВ исполнял ректор Пензенской духовной семинарии, архимандрит Симеон (Линьков). Среди его публикаций были, в основном, поучения, проповеди и статьи о состоянии духовного образования. Помощником редактора был назначен Алексей Егорович Попов.

---

[1] Бурлуцкий И. П. Пенза. 1 января 1871 года // ПЕВ. 1871. № 1. С. 7.

[2] Бурлуцкий И. П. О святых иконах, пользующихся особым чествованием народа // ПЕВ. 1870. № 18. С. 576; Бурлуцкий И. П. О пензенских священно-церковно-служителях во время Пугачевского бунта// ПЕВ. 1873. № 23. С. 813; Бурлуцкий И. П. История раскола в Пензенской епархии // ПЕВ. 1871. № 12. С. 353.

[3] Речь пред выносом из квартиры тела протоиерея И. П. Бурлуцкого // ПЕВ. 1886. № 20. С. 16–21.

В последующие годы совместное редактирование журнала осуществляли преподаватели Пензенской духовной семинарии – Николай Ксенофонтович Смирнов (до своей кончины в 1907 г.) и Алексей Егорович Попов (его фамилия упоминается на страницах журнала до мая 1917 г.).

Н. К. Смирнов окончил Владимирскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию. Он состоял членом Иннокентиевского просветительского братства, был избран в пожизненные члены Палестинского общества[1]. Работал преподавателем и инспектором Пензенской духовной семинарии, а также Пензенского женского епархиального училища. В семинарии он преподавал литургику, гомилетику, практическое руководство для пастырей, еврейский язык[2], а в епархиальном училище – арифметику. Обучая семинаристов навыкам практического пастырства, Смирнов представлял идеального сельского пастыря в образе «пастыря-землероба, живущего в самой тесной связи с природой-матерью и ея простодушными детьми-сельчанами»[3]. Проповедник, по его мнению, должен был стать благоговейно-воодушевленным, молитвенно-настроенным, свободным глашатаем вечных истин Христовых[4].

Проповедь, по его словам, должна была составляться применительно к пониманию простого народа и для ясности иллюстрироваться примерами из народной жизни, а именно: – фактами и наблюдениями из сельской жизни и природы, пословицами, как выражением народной наблюдательности и мудрости. Ученики Смирнова уходили от него с убеждением, что проповедь для села нужна «общедоступная и приложимая к быту народа»[5].

---

[1] Смирнов Николай Ксенофонтович (01(13).10.1847, с. Красно Муромского у. Владимирской губ., ныне Владимирская обл. 05(18).02.1907, Пенза). Награжден орденом Св. Станислава 3-й (1877) и 2-й (1889) степени, Св. Анны 3-й степени (1883). Похоронен на кладбище Пензенского Спасо-Преображенского мужского монастыря // Пензенская энциклопедия. Изд-е 2-е. В 2-х т. Т. 2. Пенза, 2019. С. 421.

[2] ПЕВ. 1901. № 7. С. 104. прилож.

[3] Быстров Николай, священник. Памяти учителя (Николай Ксенофонтович Смирнов) // ПЕВ. 1907. № 5. С. 194. С. 199.

[4] Там же. С. 196.

[5] Там же. С. 195

Смирнов являлся автором большого количества публикаций в журнале на самые разные темы. По отзывам современников, ни один сотрудник ПЕВ«не поместил в них столько статей, сколько он»[1]. Смирнов вел исторические и этнографические исследования, был автором статей о проповедничестве и пастырском служении, религиозно-нравственном состоянии народа, богослужении и расколе, браке и других вопросах, касавшихся браков, заключаемых в родстве или свойстве[2]. Обширный цикл статей был написан им о мордовском населении Пензенской губернии[3].

Смирнов имел широкий литературный кругозор, сотрудничал в журналах «Странник», «Церковные Ведомости». Поэтому предостерегал пастырей, присылавших тексты проповедей для публикации в ПЕВ, от заимствований. Выражая благодарность священнослужителям за большое число присылаемых проповедей, вместе с тем, сожалел, что есть т. н. «неудобные для печати» поучения. Это поучения, «страдающие слишком большим заимствованием не только с внутренней стороны, т. е. по мыслям, но и с внешней, по изложению и языку». Смирнов предположил, что такие авторы, очевидно, надеялись, что «редакция не откроет подлога, так как она не может знать всех печатных поучений»[4].

Проповеди, печатавшиеся под руководством Смирнова в виде особого приложения к ПЕВ, всегда отмечались духовной журналистикой как проповеди выдающиеся, заслуживающие внимания духовенства[5].

Один из выпускников семинарии, священник Николай Быстров, писал: «Не сладка была жизнь Николая Ксенофонтовича. Никогда он не отличался

---

[1] Николай Ксенофонтович Смирнов (некролог). 1907. № 5. С. 192.

[2] Смирнов Н. К. Изъяснение церковно-гражданских постановлений относительно браков, заключаемых в родстве или свойстве. Пенза,1877; Смирнов Н. К. Изъяснение церковно-гражданских постановлений относительно браков, заключаемых в родстве или свойстве. Пенза, 1877.

[3] Смирнов Н. К. Мордовское население Пензенской губернии // ПЕВ. 1874. №.1. С. 19; ПЕВ. 1875. № 2. С. 1.

[4] Пастырям, доставляющим свои поучения в редакцию Епархиальных ведомостей для напечатания // ПЕВ. 1881. № 15. С. 1.

[5] Быстров Николай, священник. Памяти учителя (Николай Ксенофонтович Смирнов) // ПЕВ. 1907. № 5. С. 197.

крепким здоровьем. Последние два-три года постоянный недуг приковал его к постели. Но никогда никто не слышал от Николая Ксенофонтовича слова ропота на судьбу. Напротив, до последней минуты человек работал, просил работы, – писал для газеты даже тогда, когда рука еле водила пером, когда глаза отказывались служить»[1].

Алексей Егорович Попов являлся редактором ПЕВ на протяжении самого длительного промежутка времени, по сравнению с другими редакторами, – 42 года. В 1873–1875 гг. он работал помощником редактора, а затем, до мая 1917 г., – редактором неофициальной части ПЕВ. Попов окончил Калужскую духовную семинарию и Московскую духовную академию. Осуществлял большую просветительскую деятельность: преподавал в Пензенской духовной семинарии психологию, педагогику, дидактику, философские науки и немецкий язык; заведовал образцовой школой при семинарии[2]. Кроме того, руководил летними курсами учителей начальных народных училищ губернии, состоял делопроизводителем Пензенского епархиального училищного совета. Внес большой вклад в развитие краеведения как член Пензенского губернского статистического комитета, член Пензенской ученой архивной комиссии и товарищ председателя Историко-археологического и статистического комитета при Пензенской духовной семинарии. Осуществлял общественную деятельность в статусе гласного городской Думы, организовывал благотворительность как председатель Правления Общества вспомоществования учащимся и учившим в церковных школах епархии[3].

---

[1] Там же. С. 199.

[2] ПЕВ.1901. № 7. С. 104. прилож.

[3] Попов Алексей Егорович (1847, Калужская губ. после 1917), церковный историк, богослов, просветитель. Награжден орд. Св. Анны 3-й и 2-й степ. (1883, 1897), Св. Станислава 3-й, 2-й степ. (1877, 1889), Св. Владимира 4-й степ. (1900) // Пензенская энциклопедия. Изд-е 2-е. В 2-х т. Т. 2. Пенза, 2019. С. 255.

Попов написал множество статей, а также обобщающие труды по истории Церкви, причта и приходов Пензенской епархии[1], представляющие большую ценность для современных исследователей. Участвовал Попов и в подготовке историко-статистического описания Пензенской епархии, изданного редакцией ПЕВ в 1907 г.[2]

В 1881 г., спустя шесть лет после начала своей редакторской деятельности, Попов опубликовал статью «По вопросу об улучшении издания Епархиальных Ведомостей», в которой обозначил проблемы, волновавшие его как редактора. Он констатировал, что вопрос об улучшении издания «Епархиальных Ведомостей» не раз поднимался в печати, не раз звучал в речах епархиального духовенства на съездах: «И печать, и духовенство всякий раз выражали мысль, что издание Епархиальных Ведомостей нельзя признать удовлетворительным и оставляет желать многого относительно их содержательности»[3].

Редактор анализирует содержание журнала и перечисляет наименование материалов, которые обычно помещались в неофициальной части: проповеди и поучения местных священников, статьи по истории церкви и раскола, но вопросу о проповедничестве, о местных духовно-учебных заведениях мужских и женских, о свечном заводе, о мерах к улучшению духовенства (например, устройстве разных обществ взаимно-вспомогательного, страхового и проч. направления), разъяснения по вопросам пастырской практики, о законоучительстве в начальных школах, отзывы о книгах, историко-статистические описания сел и уездов, внутренние известия о выдающихся событиях церковных, духовенства и общерусской жизни, объявления о книгах, журналах и газетах и т. п. И делает вывод: «Как ни скудна указанная программа, однако сравнительно она

[1] Попов А. Е. Церкви, причты и приходы Пензенской епархии. Пенза, 1896; Попов А. Е. Памятная книжка Пензенской епархии. Пенза, 1897.
[2] Пензенская епархия: Историко-статистическое описание. Пенза, 1907.
[3] Попов А. Е. По вопросу об улучшении издания епархиальных ведомостей // ПЕВ. 1881. № 2. С. 3.

представляет достаточно материала, чтобы сделать Епархиальные Ведомости содержательными, более или менее интересными и разнообразными. Дело в том, как выполняется эта программа. Ответ на этот вопрос большею частью дают один – неудовлетворительно…»[1].

Редактор анализировал недостатки журнала, которые отмечало духовенство: незначительный объемнеофициальной части в печатных листах, наличие обширных статей общенаучного содержания и нехватка статей практического содержания, обязательность подписки.«Отсюда недовольство, жалобы. Не будь выписка Епарх[иальных – прим. С. Д.] Ведомостей обязательною для духовенства епархии, тогда и не было бы этих жалоб; стоит только не выписывать то издание, которым недоволен. Но этого сделать нельзя. И вот Епарх[иальные] Ведомости выписываются и почти не читаются... Грустно и тяжело!» – делал вывод Попов[2].

Пытаясь разобраться, почему неофициальная часть ПЕВ не находит заинтересованных читателей среди духовенства, изаключается ли проблема в «бессодержательности» публикаций журнала, автор пришел к выводу, чтоофициальная часть журнала тоже прочитывалась не всеми. Редактор привел доказательства из повседневной церковной жизни, когда священникине были осведомленыо распоряжениях епархиального начальства, порядкепредставления к наградам, об училищных отчетах и т. д.[3] Кроме того, не все священники знали, что редакция сэкономленные суммы в размере 300-400 руб. ежегодно отсылала в епархиальное женское училище[4]. Не все священники знали также, что редакторы получали вознаграждение –

---

[1] Попов А. Е. По вопросу об улучшении издания епархиальных ведомостей // ПЕВ. 1881. № 2. С. 3.
[2] Там же. С. 3.
[3] Там же. С. 4.
[4] В 1874 г. было отослано 306 р.90 к., в 1875 – 326 р. 28 к. В 1874 г. было отослано 306 р. 90 к., в 1875 г. – 326 р. 28 к., в 1876 г. – 336 р. 37 к., в 1877 г. – 457 р. 67 к. кроме книг и журналов, в 1878 г. – 400 р. также кроме книг и журналов, в 1879 г. – 376 р. 57 к. опять кроме книг и журналов. Помимо этого, в ученическую семинарскую библиотеку было передано в 1875 г. – 8 р., в 1876 г. – 100 р., в 1877 г. – 40 р. 70 к., в 1878 г. – 42 р. 92 к., в 1879 г. – 76 р. 57 к. // См.: Попов А.Е. По вопросу об улучшении издания епархиальных ведомостей // ПЕВ. 1881. № 2. С. 4.

по 175 руб. Попов отмечал, что официальная часть прочитывалась тоже недостаточно внимательно духовенством. И задавался вопросом: чем можно было заинтересовать невнимательных читателей, чтобы духовенство не только читало, но и было довольно?

В других епархиях, ссылаясь на «малосодержательность» неофициальной части ПЕВ, духовенство иногда выражало желание совсем прекратить издание епархиального органа, или ограничить его одной официальною частью, которая будет тогда наполовину почти дешевле. Например, «Симбирские епархиальныеведомости», состоявшие из одной официальной части, стоили 3 рубля. Но на прекращение издания епархиального органа не соглашались преосвященные, по причине необходимости официальной части. Издание только официальной части не рекомендовало епархиальное духовенство, заинтересованное в неофициальной части. Так проявилось противоречие между предпочтениями в епархиальной печати разных представителей духовенства.

По мнению А. Е. Попова, «Епархиальные ведомости» являлись общеепархиальным органом, средством для взаимного обмена мыслями: «…они суть не частное предприятие, а общее дело». Чтобы Ведомости «были содержательны и удовлетворяли умственным и нравственным интересам духовенства», надо объединить усилия. Редактор подчеркивал, что журнал открыт для каждого корреспондента, присылающего статьи, подходившие для программы издания. Каждая статья оплачивалась от 15 до 20 руб. за печатный лист.

Попов был убежден, что в «малосодержательности» журнала было виновато само духовенство, которое не писало о том, в чем нуждается и что его интересует: «Не редакция же Епарх[иальных] Ведомостей должна думать за духовенство. Сидя в кабинете и не получая никаких сведений от самого духовенства, нельзя описывать его нужды, деятельность, отношения к прихожанам и проч. Пусть пишут сами священники, пусть присылают в

редакцию хотя сырой материал, а она никогда не отказывалась исправлять присылаемые статьи и вознаграждать за них, если они будут помещены»[1].

Попов перечислил нужные для журнала материалы: некрологи духовных лиц с описанием их жизни и деятельности, как дань уважения к почившим собратьям; случаи из священнической практики; наблюдения над жизнью прихожан; решения благочинических съездов, мнения об определениях общеепархиальных и окружных съездов; статьи, имеющие местный характер. «Кому, как не самим священникам, более всего знакома их паства, ее религиозно-нравственное состояние, обычаи, народные поверья и суеверия», – восклицал редактор[2].

Лучшим примером церковной печати, по мнению Попова, были «Московские церковные ведомости».Это была заслуга самого московского епархиального духовенства, которое принимало деятельное участие в издании.

Редактор поблагодарил авторов – пензенских сельских священников, которые прислали в 1880 г. интересные статьи, имевшие местный характер. Так, были опубликованы историко-статистические описания сел: Потьмы – священника Ф. Соколова, Старой Кутли – священника Петра Смирнова, города Саранска – священника А. Масловского, за 1879 г. – историко-статистическое описание села Кувак-Никольского – священника Н. Любимова, история Пугачевского бунта в г. Краснослободске– священника И. Беляева и др. Редактор сделал вывод: «Если подобных статей будет побольше, то Епархиальные Ведомости скорее примут характер местного органа; но составление таких статей всего удобнее самим священникам, живущим в этих местностях, имеющим под руками те или другие документы, многое лично помнящим, многое могущим слышать от старожилов»[3]. Редакции, по его мнению, это было сделать сложнее, в отличие от

[1] Попов А. Е. По вопросу об улучшении издания епархиальных ведомостей // ПЕВ. 1881. № 2. С. 5–6.
[2] Там же. С. 6.
[3] Там же. С. 7.

священников. Хотя она не отказывалась от разработки местных материалов, например, таких как: описание градских церквей, обзор благочестивых обычаев и учреждений, существующих в Пензенской епархии, религиозно-нравственное состояние православного народонаселения,статьи по истории свечного завода, местных учебных заведений, общества взаимного вспомоществования, проповедничества и др.

Однако Попов считал, что невозможно и нежелательно публиковать в журнале только статьи местного характера. Это означало лишить ПЕВ характера периодического духовного издания и превратить в местный исторический сборник. На страницах журнала, по его мнению, необходимо было публиковать лучшие поучения к прихожанам, статьи по истории церкви и раскола, богословию. Жалобы на «малосодержательность» журнала, появлялись не по вине редакции, а по вине той части духовенства, которая не интересовалась научными статьями, узко и односторонне понимала задачу епархиального органа, не желалачитать ничего, кроме публикаций по практическим вопросам и статей местного характера.

Попов опровергал мнение, что в журнал не попадали статьи, присылаемые сельскими священниками. Редакция не отказывалась даже исправлять такие статьи, хотя иногда приходилось полностью их переписывать: «От присланной статьи остается иногда только общее, а вся отделка принадлежит редакции… несмотря на все это, она и впредь желала бы получать от сельских священников статьи, которые можно было бы исправить, и будет оплачивать их, как в прошлые годы»[1].

По мнению Попова, передать редактирование ПЕВ в другие руки не означало улучшить издание. Он напоминал, что журналом прежде руководили другие редакторы, однако тогда статей местного характера публиковалось меньше. В подтверждение своих слов редакторпривел

[1] Попов А. Е. По вопросу об улучшении издания епархиальных ведомостей // ПЕВ. 1881. № 2. С. 9.

пример, что только за 1880 год такого рода статей было опубликовано свыше 8 печатных листов[1].

Попов подтвердил достоверность предположений читателей, что статей присылается гораздо больше, чем печатается. Он пояснил, что, в первую очередь, публиковались статьи, соответствовавшие программе издания, и, во вторую очередь, статьи, которые можно было исправить. Редколлегия не обязана публиковать все подряд присылаемые статьи на том основании, что духовенство платит деньги за журнал. ПЕВ – это непросто сборник статей и заметок сельских священников[2]. В конце статьи Попов заверял читателей, что редакция нацелена на улучшениеПЕВ, как местного епархиального органа, поэтому обсуждение с читателями содержания журнала будет продолжено. Для редакции голос сельских священников признавался особенно важным[3].

Спустя пять лет, в 1886 г., Попов сообщил читателям, чтопрограмма журнала и периодичность выхода номеров сохранились. В неофициальной части сохранили свое значение историко-статистические исследования о религиозно-нравственном состоянии русских и «инородцев»; о мерах местного духовенства для «возвышения религиозно-нравственного уровня своих прихожан» и «искоренения живущих в народе суеверий, поверий и предрассудков»; историко-полемические статьи о местном расколе; некрологи почивших пастырей церкви; сведения о ходе учебно-воспитательного дела в духовных училищах, семинарии и церковно-приходских школах, заметки по вопросам пастырской практики, поучения пастырей Пензенской епархии, епархиальные новости.

Редакция определила гонорар для авторов за печатный лист в размере 15–20 руб. Цена за годовое издание ПЕВ с пересылкой и доставкой составляла в это время пять рублей.

---

[1] Попов А. Е. По вопросу об улучшении издания епархиальных ведомостей // ПЕВ. 1881. № 2. С. 9.
[2] Там же. С. 10.
[3] Там же. С. 11.

Редакция просила отцов благочинных присылать требования на журнал до наступления нового года. Подписка принималась в Пензе – в Редакции ПЕВ при Пензенской духовной семинарии[1]. Редакция ПЕВ обменивалась выпусками издания с редакциями других журналов и газет.

Революционные потрясения 1905-1907 гг. оказали глубокое влияние на настроения епархиального духовенства и содержание ПЕВ. Со страниц журнала стали звучать призывы к свободной творческой работе. Например, священник Н. Соколов в статье «Открытое письмо к пастырям-собратам епархии» писал: «Жизнь, хотя медленно, но пробуждается от тяжелого сна; цепи, ее сковавшие, разбиваются, и она, подобно зреющей ниве, зовет к себе на свободный труд устроителей и работников. И мы уже слышим этот призыв. Многие епархии горячо откликнулись уже на призыв к свободной творческой роботе. Забились горячие сердца, заработали головы, зашумели съезды, а вместе с тем ожили и возродились местные епархиальные органы. Духовенство спешит на работу, спешит сказать то многое и жизненно-правдивое, что давно мучило, просилось на свет… Свобода суждений, искренность и правдивость – вот основы каждой статьи: всякой фальши место в редакционной корзине. Епархиальный орган – место дружеских собраний духовенства, где говорится только правда, где вопиет горе, не молчит нужда; где приветствуют светлую мысль, доброе начинание; где делятся опытом, советами; где клеймят недостойное и защищают от неправды и притеснений»[2].

Подводя итог сорокалетнему существованию журнала, в разгар революционных событий в декабре 1905 г., Редакция обратилась к духовенству Пензенской епархии «с покорнейшею просьбою присылать свои труды для напечатания». Поскольку ПЕВ – орган епархиальной жизни, следовательно, духовные пастыри и другие служители церкви, как главные деятели этой жизни, и должны были стать первыми сотрудниками

[1] Об издании «Пензенских Епархиальных ведомостей» в 1887 г. // ПЕВ. 1886. № 22. С. 12.
[2] Соколов Н., священник. Открытое письмо к пастырям – собратам епархии // ПЕВ. 1905. № 20. С. 1109-1110.

епархиального органа. «Если сотрудники эти замолкают, никакие работники со стороны их не заменят всецело, ибо для того, чтоб сведения из епархиальной жизни были жизненны и интересны, они должны идти не из кабинета, а именно взяты из круговорота самой жизни», – напоминал Попов[1]. Роль духовенства в происходящем Редакцией представлялась таким образом: «Жизнь последних дней бьет ключом и представляет на каждом шагу разнообразные темы, полные интереса и жизни… Духовенство должно безоговорочно нести свои думы на страницы своего органа для братского обсуждения их, если оно, действительно, болеет запросами своего великого служения, если оно, действительно, захвачено страшными явлениями окружающей жизни»[2].

Наибольшей интерес для Редакции представляло «положение крестьянства в последние дни всероссийской смуты». Корреспондентам журнала ставились задачи выяснить отношение крестьянства к манифестам 17 октября и 3 ноября 1905 г. и особенности понимания аграрных вопросов, причины «диких проявлений вандализма» (погромов помещичьих усадеб, поджогов хлеба, убийств), масштабы распространения слухово переходе собственности на землю от помещиков к крестьянам. Редакцию интересовало и отношение к перечисленным вопросам самого духовенства: «Необходимо выяснить, знало ли своевременно наше духовенство о брожении в народе, или же, по евангельскому слову, когда люди спали, пришел враг, и посеял между пшеницею плевелы, и ушел? Если знало, то какие меры предпринимало к умиротворению крестьянства и для выяснения истинного положения вещей? Какие из предпринимавшихся мер были более действенными и какие оказались безуспешными, и почему? Какие меры для умиротворения крестьянства можно рекомендовать к употреблению и впредь?»[3].

---

[1] Обращение к духовенству // ПЕВ. 16 декабря 1905. № 24. С. 1355.
[2] Там же. С. 1355.
[3] Там же. С. 1356–1357.

Второй актуальной проблемой Редакция считала всестороннее освещение вопросов, связанных с епархиальным и окружным попечительствами: назначением и выдачей пособий вдовам, сиротам, пенсионерам. Для снижения остроты социального конфликта Редакция была намерена обнародовать порядок назначения пенсий и пособий, а также выяснить ответ на вопрос, в какой мере соответствует размер пособийнуждам пенсионеров[1].

Редакция выразила надежду, что духовенство сможет самостоятельно и своевременно увидеть, охарактеризовать другие проблемы пастырского служения. Авторам были предложены рекомендации относительно характера и содержания присылаемых статей, а именно: сообщение фактов и наблюденийбез отвлеченных рассуждений, в объективном и спокойном тоне, без «личного элемента» и «полемического задора»[2].

Из-за нарастания числа присылаемых статей, уже не помещавшихся на страницах журнала, впервые была высказана мысль о необходимости расширения епархиального органа и публикации выпусков не дважды в месяц, а еженедельно. Но в этом случае, по мнению Редакции, потребовалось бы увеличить средства на издание и открыть епархиальную типографию[3].

В конце 1906 г. была опубликована статья «К вопросу об улучшении и расширении Епархиальных Ведомостей», которая была подписана «Сельский священник»[4]. От имени сельского духовенства анонимный автор оценивал как положительные, так и отрицательные стороны издания.

«К чести епархиального органа, надо отнести весьма заметное оживление его за последнее время…, – писал автор. – «Ведомости» теперь сравнительно с недалеким прошлым стали просто неузнаваемы». Журнал писал о вопросах, которыми «живет и волнуется современное духовенство»,

---

[1] Обращение к духовенству // ПЕВ. 16 декабря 1905. № 24. С. 1355–1359.
[2] Там же. С. 1355–1359.
[3] Там же. С. 1355–1359.
[4] К вопросу об улучшении и расширении Епархиальных ведомостей // ПЕВ. 1906. № 22. С. 1134–1144.

«в современно-прогрессивном духе, а не по прежней рутине». Поэтому изменилось отношение сельских священников к изданию[1].

Прежде многие представители духовенства не интересовались своим печатным органом, потому что кроме «сухих официальных отчетов» не встречали «ничего отвечающего на современные запросы». Теперь, по мнению автора, ПЕВ «ожидаются с почты с интересом, читают их с усердием, члены причтов рассуждают и спорят по поводу прочитанного». Однако издание нуждается в дальнейшем усовершенствовании, потому что у журнала«много недостатков, которые, во что бы то ни стало, нужно устранить, чтобы они были истинным органом епархиальной жизни»[2].

Автор публикациисчитал недостатком журнала отсутствие отдела для проповедей. Ведь повседневность приходского духовенства была обременена обязанностями в приходе, церкви, школе, своей семье, сельском хозяйстве. Накануне воскресных и праздничных дней священники должны были подготавливаться к богослужению и составлять проповеди. Нередко у пастыря, особенно сельского, не хваталофизических сил и времени. Поэтому автор предложил печатать в каждом номере краткие проповеди на какую-либо общественную тему: «В наше тревожное время еще больше необходим этот отдел»[3].

Другим недостатком автор назвал периодичность выхода журнала (дважды в месяц), отстававшую от «головокружительной быстроты событий». Поэтому поддержал намерение Редакции издавать журнал еженедельно:это «дело неотложной необходимости»[4]. Средства для расширения епархиального органа, как полагал безымянный представитель сельского духовенства, требовались небольшие и имелисьу Редакции: «Об

[1] К вопросу об улучшении и расширении Епархиальных ведомостей // ПЕВ. 1906. № 22. С. 1134–1144.
[2] Там же. С. 1134.
[3] Там же. С. 1134.
[4] Там же. С. 1136.

этих то средствах мы и хотим собственно поведать, в полной уверенности, что не осудят нас за нашу смелость»[1].

В статье присутствует сравнение официальной и неофициальной частей ПЕВ глазами сельского духовенства, подчеркивается важность обеих частей. Ведь на страницах официальной части духовенство знакомилось с фактами, а неофициальной – участвовало в их обсуждении. Автор подсчитал, что за 1905 г. официальная часть составила 266 страниц, а неофициальная – 1361 страниц. Онобратил внимание, что большинство статей неофициальной части оригинального происхождения, подобраны тематически для каждого выпуска, редко повторяются[2].

Для улучшения неофициальной части предлагалось использовать сообщения и выдержки из официальных отчетов, а не собственно отчеты, которые можно было направить в приходы через благочинных. Излишним в этом отделе автор считал информацию об «архиерейских служениях» и предлагал либо убрать, либо упоминать только дату и наименования служения без перечня лиц,а также кратко излагать содержание произносимых проповедей.

Автор настаивал, что официальная часть тоже требовала упорядочения и сокращения объема в пользу расширения неофициальной части. Предлагалось не печатать Указы Св. Синода, т. к. они перепечатывались из «Церковных Ведомостей», которые выписывались каждым причтом в обязательном порядке. Вместо этогопечатать все консисторские указы и распоряжения епархиального начальства в целях ознакомления духовенстваи последующего обсуждения на окружных съездах[3].

Предлагалось не публиковать в официальной части списки лиц, внесших пожертвования, а также списки лиц, произносящих проповеди

[1] К вопросу об улучшении и расширении Епархиальных ведомостей // ПЕВ. 1906. № 22. С. 1134.
[2] Там же. С. 1136.
[3] Там же. С. 1138.

своего сочинения в кафедральном соборе с обозначением дат, а для оповещения о проповедях рассылать расписание через благочинного и т. д.[1]

Автор советовал изменить порядок публикации сведений «О праздных местах» с обязательным упоминанием размера земельного надела, числа душ, наличия церковного дома, размера жалования[2]. Кроме того, в списках о занятии приходов духовенству было интересно знать, кто и какой приход занимал в епархии, какое образование получил определяемый кандидат, какого он возраста и сословия. Обширные перепечатки из «Церковных ведомостей» о наградах духовенства епархий, по мнению автора, тоже были не нужны, как и многочисленные пробелы в текстах[3].

Предложения анонимного автора о совершенствовании ПЕВ содержали обширный перечень других мер: сокращение официальной части на 100 страниц и расширение неофициальной в том же объеме; отмена ежегодной субсидии Редакции ПЕВ для епархиального женского училища в сумме 300 рублей в пользу улучшения самого епархиального органа; сокращение жалованья редактора официальной части в три раза, но сохранениежалованья редакторам неофициальной части в прежнем размере. Автор был убежден, что у редактора официальной части материала было в три раза меньше, кроме того, материал был «казенный» и не требовал редактирования, аредакторы неофициальной части не только проверяли и исправляли по 600 страниц, но и были вынуждены читать еще такой же объем «неудобных для печати» материалов[4].

Редакция, со своей стороны, обратилась с просьбой о содействии улучшению ПЕВ к самому духовенству, в первую очередь, к своим сотрудникам, напоминая, что от них самих «зависит главным образом та или другая постановка епархиального органа». Поскольку поступало

---

[1] К вопросу об улучшении и расширении Епархиальных ведомостей // ПЕВ. 1906. № 22. С. 1139.
[2] Там же. С. 1140.
[3] Там же. С. 1141.
[4] Там же. С. 1143.

многополемических статей, в которых авторы выясняли личные счеты, обличали чужие пороки, но не освещали поднятый вопрос, Редакция посоветовала убавить «полемический задор» и прекратить сведение «личных счетов»: «Время ли теперь разбираться в мелочах уязвленного самолюбия, когда жизнь с неумолимою строгостью и захватывающею поспешностью ставит на разрешение такие великие вопросы? И вообще какой общественный смысл имеют частные наши пререкания?»[1].

Редакция возразила на жалобы некоторых авторов по поводу публикуемых «статей обличительного характера против духовного сословия». Епархиальный орган, по мнению таких авторов, должен был служить духовенству, защищать его интересы, а не обличать. Они выражали пожелание, чтобы в статьях сотрудников ПЕВ не критиковалась деятельность духовенства.

Однако Редакция заявила о своем несогласии и настаивала на том, что«…изучение отрицательных сторон явления имеет особую важность». Потому что усовершенствование невозможно без осознания недостатков: «Как лечить болезнь, когда она совсем не исследована, когда даже отрицается необходимость диагноза этой болезни? …только этим путем, т. е. путем всестороннего изучения и освещения нашего житья, мы и сами можем сознать, чем болеет наше сословие и как нужно лечить эту болезнь времени и обстоятельств»[2]. Автор полагал, что придание гласности недостатков духовенства поможет сословию найти поддержку в обществе: «…только путем широкой гласности общество наше, которое доселе по привычке только осуждает духовенство и требует от него новой и новой работы, … в состоянии узнать, как тяжело живется нашим пастырям и чем – хотя бы немного на первых порах – улучшить их тяжелую долю»[3].

---

[1] К вопросу об улучшении и расширении Епархиальных ведомостей // ПЕВ. 1906. № 22. С. 1143.
[2] Там же. С. 1145–1147.
[3] Там же. С. 1147.

Редакция призывала авторов присылать статьи «на жизненные темы», поскольку трактаты «на темы отвлеченные, не имеющие никакого отношения к вопросам и явлениям современной церковно-общественной жизни, не могут быть печатаемы в епархиальном органе. Ключом бьющая церковно-общественная жизнь ставит на очередь другие вопросы, требует иных статей»[1].

В 1908 г. была предпринята попытка изменить периодичность выхода журнала, Редакция поддержала пожелание части духовенства преобразовать епархиальный орган в еженедельник, подчеркнув, что это «совпадает с давнишними мечтами об этом редакции»[2]. Но предупредила, что повышение редакционных расходов тогда станет неизбежным, и цена экземпляра журнала поднимется до 7 руб. 25 коп.[3] Видимо, из-за финансовых трудностей, периодичность выхода журнала осталась прежней.

После Февральской революции 1917 г. «Епархиальные ведомости» многих епархий прекратили существование, другие выходили нерегулярно, иногда в газетном формате. ПЕВ сохранили свой формат, но на страницах журнала было заявлено об ожиданиях духовенства от новых веяний внутри страны: «В переживаемое нами время духовного раскрепощения России и строительства жизни на новых началах духовенство должно принять живое участие и занять подобающее место. В свободной России должна быть свободная Церковь. Трусливый и льстивый язык, на котором говорило духовенство до сих пор, должен быть оставлен. <…> Объединяющий духовенство печатный орган ПЕВ – должен измениться в смысле свободного и независимого выражения волнующих духовенство мыслей и переживаемых им чувств без опасения подвергнуться запрету и каре»[4].

---

[1] К вопросу об улучшении и расширении Епархиальных ведомостей // ПЕВ. 1906. № 22. С. 1147.

[2] К вопросу о преобразовании Пензенских Епархиальных Ведомостей // ПЕВ. 1908. № 5. С. 196.

[3] Там же. С. 199.

[4] По вопросу об издании Епархиальных Ведомостей в настоящее время // ПЕВ. 1917. № 7/8. С. 209.

Констатировалось, что Исполнительный Комитет Профессионального союза духовных деятелей гор. Пензы принял постановление об отмене цензуры для ПЕВ: «В дни свободы, при новых условиях русской жизни предварительная цензура утратила свой смысл». По решению Комитета, епархиальный орган должен был выходить только за ответственностью редактора[1]. Профсоюз духовных деятелей Пензы ходатайствовал перед архиепископом Пензенским и Саранским Владимиром (Путятой) об отмене предварительной цензуры ПЕВ и очередных проповедей в связи с заявлением цензора, что в течение предыдущего десятилетия в представляемых к цензуре проповедях не было замечено никаких ересей[2].

Переменыв организации печатного дела осуществлялись на основе постановления Пензенского епархиального чрезвычайного съезда духовенства и мирян, который проходил с 25 апреля по 1 мая 1917 г. В протоколе съезда пункт № 16 «О реформировании Пензенских Епархиальных Ведомостей и о приобретении типографии» гласил: «30 апреля 1917 г. Епархиальным Ведомостям выходить еженедельно (или чаще), программу оставить прежней, но официальную часть сократить ради увеличения неофициальной, в которой разбирать злободневные вопросы, использовать для статей понятный обществу язык, приобрести свою типографию для Ведомостей и иных церковных нужд с меньшими ценами, чем в Синодальной и губернской типографиях (разработку и осуществление возложить на профсоюз духовенства, духовно-учебных заведений и учреждений г. Пензы), средства на типографию занять у свечного завода (попросив помощи у Иннокентьевского Просветительного Братства и других духовных учреждений), возвращать постепенно из прибылей Ведомостей и

[1] По вопросу об издании Епархиальных Ведомостей в настоящее время // ПЕВ. 1917. № 7/8. С. 209.
[2] Набоков Н. Пензенское духовенство в первые дни русской свободы // ПЕВ. 1917. № 9/10. С. 263.

типографии. Ведение Ведомостей поручить Редакционному Комитету (формирует и контролирует Профсоюз)»[1].

Съезд постановил приобрести Епархиальную типографию, преимущественно для издания ПЕВ, и для исполнения частных заказов. Комиссия, избранная съездом, купила типографию у Вавла Григорьевича Соломонова, который стал ее смотрителем. Заведующим типографией был назначен священник Иоанн Победимский, член Редакционного Комитета, избранного съездом. Епархиальная типография начала свою работу с 17 Мая 1917 г. Первым напечатанным в типографии номером журнала стал № 11–12[2].

Исполнительному Комитету было поручено совместно с Редакцией ПЕВ преобразовать журнал в орган еженедельный, с периодичностью выхода 2–3 раза в неделю, а также изыскать для этого средства[3].

Профессиональный союз духовных деятелей гор. Пензы обратился с воззванием «Пензенское духовенство в первые дни русской свободы», в котором приветствовал политические перемены в стране после «великих мартовских событий русской политической жизни». Пензенское духовенство, по мнению авторов воззвания, переживало самую «светлую страницу в истории», находилось в состоянии «всеобщего оживления, неописуемой радости иэнергичной деятельности».Ведь старый режим «загрязнил белоснежную одежду Церкви» и «придавил свободное самоопределение церковной жизни, лежал тяжелыми путами на ногах православного пастыря»[4]. Государственный переворот вызывал у духовенства ожидания преобразований в не только в обществе, но и Церкви.

Пастыри и духовные деятели г. Пензы призвали духовенство и паству: «…не по приказу, не по принуждению, но по совести, со сознанием своего

---

[1] Булдаков Р. В. Протокол Пензенского епархиального съезда духовенства и мирян // Церковный историк. 2020. № 1 (3). С. 160.
[2] К сведению Епархии // ПЕВ. 1917. № 11/12. С. 338.
[3] Набоков Н. Пензенское духовенство в первые дни русской свободы // ПЕВ. 1917. № 9/10. С. 263.
[4] Там же. С. 257–258.

гражданского долга подчиниться Временному Правительству и, повинуясь своему нравственному и гражданскому долгу, призывать всех к единению, к взаимной любви, к честному, разумному строительству новой свободной жизни свободного русского народа»[1].

Чрезвычайный Епархиальный съезд утвердил новую программу ПЕВ, которая отражала новые веяния политической жизни. Программу журнала было решено изменить для того, чтобы епархиальный орган освещал «выдающиеся события текущего момента, происходящие в церковной, политической и общественной жизни России, а равно полнее, разностороннее отмечать события из жизни Пензенской епархии»[2].

В официальной части предполагалось, по-прежнему, публиковать Указы Св. Синода, имеющие отношение к Пензенской епархии, а также распоряжения епархиального начальства, награды духовенству епархии, назначение пенсий и пособий, определения и назначения на места, вакантные места, протоколы епархиальных и окружных съездов, объявления от учреждений Пензенской епархии.

В структуре неофициальной части, как и прежде, сохранялись епархиальная хроника, сообщения из жизни других епархий, статьи по вопросам веры, а также научно-богословского характера, историко-статистические исследования и описания церквей, приходов и монастырей, библиографический отдел. Но планировалось публиковать, в первую очередь, статьи, «имеющие преимущественно злободневный и текущий интерес», о важнейших событиях государственной и общественной жизни в ходе подготовки Учредительного Собрания.

Особое внимание акцентировалось на изучении религиозно-нравственного состояния как русского населения, так и «инородцев». Теперь программа ПЕВ была нацелена на культурное сближение и тесные взаимоотношения с «инородцами» – «в виду нового государственного строя,

[1] Набоков Н. Пензенское духовенство в первые дни русской свободы // ПЕВ. 1917. № 9/10. С. 262–263.
[2] От редакционного комитета // ПЕВ. 1917. № 11/12. С. 301.

устанавливающего полное равенство и единение между народностями в России»[1].

В структуре журнала появился раздел, посвященный светской и церковной печать о Церкви и духовенстве. Где предполагалось сообщать «суждения журналов и газет» по вопросам, касающимся Церкви и духовенства, «особенно в применении к современным обстоятельствам и условиям»[2].

В русле демократических преобразований политической жизни страны стало появление раздела переписки с читателями, которым было предложено присылать письма и отзывы по волнующим их вопросам.

Перемены произошли не только в программе ПЕВ, но и в организации руководства. В мае 1917 А. Е. Попов обратился со страниц журнала с заявлением о прекращении своей редакторской деятельности: «Редактором я состоял с 1875 г. Насколько полезна была деятельность моя в этом отношении, пусть судит духовенство епархии. Трудился я в меру своих сил и в соответствии с условиями издательства в истекшее 40-летие. Feci, quodpotui. Aliilaciaulmeliora! («Я сделал все, что мог. Другие танцуют лучше!» – перевод С. Д.)»[3].

В июне 1917 г. Редакционный Комитет, избранный Профессиональным союзом духовенства г. Пензы, обратился к читателям ПЕВ. На страницах № 11/12 сообщалось о замене единоличного редактора Редакционным Комитетом[4].

Редакционный Комитет возглавил протоиерей Матвей Сергеевич Архангельский, последний дореволюционный ректор Пензенской духовной семинарии. Членами редколлегии значились протоиерей Александр Пульхритудов, протоиерей Владимир Алексеевич Масловский, профессор

---

[1] Набоков Н. Пензенское духовенство в первые дни русской свободы // ПЕВ. 1917. № 9/10. С. 262–263.
[2] Там же. С. 262–263.
[3] ПЕВ.1917. № 9/10. С. 300.
[4] От редакционного комитета // ПЕВ. 1917. № 11/12. С. 301.

Пензенской духовной семинарии Алексей Лукич Хвощев, преподаватель Александр Александрович Беляев, будущий священномученик Августин Калужский, а также Евгений Иванович Степанов[1].

Редакционный Комитет ПЕВ оповестил о том, что Чрезвычайным Епархиальным съездом духовенства и мирян принято решение выпускать ПЕВ еженедельно для того, чтобы освещение разнообразных событий в жизни Церкви, государства и местной епархии не запаздывало и не представлялось бы для читателей устаревшим. С июля 1917 г. было запланировано еженедельное издание журнал.

Вступая в исполнение обязанностей, Редакционной Комитет «ясно осознавал», что интересы епархии эти сложны, разнообразны, а порою и противоречивы».

Редакционной Комитет сообщал, что не намерен становиться на сторону интересов какого-либо определенного класса общества или общественной группы. Потому что при руководстве церковным органомсчитал высшими интересами только интересы христианства и Церкви, которые намерен был отстаивать и проводить в жизнь.

Члены Комитета просили читателей «покрыть своей снисходительностью неизбежные промахи» в новом для него деле. Члены Комитета признавали, что общегосударственные события политического и общественного характера, жизнь в культурных центрах страны им лучше известны, чем жизнь в деревне. Поскольку епархиальный орган печати должен был обслуживать интересы деревни, то Комитет обращался «за живой энергичной поддержкой людей с мест, из деревни», просил присылать корреспонденции, статьи, касающихся местных нужд, сообщения о фактах из жизни деревни[2].

От имени нового Редакционного Комитета протоиерей Владимир Масловский на страницах журнала оценил редакторскую деятельность

---

[1] ПЕВ. 1917. № 14.

[2] От редакционного комитета // ПЕВ. 1917. № 11/12. 302–303.

Алексея Егоровича Попова: «Эта деятельность была весьма продолжительна». Автор сообщал читателям, что редакторский стаж Поповабылболее 40 лет (с 1875 г.), что было исключительным примером среди редакторовне только епархиальных органов, но и светских изданий.

Называя Попова «сверхредактором», Масловский отмечал не только его большой опыт, но и любовь к своему делу, что позволяло «держать его (журнал – С.Д.) на желательной высоте и не ронять ценности и значения издания»[1].

По мнению Масловского, ПЕВ удачно выделялись среди других епархиальных органов, потому что журнал, благодаря редактированию Попова, взял «верный тон и направление». «Не претендуя на высокое научное значение и не задаваясь вопросами высшей церковной политики, предоставляя последнее столичным изданиям, наши Ведомости старались служить отображением приходской жизни вообще, нужд и запросов приходского, преимущественно сельского духовенства, – писал автор. – Преобладающее же большинство напечатанных в них статей касается местной епархиальной жизни, в них посильно отражаются главные ее течения, выдающиеся явления и факты. В этих статьях заключается обильный и ценный материал, к которому с пользою может обратиться всякий, желающий поработать над историей местной епархии»[2].

Масловский привел доказательства, что духовенство журнал читало активно и с усердием. По сообщению одного сельского священника, ПЕВожидали с интересом, члены причтов рассуждали и спорили по поводу прочитанного[3].

Подтверждением популярности журнала и редакторского авторитета Масловский считал многочисленные поздравления от духовенства в адрес Попова в связи с юбилеем журнала, которые многие считали личным

---

[1] Масловский В. По епархии. Редакторская деятельность Алексея Егоровича Попова // ПЕВ. 1917. № 13. С. 360.
[2] Там же. С. 362.
[3] Там же.

юбилеем самого редактора. Один из поздравителей писал, что ПЕВ «явились верным выразителем нужд и желаний местного духовенства, освещая темные стороны нашей жизни, пробуждая в нас добрые чувства и стремления, служа рассадником правды и добра». В журнале отсутствовала тенденциозность, искажение фактов, сведение личных счетов. ПЕВ были «органом бескорыстным, идейным, правдивым; развивали в нас дух самосознания, высоты и важности пастырского служения, побуждали нас быть исполнительными в отношении служебного долга, воодушевляли нас бороться против общественных недугов – пьянства, нравственной расшатанности. Епархиальные ведомости служили прекрасным средством к единению и солидарности многочисленных работников нашего ведомства»[1].

Одной из важнейших положительных сторон деятельности А.Е. Попова, как редактора, Масловский создание коллектива сотрудников из числа епархиального духовенства, которые не оставались безучастными к происходящему, а живои деятельно реагировали на страницах журнала.

Масловский отметил, что редактор «стойко стоял на защите неофициальной части, спасая ее от поглощения частью официальной». Внутри самой неофициальной части по временам тоже не все обстояло благополучно: «При старом режиме редактора ея нередко вынуждали печатать не то, что нужно и интересно в данную минуту духовенству, а что требовалось «этикетом» и полагалось «по штату»».

Попов неоднократно задумывался над вопросом об усовершенствовании и расширении епархиального органа. Этот вопрос выдвигала сама церковно-общественная жизнь: «Нужно было издавать Ведомости в более увеличенном объеме, чем это делалось, чтобы Ведомости вполне были на высоте момента, не отставали от запросов времени». Редактор тоже был нацелен на издание ПЕВ еженедельно[2]. Он неоднократно

---

[1] Масловский В. По епархии. Редакторская деятельность Алексея Егоровича Попова // ПЕВ. 1917. № 13. С. 363.
[2] Там же. С. 366.

поднимал вопрос и об устройстве епархиальной типографии в г. Пензе, составив даже примерную смету на оборудование типографии[1].

Однако издание журнала осложнялось недостаточным финансированием. Годовая цена подписки с пересылкой и доставкой до 1917 г. была 5 рублей[2]. Несмотря на ограниченность бюджета, редактор завершалкаждый редакционный год без дефицита, а оставшиеся суммы, по желанию духовенства, в 1875–1916 гг., направлялись в качестве пожертвований на бедных воспитанниц Епархиального женского училища. Всего в Епархиальное училище была передана внушительная сумма – 12,592 р. 73 к. В разное время Поповым передавались средства из редакционных сумм в Пензенскую духовную семинарию на ученическую библиотеку, на покупку музыкальных инструментов, на издание юбилейной брошюры и на ведение в семинарии Палестинских чтений (978 р. 72 коп.). Кроме того, редактор оставил средства на переиздание книги-справочника по Пензенской епархии.

Попов создал фонд журналов, книг, брошюр в ходе обмена изданиями с другими редакциями. Эти книги он регулярно передавал в библиотеки духовной семинарии, Епархиального женского училища, Иннокентиевского Просветительного Братства, а также в церковно-приходские школы.[3]

Однако, по мнению Масловского, время единоличного редактирования журнала ушло в прошлое: «По условиям переживаемого времени единоличное редактирование епархиального органа явилось делом сугубо ответственным и даже непосильным. Жизнь забила таким ключом, пошла

---

[1] Масловский В. По епархии. Редакторская деятельность Алексея Егоровича Попова // ПЕВ. 1917. № 13. С. 367.

[2] Только с 1917 г. была установлена плата в 6 рублей, для чего редактору пришлось подать епархиальному начальству мотивированный «доклад о затруднительности успешного ведения издания при бюджете в 5 руб.».

[3] Масловский В. По епархии. Редакторская деятельность Алексея Егоровича Попова // ПЕВ. 1917. № 13. С. 368.

таким ускоренным темпом. Явились опасения, как бы жизнь не обогнала единоличного редактора и не оставила его позади себя»[1].

Автор убеждал читателей, что реформирование епархиального органа и организация Редакционного Комитета из 6 человек своевременны, носожалел, что бывший редактор не вступил в его состав, выразив надежду, что«послужить любимому делу добрым советом Алексей Егорович никогда не откажется», а журнал будет развиваться, и впереди у него «светлое будущее»[2].

Священник Иоанн Добронравов в статье «Привет свободному органу пензенского духовенства» тоже высказал свое видение преобразования журнала: «Наконец-то Пензенское духовенство получило возможность свободно высказывать свои мысли чувства, желания на страницах своего свободного органа. Дорогие братья – сотрудники! Какой широкий простор открывается пред нами в служении свободному слову! То, чего веками ждали, о чем так часто вздыхали, теперь стоит перед нами, зовет и ждет нашего служения свободному слову печати»[3].

В среде духовенства далеко не все разделяли подобное воодушевление. Протоиерей Владимир Масловский выразил тревогу за будущее: «Совершившийся государственный переворот осложнил все стороны жизни не только нашего отечества, но и жизни нашей Церкви, выдвинул задачи государственные и церковные. В современной церковной жизни намечаются вопросы весьма большой важности, то или иное решение которых повлечет за собою перестройку всего уклада нашей церковной жизни. Возможна замена многих форм церковной жизни, форм, с которыми мы сжились, к которым мы привыкли и вне которых уже по одному тому, что мы как бы органически сроднились с ними, церковная жизнь кажется как бы

---

[1] Масловский В. По епархии. Редакторская деятельность Алексея Егоровича Попова // ПЕВ. 1917. № 13. С. 369.
[2] Там же.
[3] Добронравов Иоанн, священник. Привет свободному органу пензенского духовенства // ПЕВ. 1917. № 13. С. 375–376.

невозможной. В самом деле, есть над чем задуматься. Невольно встает вопрос: что день грядущий нам готовит? Будет ли он более светлым, чем наша скорбная действительность или же еще больше сгустится пасмурность?»[1].

Редакционный Комитет журнала обратился к деревне с призывом поддержать свой родной, близкий орган деятельным участием в его жизни: «Отцы и братья! Бьющая ключом жизнь, полная захватывающего интереса, властно зовет вас к напряженной пастырской деятельности, к усиленной работе на местах, в деревне, зовет как можно скорее, потому что теперь такое время, когда всякое промедление, действительно, «смерти подобно». Так идите без боязни и страхов в народ. В многотрудном деле на ниве пастырской старайтесь теснее сплотиться и объединиться между собою. Делитесь друг с другом познаниями, опытом и взглядами. У вас есть свой печатный орган»[2]. Комитет объявил, что в 1918 г. ПЕВ будут издаваться по программе, установленной съездом духовенства и мирян в мае 1917 г.

Инфляционные процессы, ставшие неизбежным результатом политического кризиса,удорожание рабочих рук и бумаги вызвали необходимость повышения цены на годовую подписку до 12 рублей. Подписчикам была предоставлена возможность вносить сумму частями и воспользоваться рассрочкой: до 1 января 1918 г. – 8 руб., до 1 мая – 4 руб. При подписке необходимо было сообщать точный адрес, так как у Редакционного Комитета не имелось точных адресов всех приходов[3].

Однако этим планам не суждено было сбыться. В ноябре 1917 года издание журнала прекратилось. В одном из последних номеров ПЕВ было опубликовано мнение анонимного автора, выразившего протест против начинающихся гонений на религию и Церковь, который прогнозировал: «А то, что разрушается сейчас, что строилось долгими веками воспитания

---

[1] Масловский В. По епархии. Епархиальный печатный орган и епархиальное духовенство // ПЕВ. 1917. № 14. С. 403.
[2] Там же. С. 408.
[3] ПЕВ. 1917. № 25. С. 186.

народа на религиозной почве, того построить вновь и в скором времени будет нельзя. Раз время упущено и в религиозно-нравственной жизни воцаряется мерзость запустения, эту мерзость запустения придется сметать тяжелым, медленным трудом ряда поколений христиански настроенных людей и ревностных пастырей»[1].

Таким образом, становление и развитие Пензенской епархиальной периодической печати происходило на протяжении полувека – с 1866 до 1917 гг. Появление ПЕВ совпало с эпохой реформ Александра II, а развитие было прервано государственным переворотом большевиков.

Изначально ПЕВ были ориентированы на просветительскую деятельность среди двух сословий – духовенства и крестьянства, составлявшего наиболее многочисленную часть паствы Русской Церкви. В условиях Великих реформ и постепенного преодоления сословной замкнутости было заметно стремление редакторов сделать епархиальную печать привлекательной для широкого круга читателей.

Осуществлялось это двумя путями: во-первых, тематика публикаций выходила за рамки церковной жизни и обогащалась историко-краеведческими, просветительскими, актуальными материалами, интересными для представителей разных сословий; во-вторых, создавался большой авторский коллектив.

Призывы редакции к духовенству включиться в написание «местных материалов» возымели действие. В итоге неофициальная часть ПЕВ стала расширяться за счет потока статей настолько, что наиболее острыми проблемами стали вопросы о периодичности издания, увеличении объема и типографских расходов. В начале XX века стало очевидным, что число ежемесячных выпусков необходимо увеличить, а период между выпусками – сократить. Нарастание интенсивности общественно-политической жизни сопровождал рост читательского интереса к «Пензенским епархиальным ведомостям», где улучшалось качество публикаций.

---

[1] Известия и заметки // ПЕВ. 1917. № 25. С. 810–814.

В годы Первой русской революции ПЕВ впервые становятся трибуной для полемики духовенства, которое стало активно откликаться на политические события. В дискуссиях участвовала Редакция, нацеленная выработать принципы своей деятельности в условиях новых реалий. Духовенство критиковало издание и высказывало «запросы-ожидания» от епархиальной печати: предлагало расширить неофициальную часть издания, а официальную сократить за счет отказа от перепечатывания сведений из центральной периодики («Церковных Ведомостей).

Накал критики авторов в адрес Редакции, которую упрекали в «бюрократизме», усугубляли промедление и отказы в публикации присылаемых статей, количество которых существенно превышало число опубликованных работ. Однако Редакция не отказывалась от полемики, а, напротив, обнародовала критические мнения, убеждая, что на страницах журнала недопустимы излишний «полемичный задор» и сведение личных счетов.

При этом Редакция систематически предпринимала попытки увеличить объем издания и ежегодное число публикуемых номеров, обращаясь к епархиальному начальству с предложением приобрести типографию, что позволило бы снизить стоимость журнала, т. к. цены в Губернской типографии были высокими.

Несмотря на материальные трудности, цена подписки оставалась неизменной вплоть до 1917 г. Главным сдерживающим фактором роста цены издания стала бедность приходского духовенства. Между тем, Редакция изыскивала возможности не только издавать журнал в нарастающих объемах, но и заниматься благотворительностью, ежегодно отправляя отчисления для оплаты обучения нуждающихся учащихся духовных учебных заведений.

Во многих губерниях «Епархиальные ведомости» изменили редакционную политику, превратившись в общественно-политические издания, но ПЕВ сохранили свой формат, лишь увеличив количество общественно-политических публикаций.

Переход от единоличного к коллегиальному редактированию, создание Редакционного Комитета летом 1917 г., приобретение Епархиальной типографии уже существенно не повлияли на будущее журнала, поскольку ликвидация церковных изданий стала одним из мероприятий внутренней политики советского государства.

Историю ПЕВ в условиях модернизации российского общества можно условно разделить на два этапа: 1866-1904 гг. и1905-1917 гг. На первом этапе журнал являлся епархиальным изданием, ориентированным на читательские запросы духовенства. Контент журнала постепенно преодолевал сословную замкнутость, благодаря актуализации историко-краеведческими и просветительскими материалами, стал интересен для представителей разных сословий – широкому кругу читателей. На втором этапе журнал становится трибуной для полемики духовенства, которое стало активно откликаться на политические события.

Редакционная политика определялась не только личностными установками конкретных редакторов, но и происходившими переменами в повседневности провинциального общества на фоне процесса модернизации, сопровождавшегося в России нарастанием остроты социально-политических противоречий, противоборства реформаторской и революционной тенденций.

1.2. Проблематика публикаций за период 1866-1917 гг.

Дореволюционная епархиальная периодика является ценным историческим источником, но недостаточно востребованным, что констатируют многие современные авторы[1]. Одной из причин этого, на наш

[1] Горайко А. В. «Пензенские епархиальные ведомости» как исторический источник: аспекты возможного (по материалам историографии) // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии. 2022. № 2 (24). С.40; Слуцкая С. А. «Епархиальные ведомости» как тип краеведческого издания и источник библиографической информации // Методические и исторические аспекты краеведческой библиографии. Москва, 1993. С.

взгляд, является отсутствие общепринятой классификации контента журнала. В этом отношении существует несколько походов.

Например, Д. Н. Жаткин и Б. А. Дорошин выделяют 7 главных направлений исторической информации, представленной на страницах журнала: 1) историко-биографические описания; 2) некрологи; 3) расколы, секты и миссионерская деятельность духовенства; 4) епархиальная система народного образования и просветительская деятельность духовенства; 5) историко-статистические описания населённых пунктов, монастырей и церквей; 6) краеведческие материалы, затрагивающие вопросы культуры и этнографии и 7) работы общекультурного характера, а также публицистические статьи[1].

Протоиерей Александр Троицкий, автор статьи, посвященной епархиальному изданию в «Православной энциклопедии[2], тоже предпринимает попытку систематизировать материал ведомостей и выделяет следующие информационные направления: 1) богословские статьи, которых по признанию автора немного; 2) миссионерские и биографические публикации; 3) юбилейные статьи; 4) публикации, посвященные памяти свт. Иннокентия Пензенского; 5) статьи этнографического характера; 6) по церковной истории края; 7) на церковно-общественные темы (в основном после 1905 г.). Автор подтверждает свои выводы подробным списком публикаций на страницах издания и упоминает, что в качестве приложений издавались ещё книги и брошюры.

80-81; Лапынина О. Н. Источниковедческий анализ журнала «Пензенские епархиальные ведомости» (XIX – начало XX в.) на основе применения новых компьютерных технологий // Библиография. Археография. Источниковедение: сборник статей и материалов. Вып. 2. Санкт-Петербург; Москва, 2015. С. 158; Гусева Т. М. Сельские историки поневоле. Приходские священники – корреспонденты «Пензенских Епархиальных Ведомостей» // Центр и периферия. 2012. № 1. С. 87.

[1] Жаткин Д. Н., Дорошин Б. А. История средств массовой информации Пензенского края. Пенза, 1998. С. 20-23.

[2] Троицкий Александр, прот. «Пензенские Епархиальные Ведомости» // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Москва, 2019. Т. 55. С. 341.

Е. Е. Кузьмина и В. Н. Паршина справедливо считают, что благодаря частой публикации на страницах журнала списков служащих по духовному ведомству, сообщений о переменах по службе (рукоположениях, назначениях, перемещениях, смертях), наградах и производстве в чины, взносах в эмеритальные (пенсионные) кассы, а также о выдаче пособий из них, разрядных списках выпускников и учащихся духовных семинарий и училищ, епархиальные ведомости могут вызвать интерес историков и как источник по генеалогии духовного сословия. Особый интерес, по их мнению, для исследователя ведомостей представляют статьи и документы исторического и краеведческого характера[1].

По мнению исследователя А. И. Кошелевой, наличие в неофициальной части информации назидательного характера, «чтения удобополезного», как пишут сами издатели, преследовало цель вывести читателей из-под влияния литературы с неоднозначным содержанием, с точки зрения чистоты веры[2].

О. Н. Лапынина обнаружила многочисленные упоминания о религиозной жизни крестьян, а также сведения об особенностях восприятия простыми селянами христианской веры, догматов, таинств и обрядов Церкви, о церковно-календарной обрядности, бытовой и семейной жизни прихожан, фольклорных текстов (заговоры, причитания, колядные песни, былички)[3].

А. И. Кошелева исследовала на основе материалов ПЕВ особенности информационно-просветительской и проповеднической деятельности

---

[1] Кузьмина Е. Е., Паршина В. Н. Пензенские Епархиальные Ведомости как исторический источник по истории русской православной традиции // Русская культура: вчера, сегодня, завтра: Материалы I Междунар. научно-практической конференции в рамках I Открытого международного фестиваля русской традиционной культуры «Жар-птица». Пенза, 2016. С. 7-8.

[2] Кошелева А. И. Епархиальная периодическая печать в Пензенской губернии в последней трети XIX в. // Правовая политика государства: теория, история, практика. Пенза, 2011. С. 175.

[3] Лапынина О. Н. Лапынина О. Н. Источниковедческий анализ журнала «Пензенские епархиальные ведомости» (XIX – начало XX в.) на основе применения новых компьютерных технологий // Библиография. Археография. Источниковедение: сборник статей и материалов. Вып. 2. Санкт-Петербург; Москва, 2015. С. 156–158.

священства[1]. Кроме того, исследователь выявила наличие в официальной части сообщений и объявлений от различных учреждений, редакций журналов и газет, авторов и издателей книг и брошюр по преимуществу духовного содержания[2].

Действительно, на страницах ПЕВ представлен очень обширный перечень публикаций разнообразной тематики и жанров, что объясняет отсутствие к настоящему времени единого подхода к классификации материалов журнала.

В ходе данного исследования в целях классификации материалов ПЕВ был составлен следующий тематический рубрикатор статей: 1) официальные документы; 2) богословие; 3) Русская Церковь; 4) Пензенская епархия; 5) пастырское служение; 6) внебогослужебная деятельность духовенства; 7) образование и воспитание; 8) раскол и сектантство; 9) общества и братства; 10) благотворительность; 11) биографические материалы; 12) публицистические статьи и заметки на разные темы.

Таблица 2

Рубрикатор публикаций «Пензенских епархиальных ведомостей»

п/п	Рубрика	Содержание
1.	Официальные документы	Высочайшие манифесты, определения Св. Синода и обер-прокурора, рескрипты, правительственные телеграммы, документы высших государственных учреждений – Сената, Государственного совета, Кабинета министров и др.; уставы обществ и братств, журналы учебного комитета при Св. Синоде; документы, относящиеся к Пензенской епархии.

[1] Кошелева А. И. Проповедничество приходского духовенства Пензенской и Самарской епархий в пореформенный период // Вестник Самарского государственного университета. 2011.№ 4 (85). С. 71–74; Кошелева А. И. Информационно-просветительская деятельность православных священнослужителей в Поволжье в 1880-90-е годы // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы: Материалы III Всероссийского научно-методологического семинара. Самара, 2015. С. 64–74.

[2] Кошелева А. И. Епархиальная периодическая печать в Пензенской губернии в последней трети XIX в. // Правовая политика государства: теория, история, практика. Пенза, 2011. С. 175.

2.	Богословие	Вероучительные истины, апологетика христианства, история Ветхозаветной Церкви, Священное Писание.
3.	Русская Церковь	История, богослужение и обрядность, церковные правила, пение, праздники, святые.
4.	Пензенская епархия	Епархиальная хроника, монастыри, храмы, иконы, съезды духовенства и пастырские собрания, приходы и церковно-приходские советы, епархиальный церковно-свечной завод, очерки истории городов и сел, историко-археологический и статистический комитет.
5.	Пастырское служение	Проповедничество, проповеди, поучения, речи.
6.	Внебогослужебная деятельность духовенства	Борьба за трезвость, разоблачение суеверий, миссионерство, публичные религиозно-нравственные чтения.
7.	Образование и воспитание	Педагогика, училищные советы и съезды, законоучительские съезды, церковно-приходские школы, духовно-учебные заведения.
8.	Раскол и сектантство	История и распространение, обряды, чины и быт раскольников, старообрядцы, сектантов, беседы с раскольниками, критика раскольнических возражений.
9.	Общества и братства	Императорское православное палестинское общество, Общество взаимного вспомоществования духовенства, Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам семинарии и духовных училищ, Общество страхования, Общество трезвости, Иннокентьевское братство, Братство святого Тихона, Церковно-певческое благотворительное общество, Сестричные общества и др.
10.	Благотворительность	Богадельни, приюты, братские кассы, пожертвования, попечительства.
11.	Биографические материалы	Жизнеописания, юбилейные статьи, воспоминания, некрологи.
12.	Публицистические статьи и заметки на разные темы	О царствующем доме, священнической службе, народе, войнах, литературе, а также отклики на политические события.

Большинство опубликованных в неофициальной части статей касается состояния местной епархиальной жизни, в них отражены главные ее события и факты. Большую ценность представляют обозрения поездок архиереев и их дневники, содержащие описание приходов и характеристики священнослужителей; дневники и отчеты о миссионерских поездках; исторические статьи о епархиальных учреждениях, огромный массив публикаций о духовно-учебных заведениях, храмах и монастырях (стоит отметить, что каждое освящение храма и даже часовни отмечалось на страницах издания), приходах, святынях, кладбищах; жизнеописания местных святых и подвижников благочестия. Особо следует указать на такой источник биографических сведений, как некрологи и воспоминания.

Материальная сторона церковной жизни, быт и условия жизни духовенства нашли своё отражение во множестве публикаций на тему «Меры к материальному обеспечению православного духовенства в России», среди которых немалое место занимают журналы Общества взаимного вспомоществования духовенства. Служба сельского духовенства проходила далеко от богатых приходов, и священники зачастую были не богаче своих прихожан. Однако, несмотря на скудость средств, церковь на селе была не только духовным, но и образовательным, воспитательным и просветительским центром. Публикации в ПЕВ свидетельствуют о поистине подвижнической деятельности сельского духовенства. Священники боролись с пьянством, учили крестьянских детей чтению, а родителей правильному воспитанию детей, поддерживали сирот, разъясняли крестьянам, как спасти утопающего, как уберечься от пожара, холеры и т. п.

Особого внимания заслуживают публикации, в которых отражены думы и чаяния представителей духовного сословия того периода, их убеждения и принципы, надежды и устремления. Это многочисленные записки, заметки, статьи, речи на разные темы – о царствовавшем доме, священнической службе, народе, войнах, литературе.

ПЕВ имели приложения в виде брошюр, где публиковались официальные документы (отчеты, протоколы, журналы съездов, постановления общества взаимного вспомоществования духовенства, материалы по школьному делу), сборники поучений и внебогослужебных бесед, материалы по истории Пензенской духовной семинарии и др. материалы.

Авторский коллектив ПЕВ представлял собой интеллектуальную элиту провинции. К 1905 г. в Пензенской епархии имели полное богословское образование все протоиереи (50 чел.), 659 священников (83 % от общего числа священников)[1].

В неофициальной части ПЕВ публиковались материалы, авторами которых, как правило, были священнослужители и преподаватели Пензенской духовной семинарии. Всего за период существования ПЕВ на страницах журнала были опубликованы статьи около 400 авторов, из них священники составляют около 300 человек, протоиереи – около 40, епископы – 4, архимандриты – 5, диаконы – 4, игумен – 1, иеромонах – 1, послушница монастыря – 1, псаломщики – 4, семинаристы – 10. Следует иметь в виду, что персоналии некоторых авторов указаны без титула и духовного сана, поэтому они могли оказаться либо представителями духовенства, либо мирянами[2].

Читательская аудитория журнала состояла в основном из представителей духовенства, реже – других сословий. Крестьянство, в большинстве было неграмотное, приобщалось к содержанию журнала через проповедническую и просветительскую деятельность духовенства.

Материалы журнала не только раскрывают подробности истории Пензенской епархии, богослужебной, просветительской, образовательной и

---

[1] Пензенская епархия. Историко-статистическое описание. Пенза, 1907. С. 37.

[2] Подсчитано автором по сквозному оглавлению журнала. Следует иметь в виду, что точное количество авторов установить невозможно, т. к. в журнале персоналии некоторых авторов указаны аббревиатурой, без титула и духовного сана, поэтому авторы могли оказаться как представителями духовенства, так и мирянами, иногда авторы публиковались анонимно. В подсчете использованы персоналии с указанными именами, фамилиями, статусом.

благотворительной деятельности священнослужителей, но и позволяют почувствовать дыхание эпохи, получить представление о состоянии повседневной жизни провинции.

Для исследования структуры провинциальной повседневности в ходе данного исследования был применен метод контент-анализа смыслового содержания неофициальной части журнала и апробирована авторская методика. Перечень этапов контент-анализа в рамках данной методики включает:

1) Составление сквозного оглавления неофициальной части журнала из 4256 статей (около 400 авторов) по методу сплошной выборки наименований.

2) Вычленение тематических блоков: «Церковная жизнь», «Богословие», «Общество», «Экономика», «Политика», «Семья», «Образование и воспитание», «Общественные пороки», «Стихийные бедствия» (см. Приложения 1–9).

3) Определение категорий анализа – ключевых слов (единицы анализа – около 300 дефиниций) – и осуществление их группировки по тематическим блокам.

4) Подсчет числа статей, в заголовках которых присутствуют ключевые слова (единица подсчета – статья).

5) Определение частоты упоминания дефиниций (в % от суммы упоминаний всех дефиниций).

Результаты контент-анализа по тематическим блокам представлены в Приложениях №№ 1-9**.**

По результатам контент-анализа можно констатировать, что основной целью журнала являлась миссионерская деятельность и описание жизни Пензенской епархии, т. к. наиболее часто встречаются термины: «поучение», «слово» (в значении «выступление»), «речь», «беседы», «проповедь». На втором месте по частоте употребления в заголовках статей – «епархия» («епархиальный»). На третьем месте – «училище» («училищный»), что

свидетельствует о том, что журнал был нацелен не только на миссионерскую деятельность, но и просветительскую. Показательно, что в числе самых распространенных слов – «школа», «ученик», «воспитание», «воспитанники» (см. таблица 3). Есть упоминания о семейном, школьном, физическом, религиозном воспитании. Учитывая значительный объем публикаций, посвященных образованию и воспитанию, целесообразно при классификации материалов журнала выделять данное тематическое направление как самостоятельное.

В заголовках статей, касающихся семьи, чаще всего встречаются слова «женщина», «дети», «семья», «брак».

Среди категорий, связанных с общественной жизнью, имеющих наибольшую частоту упоминаний оказались слова: село (сельский), народ, духовенство, нравственность (честь, благочестие). Среди пороков чаще упоминались: «пьянство» (алкоголизм), «суеверия», «воровство». Есть упоминания о «напрасном собирании милостыни» (совр. «мошенничество»), «сквернословии», «нарушении присяги», «знахарстве», «игре», «тяге к роскоши», «лжи» («плутовстве»), «щегольстве». Среди экономических понятий самым распространенным стали «свечной завод» и «свечное дело».

В политической лексике журнала доминируют упоминания Государя (императора), далее, в порядке убывания, присутствуют слова: «война», «реформа», «государство», «выборы». Редко, но использовались термины: «забастовка», «беспорядки», «смута», «социализм», «материализм», «партия», «революция». Среди бедствий, судя по частоте упоминания, наибольшую угрозу представляли голод, пожар эпидемии. В меньшей степени – «бездождие» (совр. «засуха»), «градобитие».

В целом, ПЕВ являются ценным историческим источником, отображающим повседневность провинции, не только приходской, но и светской жизни того времени. Журнал содержит большой пласт фактического материала об обыденной и экстремальной повседневности провинциального общества в условиях нарастания процесса модернизации,

который сопровождался реформами, контрреформами, военными конфликтами и революционными переменами.

Наиболее информативны ПЕВ, как исторический источник, при изучении проблем социальной истории духовенства и крестьянства. Исследователи, обращаясь к данному источнику, приобретают возможность изучить быт и условия проживания, рацион питания и способы лечения, будни и праздники, труд и досуг данных сословий в условиях относительной социальной стабильности, а также в условиях экстремальности (во время военных конфликтов, стихийных бедствий, голода, эпидемий, революций). Особый интерес вызывает состояние общественного мнения, нужд и запросов приходского, преимущественно, сельского духовенства и крестьянства.

Изучение епархиальной периодики позволяет охарактеризовать религиозно-нравственное состояние провинциального общества и масштабы распространения социальных девиаций (суеверий, пьянства, преступности), соотношение действительности и духовных идеалов в жизни современников второй половины XIX – начала XX вв.

Таблица 3

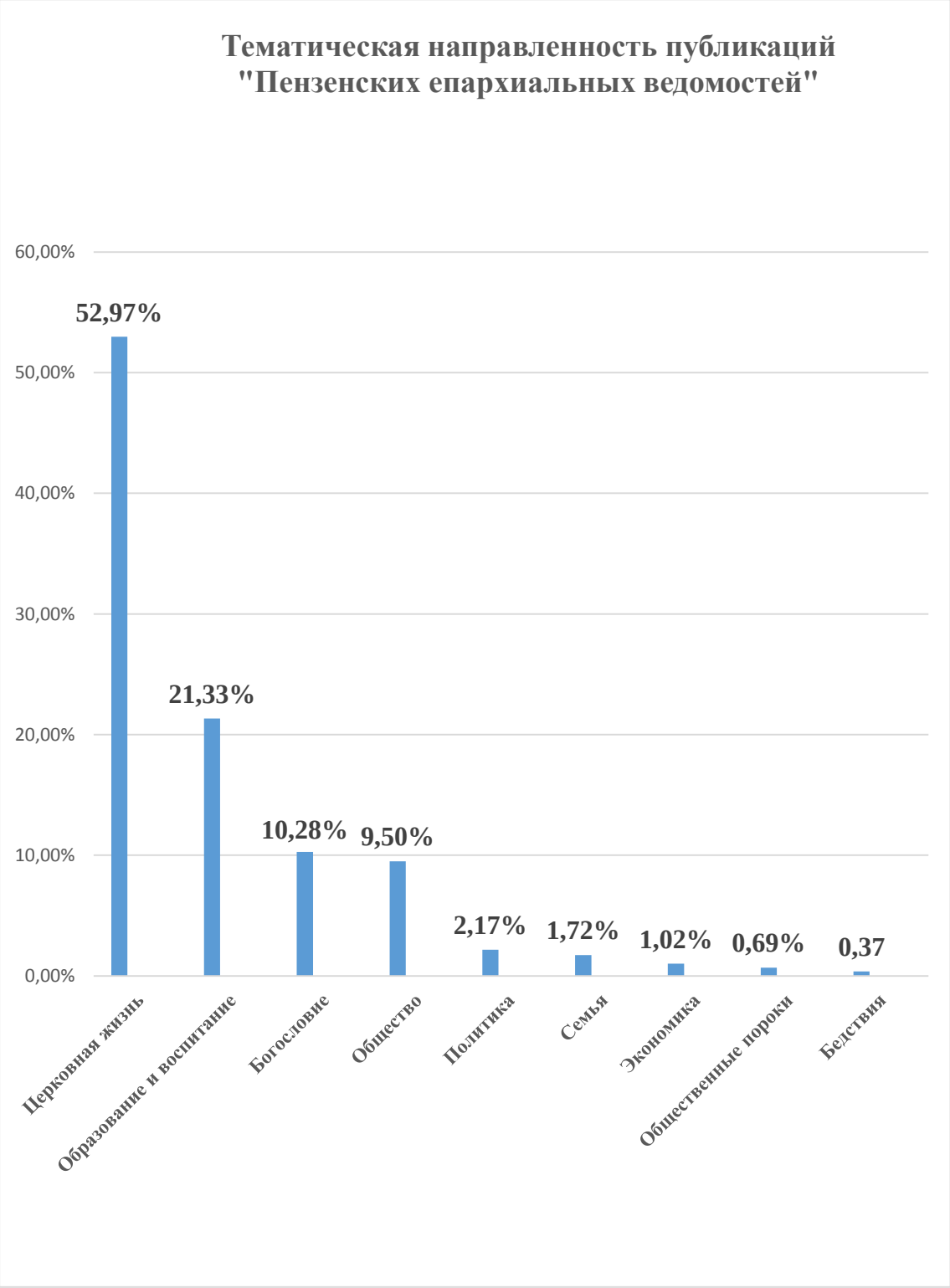
Результаты исследования тематической структуры «Пензенских епархиальных ведомостей»(1866-1917 гг.)[1]

п/п	Тематические блоки категорий анализа	Число статей (ед.)	Частота употребления (%)
1.	Церковная жизнь	6138	52,97
2.	Образование и воспитание	2471	21,33
3.	Богословие	1193	10,28
4.	Общество	1100	9,50
5.	Политика	250	2,17
6.	Семья	200	1,72
7.	Экономика	120	1,02
8.	Общественные пороки	77	0,69
9.	Стихийные бедствия	44	0,37

[1] Подсчитано и составлено автором (см. Приложения 1-9).

	Итого:	11593	100,05

Диаграмма 1[1]



[1] Подсчитано и составлено автором по результатам контент-анализа (см. Приложения 1-9).

Таблица 4

Частота упоминаний дефиниций в заголовках статей «Пензенских епархиальных ведомостей»[1]

п/п	Категории анализа (ключевые слова/дефиниции)	Количество статей	Частота упоминания (%)
1.	Слово /речь /поучение /беседы /проповедь/проповедничество	916	7,90
2.	Епархия/ епархиальный	676	5,83
3.	Училище/ училищный	480	4,14
4.	Духовный	429	3,70
5.	Архиереи /архирейский	415	3,58
6.	Церковь/ церковный	366	2,77
7.	Село /сельский	307	2,65
8.	Школа /школьный	306	2,64
9.	Святость/святой(ые)/ святитель/ святыни/ Пресвятой(ая) /Святейший	282	2,43
10.	Духовенство	260	2,24
11.	Служение	237	2,04
12.	Воспитанницы /воспитанники /воспитательный	207	1,79
13.	Храм/ храмовый	185	1,60
14.	Пожертвования /подаяние /вспомоществование	184	1,59
15.	Приход/приходской /прихожане	179	1,54
16.	Священник	169	1,46
17.	Епископ /архиепископ	143	1,23
18.	Воспитание /воспитательное	141	1,22
19.	Церковно-приходская школа	139	1,20
20.	Пастырь /пастырство	138	1,19
21.	Духовные училища	134	1,16
22.	Духовная семинария	133	1,15
23.	Ученик	132	1,14
24.	Миссионерство /миссионер /миссионерское общество	123	1,06
25.	Православие/православный	115	0,99
26.	Протоиерей	113	0,97
27.	Монашество/монастырь/обитель/ монах/монахиня /общежительный монастырь	113	0,97
28.	Государь/Император/Царь /Царский/Царствование /Императорский /Государыня /Императрица	104	0,90
29.	Праздник/праздничный/ празднование	104	0,90

[1] Составлено и рассчитано автором по: выборка максимальных значений контент-анализа по блокам (см. Приложения 1-9).

Особый интерес для современных исследователей представляют историко-статистические очерки о городах и сёлах Пензенской губернии, написанные приходскими священниками в рамках деятельности Историко-археологического и статистического комитета при Пензенской духовной семинарии. Данные очерки позволяют проанализировать повседневную жизнь духовенства и крестьянства, а также представителей разных народностей, населяющих территорию Пензенской епархии.

Образование Историко-археологического и статистического комитета имеет свою предысторию. Во второй половине XIX века происходил рост общественного интереса к местной истории и краеведению. Видимо реформы Александра II стали стимулом для организационных усилий государственных структур по сбору сведений о состоянии разных частей империи в условиях масштабных экономических и социальных перемен. В условиях отмены крепостного права стремительно видоизменялся исторический облик российского общества.

Попытки государства организовать систематическую и целенаправленную деятельность по сбору достоверных сведений предпринимались еще за четверть века до начала знаменитых реформ. В 1834 г. в Министерстве внутренних дел было образовано статистическое отделение, занимавшееся разработкой сведений, получаемых из департаментов и от губернаторов, после чего повсеместно стали создаваться Губернские статистические комитеты (далее – ГСК). Примечательно, что в составе ГСК обязательно присутствовал член духовной консистории по избранию епархиального архиерея[1].

Однако деятельность ГСК была нерегулярной, длительные периоды он фактически бездействовал. Только после создания Пензенской

[1] Первушкин В. И. Роль губернских статистических комитетов в формировании научных знаний в российской провинции // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии. Витебск, 2019. С. 76–80.

губернскойученой архивной комиссии (далее – ПГУАК) дело собирания и исследования исторических источников, изучения местной истории в губернии было упорядочено и приведено в систему[1]. ПГУАК была создана 9 (22) августа 1901 г., члены комиссии занимались составлением губернского исторического архива, сбором сведений о древностях края, организацией музея, охраной памятников старины, публикацией материалов по истории, археологии и этнографии края[2]. В губерниях, где отсутствовали университеты, эти учреждения заложили основы научной работы и целенаправленных краеведческих исследований[3].

Однако, несмотря на уже имеющиеся в губернии статистический комитет и ученую архивную комиссию, при Пензенской духовной семинарии был создан Историко-археологический и статистический комитет (далее – Комитет), открытие которого было разрешено Указом Св. Синода 9 (22) ноября 1901 г. и приурочено к 100-летию Пензенской духовной семинарии[4].

Исторические причины создания Пензенского церковного историко-археологического и статистического комитета обусловлены намерениями Св. Синода, в целях составления полного и специального курса истории Русской Церкви, собрать и обобщить церковно-исторические и статистические сведения, которые хранились в разных местах духовного ведомства.Первая попытка создания Комитета для исторического описания Пензенской епархии была предпринята в 1850 г., когда Св. Синод предложил архиереям программу исторического и статистического описания вверенных им епархий, в соответствии с которой требовалось собрать нужные сведения из подлинных актов, хранящихся в архивах, библиотеках и других местах

[1] Дорошин Б. А. Организация и деятельность Пензенской губернской ученой архивной комиссии: дис. … канд. ист.наук. Пенза, 1999. С. 3.

[2] Первушкин В. И. Пензенская губернская учёная архивная комиссия // Пензенская энциклопедия. Изд-е 2-е. В 2-х т. Т. 2. Пенза, 2019. С. 163–163.

[3] Первушкин В. И. Роль губернских статистических комитетов в формировании научных знаний в российской провинции // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии. Витебск, 2019. С. 76–77.

[4] Смирнов Н. По поводу открытия при Пензенской духовной семинарии церковного историко-археологического и статистического комитета // ПЕВ. 1902. № 1. С. 28.

епархиального ведомства. Во исполнение этого поручения в г. Пензе преосвященный Амвросий II образовал под председательством ректора семинарии архимандрита Евпсихия церковно-исторический комитет. В состав комитета вошли инспектор семинарии, архимандрит Серафим, кафедральный протоиерей Ф. П. Островидов, преподаватель (впоследствии инспектор) семинарии Г. П. Бурлуцкий. Присланная из Св. Синода программа, по которой комитет должен был составить описание епархии, состояла из следующих разделов: 1) Начало и распространение христианской религии. 2) Время учреждения епархии. 3) Епархиальные архиереи в непрерывном порядке. 4) Монастыри, находящиеся в епархии, с историческими сведениями о каждом из них. 5) Сведения о соборах, приходских, домовых и других церквах, «с особенными указаниями на замечательнейшие из них по древности или по каким-либо важным обстоятельствам». 6) Сведения о святых угодниках, почивающих в монастырях или других местах. 7) Сведения о святых иконах, чудотворных, «явленных или замечательных по особенной древности». 8) сведения о благочестивых обычаях и установлениях, существующих в епархии: «особенные посты, крестные ходы, путешествия для поклонения св. угодникам и проч.»[1].

С 1866 г., с момента начала издания Пензенских епархиальных ведомостей, труды членов Комитета обнародовались на страницах печатного епархиального органа. В результате были опубликованы обширные исторические сведения о распространении христианской религии в Пензенском крае; об учреждении Пензенской епархии; о чудотворных, явленных или древних иконах; о благочестивых обычаях и установлениях.

«Второе рождение» Комитета состоялось в ходе Общеепархиального съезда духовенства, начавшегося 12 (25) февраля 1902 г. На съезд прибыли благочинные церквей Пензенской епархии, состоящие непременными

[1] Смирнов Н. По поводу открытия при Пензенской духовной семинарии церковного историко-археологического и статистического комитета // ПЕВ. 1902. № 1. С. 31.

членами Комитета. В актовом зале семинарии вечером 14 (27) февраля происходило торжественное открытие Комитета. Кроме благочинных на открытие Комитета прибыли члены консистории, епархиальный и уездные наблюдатели церковных школ, инспектор классов епархиального женского училища, смотрители духовных мужских училищ, некоторые протоиереи и священники г. Пензы, а также преподаватели семинарии. Отец-ректор семинарии, протоиерей П. А. Позднев назвал основную цель учреждаемого Комитета – собрать и обобщить сведения по истории Русской Церкви в Пензенском крае, описывая историю населенных пунктов, храмов, монастырей и приходов.

Церковный комитет при семинарии являлся общим институтом для духовно-учебного и епархиального ведомства в пределах Пензенской епархии и должен был «привлечь к себе и соединить силы как духовно-учебных корпораций, так и духовенства, не исключая и других лиц, могущих быть для него полезными в том или другом отношении»[1].

Комитет состоял из почетных и действительных членов, а также членов-корреспондентов, которые избирались на общем собрании и утверждались председателем совета комитета. Новоучрежденный комитет не ограничивался кругом семинарской корпорации. В его состав вошли лица других духовных учебных заведений епархии, епархиального ведомства, а также другие деятели, «заявившие себя трудами по истории, археологии и статистики епархии, или изъявившие готовность работать на этом поприще» (§ 8 Устава комитета).

В состав Комитета вошли начальствующие местных духовно-учебных заведений, члены консистории, благочинные епархии, настоятели и благочинные монастырей, епархиальный и уездные наблюдатели церковно-

[1] Смирнов Н. По поводу открытия при Пензенской духовной семинарии церковного историко-археологического и статистического комитета // ПЕВ. 1902. № 1. С. 29.

приходских школ, все преподаватели Пензенской духовной семинарии и духовных училищ (Пензенского, Тихоновского, Краснослободского) (§ 7)[1].

В Комитет были приглашены, как уже «заявившие себя трудами по описанию приходских храмов и монастырей», бывшие преподаватели А. Троицкий и М. Сацердотов, редактор «Народного образования» И. Мироносицкий, член ученого комитета А. Ф. Селиванов, уездный врач Саранского уезда Г. Петерсон, священники Н. Быстров, И. Голубинский, А. Любимов, И. Добронравов[2].

Председателем комитета был назначен ректор семинарии протоиерей П.А. Позднев (позже его сменит протоиерей М. С. Архангельский), товарищем председателя – А. Е. Попов, секретарем – К. Соколов.

Почетными членами были избраны: епископ Глазовский Варсанофий (Курганов), епископ Сумский Стефан (Архангельский), епископ Сарапульский Владимир (Благоразумов), директор канцелярии Св. Синода С. В. Керский, профессора духовной академии В. О. Ключевский, Ф. А. Курганов, С. Т. Голубев, И. Г.Троицкий, профессор Казанского университета А. С. Архангельский, почетный блюститель по хозяйственной части Пензенской семинарии Ф. П. Неронов, главный инспектор народных училищ Туркестанского края Ф. М. Керенский, бывший директор Пензенской учительской семинарии В. Х. Хохряков и протоиереи г. Пензы Ф. А. Быстров, И. Н. Кронтовский и А. В. Терновский.

В состав Совета Комитета, согласно § 13 Устава, избраны преподаватели семинарии Н. К. Смирнов и А. Л. Хвощев[3].

Известный историк В. О. Ключевский одновременно являлся не только почетным членом Церковного историко-археологического и статистического комитета, но и Губернского статистического комитета (ГСК). В. Х. Хохряков

---

[1] Смирнов Н. По поводу открытия при Пензенской духовной семинарии церковного историко-археологического и статистического комитета // ПЕВ. 1902. № 1. С. 28.

[2] Открытие церковного историко-археологического и статистического комитета с церковным древлехранилищем при Пензенской духовной семинарии // ПЕВ. 1902. № 5. С. 215.

[3] Там же. С. 216.

и А. Ф. Селиванов были членами не только ГСК, но и Пензенской ученой архивной комиссии (ПУАК). Почетными членами ПУАК были также А. Е. Попов и А. Л. Хвощев.

До 1901 г. уже были опубликованы биографические сведения о епархиальных архиереях, за исключением двух епископов – Амвросия II (Морева) и Антония I (Смолина). Существующие в Пензенской епархии монастыри были описаны все, кроме женского Троицкого монастыря в г. Пензе. Однако раздел о церквях нуждался в новых сведениях, т. к. на страницах ПЕВ были описаны только два собора в Керенске и Краснослободске, а также некоторые приходские церкви Пензы, Чембара, Саранска, Краснослободска. Однако в епархии насчитывалось большое число других церквей, представляющих особый интерес в историческом и археологическом отношениях, чья история еще не была изучена. Даже Пензенский кафедральный собор, возраст которого превышал столетие, не был описан. Кроме того, в журнале было недостаточно сведений о святых, почитаемых в крае. Для полного церковно-исторического очерка епархии члены Комитета были нацелены составить подробное описание всех городов и всех сельских приходов, составляющих епархию. Ведь из 12 городов епархии были описаны в Ведомостях только Краснослободск и Саранск, а также 36 сел с приходами[1]. Но это число не составляло даже десятой части

[1] Смирнов Н. По поводу открытия при Пензенской духовной семинарии церковного историко-археологического и статистического комитета // ПЕВ.1902. № 1. С. 33: «Из 12 городов епархии описаны в Ведомостях только два: Краснослободск (1867. № 19–22; 1868 г. № 11–15) и Саранск (1880. № 18–19; 1881. № 6–7); из сел имеют описания: Чирково (1870. № 9–10), Русский Качим (1870. № 22), Каменный Брод (1871. № 21–22; 1872. № 4–9), Тархово (1872. № 18), Кувак-Никольское (1879. № 6), Потьма (1880. № 12), Старая Кутля (1880. № 18–19), Поляны (1881. № 13–15), Кириклеевский Майдан (1881. № 18–19), Владыкино (1881. № 20–21; 1882. № 3–5; 1883. № 8–11), Ромоданово (1882. № 7–10), Большой Вьяс (1882. № 17–18), Макаровка (1882. № 23), Новоямская Слобода, Краснос. у. (1883. № 13–15), Чиуш-Каменка (1883. № 16–17), Кочетовка (1883. № 18), Головинщина (1885. № 4-6), Степановка (1885. № 7-16), Бояркино (1885. № 18–21), Никольское (1887. № 13), Белый Ключ (1887. № 17-18), Дворянский Умыс (1888. № 14), Ямская Слобода, Инсар. у. (1890. № 22–24), Рамзай (1891. № 4), Говорово (1891. № 18), Старое Пшенево (1892. № 12), Казачья Пелетьма (1895. № 4), Новая Нявка (1897. № 10), Новое Акшино (1898. № 9) Лѳмдяйский Майдан (1899. № 4–5), Новая Федоровка (1899. № 10), Ново-Шишкеевская Слобода (1899. № 12–14), Архангельское Куракино (1899. № 15), Старая

всех приходов Пензенской епархии. Перед новым составом Комитета, возобновившего свою деятельность, стояла масштабная задача описать еще 10 городов и свыше 650 сельских приходов. Кроме того, некоторые опубликованные очерки истории сел нуждались в уточнениях и дополнениях.

Поэтому инициаторы создания Комитета особые надежды возлагали на участие духовенства: «В этой обширной области пастыри могли бы оказать неоценимую помощь церковному комитету, учрежденному при семинарии. Описание того или другого прихода всего сподручнее сделать конечно приходскому священнику, и те села, о которых сведения помещены в Епархиальных Ведомостях, действительно описаны пастырями или другими членами именно приходских причтов. Ввиду всего сказанного является полное основание надеяться, что и новой призыв пастырей Пензенской епархии к сотрудничеству в деятельности историко-археологического и статистического комитета при семинарии не останется безуспешным (Прим.: Цитирование производится по современным правилам орфографии и пунктуации. – С. Д.)»[1].

Итак, спустя полвека после первой попытки создания Церковного исторического комитета, в начале XX столетия, возникла потребность продолжить деятельность по собиранию и обобщению сведений по истории Русской Церкви. Поводом для повторного открытия Комитета стал 100-летний юбилей Пензенской епархии. Преподаватель семинарии Алексей Егорович Попов обратился к собранию с речью о цели и задачах Комитета: «Достопочтенные Отцы и Милостивые Государи! <...> Мысль о церковном историко-археологическом и статистическом Комитете с церковным древлехранилищем возникла в среде семинарской корпорации еще в 1899 г., когда она готовилась праздновать 100-летие епархии и семинарии. Празднования таких событий обычно сопровождаются открытием каких-

---

Федоровка (1900. № 20), Нечаевка, Ивановское (1901. № 5) и Ново-Троицкое (1901. № 8) – всего 36 сел (с их приходами)».

[1] Смирнов Н. По поводу открытия при Пензенской духовной семинарии церковного историко-археологического и статистического комитета // ПЕВ. 1902. № 1. С. 34.

либо учреждений и приготовлением исторических записок. Празднование 100-летия епархии по некоторым обстоятельствам не состоялось. Подготовительные к такому празднованию работы показали, что полной и обстоятельной истории Пензенской епархии в настоящее время составить нельзя, за недостатком нужных для сего материалов. Выяснилось также, что составление истории епархии не по силам отдельному лицу; только совокупными силами многих, близких к делу лиц, возможно более или менее успешно выполнить намеченную задачу. Самыми близкими лицами, в данном случае, естественно являются пастыри церкви и те, кто трудятся в деле подготовления и образования сих пастырей в духовно-учебных заведениях. Отсюда-то и возникла мысль об образовании при Пензенской духовной семинарии Пензенского церковного историко-археологического и статистического Комитета с древлехранилищем»[1].

А. Е. Попов, автор книги «Церкви, причты и приходы Пензенской епархии»,[2] напомнил собравшимся, что на ее страницах было высказано пожелание, чтобы сообщенные там краткие историко-статистические сведения послужили началом новых капитальных трудов по сему предмету. А.Е. Попов выразил надежду, что новоучрежденный Комитет «действительно принял на себя эту задачу»[3].

В § 1 устава Комитета была указана цель его деятельности – «дать подробное описание Пензенской епархии в ее прошлом и настоящем состоянии, равно отдельных приходов епархии, храмов, монастырей и разных достопримечательностей в отношениях церковно-историческом, археологическом и статистическом»[4].

---

[1] Открытие церковного историко-археологического и статистического комитета с церковным древлехранилищем при Пензенской духовной семинарии // ПЕВ. 1902. № 5. С. 209.

[2] Попов А. Е. Церкви, причты и приходы Пензенской епархии / сост. А. Попов. Пенза, 1896. URL: http://elib.shpl.ru/nodes/13450(дата обращения: 01.03.2023).

[3] Открытие церковного историко-археологического и статистического комитета с церковным древлехранилищем при Пензенской духовной семинарии // ПЕВ. 1902. № 5. С. 210.

[4] Там же. С. 210.

Для осуществления данной цели предполагалось дать точное и подробное описание каждого храма, села, прихода, а также каждого монастыря. Этому описанию отдельных пунктов уезда должна была предшествовать история уездного города и уезда. Члены Комитета планировали выполнить фундаментальный труд, а именно: для 10 уездов епархии издать 10 томов, приблизительно от 50 до 70 печатных листов каждый. После опубликования названных 10 томов планировалось издать одиннадцатый том, посвященный обозрению истории и современного состояния всей епархии.

По уставу (§ 2) при Комитете создавалось церковное древлехранилище для собирания и сохранения древних церковно-исторических вещественных и письменных памятников: «а) старопечатные богослужебные книги, а также и другие старинные книги религиозно-нравственного и церковно-исторического содержания, как на славянском, так и на русском языках; б) древнейшие рукописи религиозно-нравственного и исторического содержания; в) замечательные по древности принадлежности православного храма, как-то: св. кресты, иконы, украшения их, сосуды и разного рода церковная утварь, а также и другие памятники»[1].

Члены комитета не надеялись на обнаружение многочисленных памятников старины, т. к. «епархия Пензенская не принадлежит к числу древних». Кроме того, «многие из сих памятников вероятно погибли в тяжкие годины Пензенского края, например, во время бунта Стеньки Разина (1670 г.), большого Кубанского погрома (1717 г.), пугачевщины (1774 г.)». Констатировалось, что некоторые памятники «гибнут от всесокрушающего времени, а может быть и от нашей небрежности и неумения ценить памятники старины; многие, наконец, может быть, лежат в неизвестности где-либо на чердаках, в подвалах, кладовых и ждут той же печальной участи – быть истребленными и испорченными. Но чем меньше осталось этих

[1] Открытие церковного историко-археологического и статистического комитета с церковным древлехранилищем при Пензенской духовной семинарии // ПЕВ. 1902. № 5. С. 210-211.

памятников, тем они дороже. Нужно вызвать их на свет, сохранить их на память о давно минувшей жизни края, увековечить на страницах истории местной церкви и сделать достоянием науки»[1].

От имени членов Комитета редколлегия журнала ПЕВ, на страницах которого обнародовались труды по истории приходов и сел, поясняла читателям причину своей заинтересованности: «Нет надобности говорить подробно о важности и полезности такого труда. История местного края для нас сама по себе представляет большой интерес, как в теоретическом, так и в практическом отношениях. Каждому близка и дорога своя родина и знание ее весьма приятно»[2].

Один из инициаторов создания Комитета, профессор Пензенской духовной семинарии, кандидат богословия Алексей Лукич Хвощев подчеркнул необходимость изучения истории не только из-за патриотических соображений, но и для понимания современности: «Смеем думать, что изучение родины в прошлом и настоящем ее состоянии дорого и крайне интересно для всякого, кто желает сознательно отнестись к окружающему, сознательно понять и оценить те факторы, которые создали и направляют современную жизнь в ней»[3].

Редактор ПЕВ Николай Ксенофонтович Смирнов также обратился к духовенству с призывом изучать историю: «Кто ныне сомневается, что прогрессивное движение вперед возможно лишь при надлежащем изучении прошлого, и что церковная жизнь не составляет в этом отношении исключения? Важность для пастырей церкви изучение местного края в церковно-историческом отношении, ознакомление с религиозно-нравственным состоянием предков своих паств и с опытами пастырской

---

[1] Открытие церковного историко-археологического и статистического комитета с церковным древлехранилищем при Пензенской духовной семинарии // ПЕВ. 1902. № 5. С. 213–214.
[2] Там же.
[3] Хвощев А. Несколько слов о цели учреждения Пензенского церковного комитета и о программе историко-статистического описания приходов епархии // ПЕВ. 1902. № 4. С. 139.

деятельности своих предшественников составляют одно из важнейших условий правильного направления и успеха их собственных действий на поприще пастырского служения»[1].

Кроме того, члены Комитета отмечали, что многие пастыри имеют «малую связь» со своей паствой, объясняя это обстоятельствонезнанием паствы, ее прошлой и настоящей жизни. По мнению инициаторов создания Комитета, знание истории и современного состояния прихода поможет пастырю, особенно молодому, «введет его в курс жизни, сделает своим в этой среде, воодушевит его к работе и поможет осуществлению пастырского долга…». Ведь священник не только «учитель веры и требоисправитель», но и «руководитель», «устроитель жизни» своей паствы. Кроме того, история местного края необходима для понимания общей истории церковной жизни[2].

Организаторы Комитета не сомневались в том, что духовенство Пензенской епархии «внесет свою лепту в сокровищницу науки, посвятит часть своих досугов на собирание памятников Пензенской старины, для уяснения прошлого родной церкви и родного края»[3].

Комитет был назван статистическим, потому что организаторыпонимали значение статистики для изучения численности населения мужского и женского пола в исторической ретроспективе, с учетом национального происхождения, вероисповедной принадлежности. По мнению профессора Хвощева, статистика необходима для изучения отношений «русских и инородцев, христиан и иноверцев». Кроме того, сведения о численности грамотного населения «дадут возможность судить, как широко распространена грамотность и просвещение в народе, насколько быстро оно развивается и нужно ли и что нужно предпринимать для поддержания и развития просвещения в народе». Даты открытия школ всех

---

[1] Смирнов Н. По поводу открытия при Пензенской духовной семинарии церковного историко-археологического и статистического комитета // ПЕВ. 1902. № 1. С. 29.

[2] Открытие церковного историко-археологического и статистического комитета с церковным древлехранилищем при Пензенской духовной семинарии // ПЕВ. 1902. № 5. С. 211.

[3] Там же. С. 214.

типов и ведомств, по его мнению, «дадут материал для истории насаждения в крае просвещения, для истории просветительной деятельности министерства народного просвещения, земства и епархиального училищного совета»[1]. Хвощев обращал внимание на необходимость статистического анализа доходов причта: «Цифры получаемого причтом обеспечения от прихода за прежнее время (10, 20, 30 и более лет назад) дадут возможность судить о материальном положении духовенства в былое время, а в связи с другими актами и указаниями дадут возможность понять и оценить пастырскую деятельность духовенства – ее успешность и безуспешность. Цифры современного содержания духовенства из разных источников дадут возможность разностороннее осветить современное материальное положение его, – понять нужды и потребности духовенства, а равно могут указать, и то, что и как нужно делать в этом отношении»[2].

Однако инициаторы создания Комитета подчеркивали, что «цифры в работах комитета несомненно будут иметь очень важное значение. Но одними цифрами далеко не ограничивается дело»[3]. Комитету предстояло, объединив усилия православного духовенства, описать быт, нравы, верования, суеверия местного населения, степень понимания православными истин христианского вероучения, главные занятия населения, отхожие промыслы, степень материального обеспечения и т. д.

Хотя члены Комитета имели в виду, собственно, не губернию, а епархию, т. е. не гражданскую, а церковно-административную единицу, но их интересы выходили за рамки «исключительно дел церкви и веры». Профессор Хвощев подчеркивал ошибочность мнения, что «церковному комитету было бы интересно и нужно знать лишь о степени христианского просвещения населения, о состоянии его нравственности – и более ни о чем.

---

[1] Хвощев А. Несколько слов о цели учреждения Пензенского церковного комитета и о программе историко-статистического описания приходов епархии // ПЕВ. 1902. № 4. С. 141.
[2] Там же. С. 141–143.
[3] Там же. С. 143.

На самом деле, такое мнение нам кажется далеко не состоятельным»[1]. Ученый высказал убеждение, что христианское просвещение и социальное положение народа взаимосвязаны: «…та или другая степень материального положения, тот или иной род занятий и промыслов очень заметно отзываются на христианском просвещении населения. Известно, например, что материальная необеспеченность крестьянства (вследствие малого душевого надела, дурного качества земли, неблагоприятных условий аренды и т. д.) в сильнейшей степени препятствует широкому распространению среди него просвещения. Народное же невежество несомненно вредит чистоте Христовой веры». Невежество, по его мнению, поддерживало и развивало суеверия, «отнимая у народа возможность критической оценки и сознательного отношения к окружающему». Материальная необеспеченность, а вследствие этого и потребность в более интенсивной, продолжительной работе не только препятствовала участию населения в религиозной жизни, но и толкало его на отхожие промыслы, фабрики и заводы, где рабочие могут оказаться под влиянием сектантов[2].

Профессор Хвощев отметил в провинциальной повседневностиПензенского краяотсутствие «громких выдающихся событий», мирное течение жизни, когда «незримо совершалась культурная работа над обрусением инородцев, над развитием производительных сил края, а главное – сравнительно незаметно и постепенно Церковь Христова завоевывала себе здесь новых чад и прочное, благоустроенное положение»[3].

Хотя мыслитель не увидел ничего выдающегося в повседневном «пейзаже» провинции, он подчеркивал, что членам Комитета предстоит иметь дело с «чрезвычайно обширным и сложным материалом». Поэтому для деятельности Комитета разработана программа для членов-корреспондентов,

---

[1] Хвощев А. Несколько слов о цели учреждения Пензенского церковного комитета и о программе историко-статистического описания приходов епархии // ПЕВ. 1902. № 4. С. 143.
[2] Там же. С. 144.
[3] Там же. С. 138.

которая должна была стать руководством для системного описания приходов. Комитет не требовал точного соответствия поступающих сведений данной программе и готов был готов принять любую информацию, которую авторы сочтут важной. Организаторы просили корреспондентов при описании приходов обращать особое внимание на религиозно-нравственное состояние прихожан и деятельность приходских пастырей, чтобы принести последним наибольшую пользу[1].

Организаторы Пензенского церковно-исторического и статистического комитета не являлись авторами данной программы и ссылались на документы Св. Синода, Императорского Русского Археологического Общества, а также труды известных археологов и этнографов.

Программа описания приходов и сел включала следующие разделы: 1) географическое и топографическое описание прихода, села; 2) история прихода; 3) история храма; 4) причт; 5) население прихода; 6) достопримечательности прихода; 7) современное состояние прихода[2].

Каждый раздел включал не только широкий перечень сведений, но и анализ их причинно-следственной обусловленности. Например, при описании причта авторам следовало указывать изменения в его составе с момента открытия прихода, попытаться объяснить причины данных изменений; определить образовательный уровень священнослужителей, назвать «лучших и усерднейших пастырей»; рассказать, как замещались места причта (наследственно, по выбору прихожан или назначению начальства, под влиянием помещиков); подсчитать средства содержания причта в прежнее время (руга, доход от треб и богослужения, положение от помещика и т. д.); описать домашний и хозяйственный быт духовенства, охарактеризовать отношения с крестьянами и помещиками.

---

[1] Хвощев А. Несколько слов о цели учреждения Пензенского церковного комитета и о программе историко-статистического описания приходов епархии // ПЕВ. 1902. № 4. С. 148.

[2] Программа историко-статистического описания церквей и приходов Пензенской епархии // ПЕВ. 1902. № 4. С. 148.

В разделе «Географическое и топографическое описание прихода, села» присутствовали сведения о названии села (слободы, посада, пригорода), уезда благочинического округа (волости и стана), удаленности от уездного города; ближайшей почтовой станции. Если село (или слобода и т. д.) имело несколько названий, указывались все наименования с объяснением их толкования в народной среде. Кроме того, указывалось местоположение села (на реке, озере, тракте, горе, урочище). Перечислялись названия деревень, входивших в приход, с указанием расстояний между ними. Определялись границы прихода и назывались соседние приходы.

В разделе «История прихода» перечислялись исторические документы, указывалось время заселения села, национальный состав, год открытия прихода, причины перемещения сел, приходов, населения. В случае отсутствия документов, записывались народные предания.

Раздел «История храма» содержал даты первоначального строительства, имена храмоздателей, материалы здания, причины перестройки (ветхость, теснота, пожар) и переноса на другое место, имена епископов, освятивших храм, события или имена святых, в честь которых были освящены престолы. Особо отмечалось наличие храмозданных грамот или надписей на камнях, вставленных в стены, приписок на древних антиминсах о времени освящения церкви или в книгах церковной библиотеки; выписок из писцовых и межевых книг, церковных описаний или строительных книг.

В разделе «Причт» упоминались сведения о составе причта при открытии прихода и последующих изменениях с указанием причин увеличения или сокращения. В хронологическом порядке перечислялись все священники прихода, диаконы и псаломщики (на основании документов или сказаний), способы замещения мест причта (наследование, по выбору прихожан или назначению начальства). По возможности, отмечали их образовательный уровень и род деятельности в приходе, годы поступления в приход, выбытия или смерти. Составители очерков выделяли самых

усердных пастырей, а также указывали их дополнительные обязанности (благочинных, духовников, цензоров и др.). Уделялось внимание средствам содержания причта в прежнее время (руга, доход от треб и богослужения, положение от помещика и т. д.), описывался домашний и хозяйственный быт духовенства, отношения с крестьянами и помещиками.

Раздел «Население прихода» состоял из статистических данных о количестве населения в приходе с динамикой изменений в каждом десятилетии и указанием принадлежности прихожан к мужскому или женскому полу. Иногда указывались сведения о рождаемости и смертности. В обязательном порядке описывался вероисповедный и национальный состав населения (православные, язычники (мордва, мещера), мусульмане (татары), раскольники, сектанты). Если были язычники и мусульмане, то сообщались сведения о времени и причинах обращения в христианство. Сведения о раскольниках и сектантах представлялись по отдельной программе[1]. Этнографический состав населения анализировался по соотношению численности русских и инородцев, указывались причины переселения, масштаб и причины «обрусения» или его отсутствия.

В разделе «Достопримечательности прихода» предполагалось указывать особенности архитектуры, рисунки и надписи на зданиях и колоколах, надгробные памятники, мемориальные доски, чудотворные иконы, старинные сосуды, книги, документы и облачения, асовни, кладбища. Составителей интересовали народные предания о монастырях, церквах, часовнях, а также городищах, развалинах крепостей, курганах, местах исторических битв, кладах, подземных ходах и др.

В разделе «Современное состояние прихода» описывали действующий храм (степень ветхости, размер, оснащенность), указывали доходы и расходы храма, перечисляли храмовые праздники и крестные ходы, состав причта и средства его содержания, количество земли при церкви и способы обработки,

[1] О необходимости и способах изучения раскола и сектантства // ПЕВ. 1899. № 8. С. 285–306.

указывали приходские учреждения (братства, церковно-приходское попечительство, богадельни, церковно-приходские школы). Помимо этого, описывали численный, вероисповедный и национальный состав прихожан, хозяйственные занятия, уровень грамотности и материального благосостояния, даже «физический тип» населения (рост, физическая крепость, цвет волос, широта лица и т. д.).

Многие священнослужители Пензенской епархии откликнулись на призыв стать исследователями истории городов, сел и приходов. На страницах ПЕВ были опубликованы труды более 50 священников. Количество авторов рукописных трудов определить не представляется возможным, поскольку многие источники не сохранились.

В 1912 г. Совет Комитета обобщил итоги многолетней деятельности корреспондентов и составил список городов и сел Пензенской епархии, приходы которых были описаны в очерках в печатном или рукописном виде.

По Городищенскому уезду: г. Городище; села: Архангельское Куракино, Воскресенская Лопуховка, Юлово, Бояркино, Домосердки, Русский Качим, Барнуки-Никольское, Гремячевка, Ильмино, Кравково.

По Инсарскому уезду: г. Инсар; села: Арбузовка, Потижский Острог, Ямская Слобода, Бестужево, Болдово, Бутурлино, Палаевка, Украинцево, Сиалеевский Майдан, Огарево, Старое Пшенево, Воскресенская Саловка, Ново-Шишкеевская Слобода, Тепловка, Шувары, Новое Акшино, Болотниково, Конопать, Лемдяйский Майдан, Ново-Троицкое, Перхляи, Новая Федоровка.

По Керенскому уезду: г. Керенск; села: Котел, Большая Лука, Ртищево, Чиуш-Каменка, Шелдаис, Дубасово, Знаменское, Большой Буртас, Большая Ижмора, Коповка, Пятницкое.

По Краснослободскому уезду: г. Краснослободск; села: Гумны, Долговиряс, Синдорово, Усад, Большой Азяс, Булдыга, Михайловское, Оброчное, Мордовские Юнки, Селищи, Аксел, Брод Каменный, Ельники,

Кабаново, Ковыляй, Пурдошки, Пурдошки Новые, Слобода Ново-Ямская, Чукалы.

По Мокшанскому уезду: г. Мокшан; села: Михайловское, Липяги, Царевщина, Юлово, Кириловка, Кутля Старая, Ломовка, Пелетьма Казачья. Степановка.

По Наровчатскому уезду: г. Наровчат; села: Кавендра, Перевесье, Шадрино, Козловка, Абашево, Высокое, Красаевка, Краснополье, Лашма Малая, Орловка, Покровское, Чепурновка, Чердак, Буды, Дракино Старое, Кочетовка, Майдан Кириклейский, Майдан Шадымский, Шадым.

По Нижне-Ломовскому уезду: г. Н-Ломов, села: Козлятское, Нявка Новая, Потьма, Атмис, Головинщино, Куваки.

По Пензенскому уезду: г. Пенза; села: Дубасово, Рамзай, Арчада Покровская, Борисовка, Каменка.

По Саранскому уезду: г. Саранск; села: Блохино, Воеводское, Макаровка, Нечаевка, Семилей, Вьяс Большой, Гузынцы, Дешлевка, Ключ Белый, Кочкурово, ТавлаПодлесная, Умыс Дворянский, Анненково, Вырыпаево, Говорово, Константиновка, Ромоданово, Салма, Саморуково, Смольково.

По Чембарскому уезду: г. Чембар; села: Грязнуха, Поляны, Тархово, Высокое, Владыкино.

Мужские монастыри Пензенской епархии были описаны все, а из женских следующие: Пензенский Троицкий, Параскево-Вознесенский (Пайгармский), Знаменский в с. Ключищах (Инсарского уезда), Керенский Тихвинско-Богородицкий, Краснослободский Успенский, Мокшанский Казанский, Н-Ломовский Успенский, Тихвинский в дер.Куриловке (Саранского уезда) и Ново-Серафимовская Пустынь[1].

Хотя были составлены очерки истории более 100 сел и приходов, но, к сожалению, подготовить фундаментальный труд по церковно-историческому

[1] Список городов и сел Пензенской епархии, приходы которых уже имеют свои описания (в печатном или рукописном виде) // ПЕВ. 1912. № 9. С. 377.

описанию всех уездов и самой епархии, состоящий, как планировалось изначально, из 11 томов не удалось. Вместе с тем редакция ПЕВ все-таки опубликовала один том историко-статистического описания Пензенской епархии[1], который существенно дополнил предыдущие издания[2]. В исправленном и дополненном виде в книгу вошли краткий исторический очерк Пензенской губернии и епархии, географический этнографический очерк Пензенской губернии, статистические сведения по губернии и епархии, информация о епархиальном управлении, учреждениях духовного ведомства, духовных учебных заведениях, церквах, причтах и приходах, а также о монастырях. Кроме того, уже в 1922 г. А. Л. Хвощев опубликовал первый обобщающий труд по пензенскому краеведению «Очерки по истории Пензенского края»[3] на основе многочисленныхисторических статейизПЕВ.

Итак, результаты деятельности Комитета не совпали с ожиданиями его организаторов. Члены Совета Комитета констатировали, что не смогли приступить к публикации собрания томов, поскольку прекратилось поступление от настоятелей церквей текстов и находок старины для древлехранилища[4].

В 1902 г. инициаторы открытия Комитета предполагали, что могут возникнуть затруднения в средствах, и надеялись на появление «частных благотворителей из любителей старины родного края». Другим препятствием, по их мнению, было отсутствие епархиальной типографии[5]. Тогда еще невозможно было предвидеть, что деятельность православного духовенства по сохранению исторической памяти будет прервана стремительным нарастанием революционных процессов, вступлением

[1] Пензенская епархия. Историко-статистическое описание. Пенза, 1907.
[2] В 1896 г. в качестве приложение к Пензенским епархиальным ведомостям, была издана книга «Церкви, причты и приходы Пензенской епархии», в 1897 г. «Памятная книжка Пензенской епархии».
[3] Хвощев А. Очерки по истории Пензенского края. Пенза, 1922.
[4] От Совета Пензенского церковного историко-археологического и Статистического комитета // ПЕВ. 1912. № 1. С. 22.
[5] Открытие церковного историко-археологического и статистического комитета с церковным древлехранилищем при Пензенской духовной семинарии // ПЕВ. 1902. № 5. С. 214.

страны в Первую мировую войну и крушением монархии, последствием которого станут гонения на Русскую Церковь.

Однако Историко-археологический и статистический комитет, действовавший при Пензенской духовной семинарии с 14 (27) февраля 1902 г. до 1918 г., сыграл значительную роль в формировании общественного интереса к местной истории и провинциальной повседневности, а также в развитии Пензенской епархиальной периодической печати, объединив усилия наиболее активных авторов ПЕВ в исследовательской и публикационной деятельности.

Православное духовенство было вовлечено в экспедиционные изыскания провинциальной «живой истории», не зафиксированной в исторических документах, а передающейся от поколения к поколению по устной традиции. Описание современного состояния приходов осуществлялось, говоря современным языком, посредством «включенного наблюдения» со стороны самих священников.

Деятельность Комитета существенно дополняла результаты исследований Губернского статистического комитета и Пензенской губернской ученой архивной комиссии. Очерки по истории сел и приходов, составленные членами Комитета, являлись сигналом для глубокого реформирования российского общества.

Труды Пензенского церковного историко-археологического и статистического комитета не утратили своего научно-источниковедческого значения даже более века спустя после их написания. Большая часть трудов Комитета опубликована на страницах ПЕВ. Поэтому наши современники имеют возможность увидеть глазами православных священников подробную картину повседневности российской провинции на рубеже XIX–XXвв.

Учитывая огромный объем опубликованных в журнале сведений, Редакция ПЕВ предпринимала попытки систематизировать информацию и повысить доступность поиска для читателей. Немногие дореволюционные журналы имели подробные общие указатели. В 1900 г. вышел указатель

статей ПЕВ, опубликованных за 25 лет существования журнала: период 1866-1890 гг.[1]

В дополнение к имеющемуся указателю в ходе данного диссертационного исследования была составлена и зарегистрирована Электронная база данных «Именной указатель к журналу «Пензенские епархиальные ведомости» (1866–1917 гг.)»[2].

Данная база содержит 29349 записей имен лиц, упомянутых на страницах журнала за 1866–1917 гг. в официальной и неофициальной частях журнала, а также в приложениях, а именно: протоиереев, священников, диаконов, псаломщиков, иеромонахов, архимандритов, игуменов, преподавателей семинарии и др. В «Именном указателе» имеется библиографическое описание (страница, номер, год издания журнала) всех сведений о рукоположениях, перемещениях по службе, наградах, благотворительной, педагогической, пастырской деятельности и дате кончины того или иного лица, сведения о награждениях и производстве в чины, списки служащих по духовному ведомству, благотворителей, получивших признание или благословение.

Указатель может быть использован при изучении истории государства, Русской Православной Церкви, храмов и монастырей, духовного сословия, составлении родословных и т. д. В настоящее время база данных широко востребована историками, краеведами, аспирантами, студентами. Посещаемость сайта «Церковно-исторический комитет Пензенской

[1] «Пензенские епархиальные ведомости»: первое двадцатипятилетие, 1866-1890 гг.: вып.1. Систематический указ. Саранск, 1900.

[2] Именной указатель к журналу «Пензенские епархиальные ведомости». 1866–1917 гг. (А – Я) / С. В. Домнин, И. И. Маслова, О. А. Сухова, Р. М. Кирякин // Свидетельство о регистрации базы данных RU 2023621086, 04.04.2023. Заявка № 2023620706 от 16.03.2023. Пенза, Пензенская Епархия Русской Православной Церкви, 2023. Церковно-исторический комитет Пензенской Епархии: [сайт]. URL: http://historypenza.ru/imennoj-ukazatel/(дата обращения: 10.01.2025).

епархии», где база данных размещена, составляет от 500 до 1000 просмотров ежедневно[1].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что ПЕВ являются ценным историческим источником для изучения повседневности провинции в 1866-1917 гг., поскольку становление и развитие журнала происходило на фоне процесса модернизации российского общества, сопровождаемого реформами и контрреформами, войнами и революциями, а также чрезвычайными ситуациями, связанными с голодом, эпидемиями, резонансными политическими событиями.

Редакционная политика определялась не только личностными установками конкретных редакторов, но и происходившими переменами в повседневной жизни провинциального общества. Политика всех редакторов журнала имела общие черты: 1) нацеленность на широкий круг читателей; 2) вовлечение в авторский коллектив корреспондентов от местного духовенства; 3) включение в содержание журнала историко-краеведческих, просветительских, актуальных материалов, интересных для представителей разных сословий; 4) организация диалога редакции с читателями; 5) сохранение неизменной подписной цены для повышения доступности издания для читателей.

На первом этапе своего развития (1866–1904 гг.) журнал был ориентирован на читательские запросы духовенства и потребности паствы Русской Церкви. Крестьянство приобщалось к содержанию журнала опосредованно через проповедническую деятельность духовенства. В условиях отмены крепостного права и других реформ круг читателей расширился в результате преодоления сословной замкнутости.

Авторский коллектив ПЕВ представлял собой интеллектуальную элиту провинции, где образование можно было получить преимущественно в духовных учебных заведениях.

---

[1] Церковно-исторический комитет Пензенской Епархии: [сайт]. URL: http://historypenza.ru/imennoj-ukazatel/(дата обращения: 10.09.2025).

Читательская аудитория журнала состояла в основном из представителей духовенства, реже – других сословий.

На втором этапе своего развития (1905–1917 гг.) журнал превратился в трибуну для полемики духовенства, вовлеченного в политические события. Редакция приветствовала критику издания без «полемичного задора» и сведения личных счетов. При этом редакция систематически предпринимала попытки увеличить объем издания и ежегодное число публикуемых номеров без повышения цены.

По сравнению с изданиями других епархий современники отмечали качество публикуемых материалов и постоянный рост читательского интереса. Во многих губерниях «Епархиальные ведомости» изменили редакционную политику истали общественно-политическими изданиями, но ПЕВ сохранили свой формат, хотя возросло количество общественно-политических публикаций.

Проблематика публикаций за период 1866-1917 гг. была разнообразной: быт, рацион питания и способы лечения, будни и праздники, труд и досуг духовенства и крестьянства, а также в условиях экстремальности (войны, стихийные бедствия, голод, эпидемии, революции, настроения духовенства и крестьянства).

С помощью авторской методики контент-анализа выяснилось, что наиболее употребимыми словами в сквозном оглавлении журнала являются: «поучение», «слово» (в значении «выступление»), «речь», «беседы», «проповедь».

Особого внимания исследователей заслуживает деятельность Историко-археологического и статистического комитета при Пензенской духовной семинарии, прежде всего, в сфере подготовки историко-статистических очерков о селах Пензенской губернии, запечатлевших повседневную жизнь крестьянства и духовенства российской провинции.

ГЛАВА 2. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯНСТВА И ДУХОВЕНСТВА НА СТРАНИЦАХ «ПЕНЗЕНСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»

2.1. Уклад повседневной жизни

В данном исследовании поставлена задача определить информативность ПЕВ как источникадля изучения обыденной повседневности провинции (быта, труда, досуга, семейного уклада) на основе образа жизни представителей духовенства и крестьянства на материалах ПЕВ.

До середины XIX в. уклады повседневной жизни (быт) духовенства и крестьянства имели много общего. «В обыденной домашней жизни прежние священнослужители мало чем и отличались от простолюдинов: та же одежда, та же пища и те же занятия...», – писал священник Н. Докучаев из села Вырыпаево Саранского уезда Пензенской губернии[1].

Во второй половинеXIXв. причт, когда причт стал владеть церковными землями, в некоторых местах священнослужители нанимали на работу за небольшую плату крестьян[2], или сдавали земли в краткосрочную аренду. Как правило, размер арендной платы за десятину составлял от 10-12 руб. в год[3]. Однако проблему массовой бедности сельскому духовенству таким образом преодолеть не удалось.

Служение большинства представителей духовенства в провинции осуществлялосьвдали от богатых приходов. Священники, как правило, были не богаче своих прихожан. Исполняя свои специальные обязанности, все члены причта были такими же землепашцами, как и их прихожане. Так,

---

[1] Докучаев Н., священник. Село Вырыпаево Саранского уезда Пензенской губернии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1910. № 22. С. 938.

[2] Покровский Ф., священник. Историко-статистическое и описание села Воеводского Саранского уезда // ПЕВ. 1904. № 4. С. 136.

[3] Никольский А., священник. Село Сиалеевский Майдан Инсарского уезда (Историко-статистическое описание) // ПЕВ. 1902. № 19. С. 791.

описывая повседневную жизнь в российской деревне, священник Кл. Столыпин из села Блохино Саранского уезда Пензенской губернии,отмечал: «Жили они все, не исключая и священников, в обыкновенных курных избах; выезжали наравне с прихожанами на полевые работы – пашню и жнитво; наравне с ними возили и молотили хлеб; во время сенокоса их можно было встретить в любой артели косарей»[1].

В большинстве приходов Пензенской епархии священнослужители не получали руги[2] – выплаты из государственной казны или из средств крупного землевладельца. Жалованье причту стало выплачиваться только в ходе церковной реформы Александра II. Главным источником доходов причта служила добровольная плата прихожан за требы[3]. Однако прихожане из-за своей бедности очень скудно оплачивали труды духовенства и часто просили совершать требы в долг, а затем этот долг возвращали немногие[4].

В с. Котел Керенского уезда Пензенской епархии, по свидетельствам священника Евгения Державина, у большинства представителей духовенства бытовало мнение, что приходы с населением из казенных крестьян и приходы с населением бывшим крепостным имели различия: «Такового взгляда на вещи оспаривать не станем, правда, что в те суровые годы крепостничества, общей забитости и безгласия несколько свободнее дышалось духовенству морально в приходах с казенными крестьянами, но в материальном отношении гораздо хуже, чем в барских селах»[5].

---

[1] Столыпин Кл., священник. Село Блохино Саранского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1907. № 21. С. 1027.

[2] Руга (от греч. «жалование») – выплаты духовенству, «ружникам», выдаваемые обычно из государственной казны или из собственных средств крупного землевладельца. Руга первоначально означала отсыпной хлеб, выдававшийся духовенству вместо жалованья. В отличие от десятины, размер руги назначался произвольно.

[3] Голубинский И., священник. Село Усад Краснослободского уезда (Церковно-историко-статистический очерк) // ПЕВ. 1902. №3. С.123.

[4] Державин Евгений, священник. Село Знаменское (Большой Буртас) Керенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1909. №7. С. 277.

[5] Лебедев Петр, священник. Село Кравково Городищенского уезда // ПЕВ. 1902. № 14. С. 613.

Духовенство отдавало предпочтение служению в селах на казенных землях. Видимо, из-за возможных осложнений в отношениях с помещиками. По оценкам самих священников, положение духовенства в селах с крепостными крестьянами «было печальное». Жизнь в чужом барском доме, господское отопление, незначительные доходы, плохая земля ставили причт в зависимость не только от помещика, но и от бурмистра, конторщиков и «остальной челяди»[1]. Так, Державин ссылался на воспоминания старожилов с. Знаменское (Большой Буртас) Керенского уезда: «Конторою отводились причту пахотная земля, покос, где-нибудь в овраге – местечко под пасеку, скотина по летам ходила на барских полях, удавалось как -нибудь выпросить леску на постройку, а там, глядишь, и зимой добрый бурмистр расщедрится – и даст возок – другой ржаной соломки на топку и, пожалуй, овсяной на корм. Все это для людей семейных, бедных, не обеспеченных ни порядочным кружечным доходом, ни жалованием от казны, составляло большой расчет»[2].

Зависимость от помещиков духовенство ощущало даже при замещении причтовых мест, которые, за редкими исключениями, переходили по наследству: отец уступал сыну, тесть зятю за своей дочерью и т. п. Однако замещения происходили не без ведома и соизволения местных помещиков: «Последние, как храмоздатели и пожизненные ктиторы, смотрели на приходский храм, как на собственность и к причту поэтому относились, как к своим служащим. Полюбился помещику священник или причетник, последний становился своим человеком и наравне с любимцем бурмистром пользовался барскою благосклонностью»[3].

Отношения духовенства с помещиками складывались по-разному. Например, в с. Абашево Наровчатского уезда Пензенской епархии, по воспоминаниям старожилов, помещики мало интересовались жизнью

---

[1] Аравийский Н., студент. Село Воскресенская Лопуховка Городищенского уезда (Историко-статистическое описание прихода) // ПЕВ. 1907. № 16. С. 752–753.

[2] Державин Евгений, священник. Село Знаменское (Большой Буртас) Керенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1909. № 7. С. 277.

[3] Росницкий А., священник. Село Никольское-Борнуки Городищенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1904. № 15. С. 591.

священно-церковнослужителей, с которыми им приходилось встречаться очень редко, только во время совершения каких-либо треб и служения праздничных молебнов. Ни ссор, ни споров между ними не было[1].

Но были и примеры возникновения конфликтов. В частности, в с. Никольское-Борнуки Городищенского уезда Пензенской епархии дьякон Успенский переведен в другой приход из-за того, что грубо ответил на базаре барину, когда тот делал ему какое-то внушение. А священнику Ягодинупришлось оставить приход, потому что он лишился расположения помещика – «из-за попадьиного чепца». Молодая матушка вместо скромной косыночки нарядилась точно в такой же чепчик, какой был у барыни, и, несмотря на замечания последней, продолжала щеголять в нем[2].

А. Росницкий, священник из села Никольское-Борнуки Городищенского уезда, где произошли эти события, писал: «Если по отношению к помещику причт держался на далеком почтительном расстоянии, зато с крестьянами жил на равную ногу: вместе гуляли, вместе и горевали. Кичиться ему пред мужиками было нечем. Та же соха-борона, точно такая же бедность и общая крепостная забитость тесно сближали его с мужиком»[3].

До назначения казенного жалования духовенство главные средства для собственного содержания могло получить только с церковной земли[4]. Поэтомувсе члены причта обрабатывали землю личным трудом, сами пахали, жали, косили, исполняли всю крестьянскую работу[5].

---

[1] Куликов Евфим. Село Абашево Наровчатского уезда, Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 10. С. 414.
[2] Росницкий А., священник. Село Никольское-Борнуки Городищенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1904. №15. С. 591.
[3] Там же. С. 593.
[4] Голубинский И., священник. Село Усад Краснослободского уезда (Церковно-историко-статистический очерк) // ПЕВ. 1902. № 3. С. 123.
[5] Аравийский Н., студент. Село Воскресенская Лопуховка Городищенского уезда (Историко-статистическое описание прихода) // ПЕВ. 1907. № 16. С. 752–753.

Духовенство могло осуществлять церковное служение лишь при условии личного физического труда[1]. Все члены причта, не исключая священника, занимались обработкой земли только собственноручно. В рабочие дни прихожане, в случае необходимости церковных треб, отправлялись прямо в поле или луга и там находили нужных им членов причта.

Довольствуясь малым содержанием, духовенство проявляло скромные запросы в своем домашнем быту, малоотличаясь от крестьян. Питались очень скудно, пили чай изредка, как лакомство. Причетники иногда жили даже хуже крестьян[2].

Дом сельского священника, как правило, состоял из деревянной трехоконной горницы, холодных сеней и «черной избы» с полатями. Мебель в горнице была самая простая. В переднем углу, под образами, размещался стол, покрытый белой холщевой скатертью, которая была соткана и вышита самой матушкой. Вдоль стен располагались скамьи и крашеные сундуки. На чисто вымытом полу расстилали половики. За перегородкой устанавливали кровать. Черная изба священника ничем не отличалась от крестьянской[3]. Дом у священника, как правило, был церковный, а у диакона и псаломщика – собственные[4].

Духовенство общалось с крестьянами на равных: «Некоторые из причетников не гнушались и родниться с мужичками; отдавали в замужество за крестьян своих дочерей или неученых детей приписывали к крестьянскому сословию… Как жили просто, так и держали себя просто с прихожанами, принимая участие в их семейных радостях и несчастиях, – писал священник Н. Докучаев из села Вырыпаево Саранского уезда. – Поэтому, как свадьба

[1] Державин Евгений, священник. Село Котел Керенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1912. № 5. С. 173–174.
[2] Гроздов А., священник. Село Селищи Краснослободского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 17. С. 714.
[3] Покровский Ф., священник. Историко-статистическое и описание села Воеводского Саранского уезда // ПЕВ. 1904. № 4. С. 137.
[4] Никольский А., священник. Село Сиалеевский Майдан Инсарского уезда. (Историко-статистическое описание) // ПЕВ. 1902. № 19. С. 791.

или крестины не обходились без батюшки и матушки, так точно их можно было видеть и на помине. «Кумиться» и родниться с духовенством в прежнее время считалась не редкостью»[1].

Большая часть одежды духовенства изготавливалась в домашних условиях. В будни священник носил тканую рубашку, лапти и «полкафтанье» с цветным поясом, а по праздникам надевал сапоги и рясу из покупной материи[2]. Сапоги имели только священники и некоторые из диаконов, но надевали их, когда шли совершать Богослужение, в другое время и священники ходили в лаптях[3].

В с. Блохино Саранского уезда сохранилось много рассказов о священнике Адриане Иосифове, которого называли «иерей-лапотник». Он имел сапоги, но хранил их в церкви и надевал по великим праздникам к литургии – на Пасху, Рождество и др. Утреню же совершал в лаптях, которые любил плести сам. Священник Кл. Столыпин записал воспоминания старожилов: «Большой искусник он был он в этом отношении. Наплетет, бывало, целый ворох лаптей – больших и маленьких – и дарит их своим многочисленным кумовьям и крестникам. Нередко его можно было встретить бредущим в какую-нибудь деревню и непременно во всеоружии: в кафтане, натуго перетянутом кушаком; с одного боку, за кушаком, замкнут «кочедык», с другого-пучок лык; за спиной-лапти, из экономии снятые во время пути; за пазухой-требник, а иногда и крестильный ящик. Придет в деревнюи живет там три-четыре дня: ходит под окнами и спрашивает: «нет ли каких треб?» Где случится, – окрестит младенца, или даст молитву родильнице, освятит новый колодец; не досмотрит баба, – попадет какая

[1] Докучаев Н., священник. Село Вырыпаево Саранского уезда Пензенской губернии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1910. № 22. С. 938.
[2] Аравийский Н., студент. Село Воскресенская-Лопуховка Городищенского уезда (Историко-статистическое описание прихода) // ПЕВ. 1907. № 16. С. 752-753.
[3] Гроздов А., священник. Село Селищи Краснослободского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 17. С. 714.

нечисть в кадку с капустой, – он лезет сам в погреб и освящает осквернённую снедь»[1].

Недостаток средств вынуждал многих членов причта заниматься промыслами, например, открывать при своих домах постоялые дворы (как в с. Аксел Краснослободского уезда, известным своими богатыми базарами). Некоторые занимались извозом семинаристов, которых после каникул везли в Пензуза небольшую плату, чтобы не возвращаться с пустой подводой, загружали зимой соль, а летом – арбузы, яблоки или лук из Бессоновки. Подобные «побочные занятия» увеличивали скудный бюджет духовенства на содержание семьи. Были зафиксированы случаи, когда священники открывали промысловые заведения (просяные или крупяные «дранки», маслобойки и т. д.). Некоторые члены причта, по свидетельству И. Голубинского, «барышничали», т.е. перекупали улов рыбы у рыболовов и сами распродавали рыбу, получая за свои хлопоты «гроши прибыли»[2].

Как отмечали церковные авторы, качество жизни священников изменилось во второй половине XIX в.: духовенство стало жить с б*о*льшими, чем прежде, бытовыми удобствами. Священники и псаломщики в лаптях уже не ходили, а если некоторые дьячки и пономари обувались в лапти, то только для того, чтобы пахать, косить, жать и т. д. В частности, Ф. Покровский отмечал: «Домашняя жизнь священников стала отличаться лучшей обстановкой. От них не пахло уже дегтем и у помещиков они принимаются не в приемной или буфетной, как прежде, а уже в их личных покоях, как желанные гости и собеседники. И помещики с того времени не чуждались бывать в гостях у священников»[3].

На протяжении многих лет авторы-священники неизменно воспринимали свое положение как бедственное не только из-за отсутствия

---

[1] Столыпин Кл., священник. Село Блохино Саранского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1907. № 21. С. 1027.

[2] Голубинский И., священник. Село Усад Краснослободского уезда (Церковно-историко-статистический очерк) // ПЕВ. 1902. № 3. С. 123.

[3] Покровский Ф., священник. Историко-статистическое и описание села Воеводского Саранского уезда // ПЕВ.1904. № 4. С. 137.

необходимых средств для существования, но и по причине подавленного эмоционального состояния: «Безотрадная картина представляется глазам непредубежденного наблюдателя при встрече с житьем-бытьем сельского священника: с одной стороны – крайняя нужда, с другой – нравственное унижение. Священнику нужно брать деньги для прокормления себя с семьей и других членов причта, причем брать за требы много, значит устанавливать неприязненные отношения с прихожанами, сводить к формальности и убивать в корне всякое религиозно-нравственное и воспитательное значение священнослужительства»[1].

Не только пастырю, но и пастве приходилось противостоять неблагоприятным историческим обстоятельствам своего бытия и существовать в условиях массовой бедности. Так, священник А. Муромский, сочувствуя крестьянству, писал: «Незатейлива жизнь крестьянина; очень часто ему приходится встречаться и с горькою нуждою, и с внезапным горем, и с тяжелым трудом. Забота – его постоянный друг; тяжелый труд – его кормилец. Видоизменить свою жизнь к лучшему – заветная мысль крестьянина»[2].

Внешний облик крестьян, с точки зрения представителей духовенства,в разных селах Пензенской губернии был неприметным. Например, священник А. Гроздов из с. Селищи Краснослободского уезда так описал своих прихожан: «Мужичок в большинстве среднего роста, довольно крепкого телосложения с русой головой, подстриженной под скобу, с небольшой бородой. Лицо, нос и глаза средней величины. В общем нельзя назвать и красивым, нельзя сказать, чтобы и был безобразен. Женский пол и ростом меньше и телосложением гораздо слабее».

Все одевались в обыкновенный русский костюм. Мужчины носили рубахи и порты домашнего изготовления, в рабочие дни – лапти, в праздники – сапоги, зимой – овчинные полушубки, тулупы и бараньи шапки, летом –

[1] Больные вопросы // ПЕВ.1916. №6. С. 217–218.
[2] Муромский А., священник. Причины нетрезвости простого народа в Пензенской губернии // ПЕВ. 1893. № 8. С. 313.

суконные кафтаны, поддевки, картузы. Женщины носили сарафаны с рукавами и фартуками, на ногах – башмаки, лапти, головы повязывали разноцветными платками из ситца, шерсти или шелка. Замужние женщины завязывали платки концами назад под затылком, делая из платка подобие наколки-шапочки. Девушки завязывали платки спереди под подбородком. В косы женщины вплетали много лент, что считалось большим «франтовством»[1].

Авторсвященник Боголюбов из с. Синдорово Краснослободского уезда сравнивал одежду мордвы и русских сельских жителей, которая повсеместно, как правило, была домашнего изготовления. Одежда мордвина состояла из рубашки, порток из белого сурового холста, овчинного полушубка, сотканного из шерсти зипуна, онуч и шапки. Белье из домашнего белого холста употреблялось как нижнее («исподнее»). Мордовка-женщина хранила приверженность национальному костюму. Перечисленные выше одежды женщины использовали наравне с мужчинами. Сугубо женским одеянием были белая, длинная, узкая рубашка и из того же холста кальсоны. Запас рубашки выдергивался над поясом и ниспадал чрез пояс далеко ниже корпуса. На шее в несколько рядов носили разные ожерелья: ожерелье из «ужевок» (самых мелких морских раковин), ожерелье из колокольчиков с погремушками, ожерелье из медных блях разной величины. Ожерелье модниц («франтих») составлялось из серебряных монет, начиная с гривенника и завершая более крупными монетами, которые использовались очень редко. Для повязки головы молодыми мордовками употреблялся красный шерстяной платок, а пожилыми – повязка из белого холста. Эти повязки наматывались вокруг головы своеобразным способом. В гардероб женщины входили летние и зимние сапоги, что не всякий мужчина имел. Родители невесты получали от жениха около 100 рублей, что покрывало

[1] Гроздов А., священник. Село Селищи Краснослободского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 18. С. 745.

стоимость до 10 ведер водки, а также женских нарядов(полушубка, тулупа, летнего чапана, сапог зимних и летних).

Русские мужчины, как и мордва, носили такую же верхнюю одежду (полушубок и чапан домашнего изготовления).Молодежьпредпочитала одежду из ситца, казинета[1] и других покупных материалов. Пожилые женщины донашивали сарафаны, которые могли заменить на юбку с кофтой, а лапти – на башмаки с полусапожками.

Боголюбов предполагал, что мордва в будущем утратит свой национальный костюм из-за смешанных браков, в которых русские женывоспитывают детей в «духе родной национальности»[2]. А священник села Знаменское (Большой Буртас) Державин уже стал очевидцем перемен в национальной одежде. В 1909 г. он писал, что мордва в этом селе«обрусела» и перестала использовать национальные костюмы. Мужчины перестали носить белые льняные рубахи с красной оторочкой вокруг ворота и красными ластовицами, белые штаны, «кафтаны» (зипуны из тонкой черной шерсти с плисовыми оторочками ворота, верхней полы и карманов). Замужние женщины отказались использовать «поньки» (самотканые шерстяные, очень плотные, темно-синего цвета юбки с разрезом спереди), опоясываемые сверх белых рубах «запоны» (холстовые фартуки, очень длинные, с рукавами, «полуспиной» и разрезом сзади), «рога», или «кичку» (головное украшение из дерева, обмотанное материей, похожее на рога молодых коров), «башмаки» (обувь праздничную в форме грубого мужского сапога с короткими широкими голенищами и кожаными оторочками спереди), «повивы» (черные шерстяные очень тонкие онучи с красной оторочкой), «бусы», или «жерелку» (шейное украшение из крупных стеклянных шариков зеленого или синего цвета), «ошейник» (украшение из мелкого бисера), «пушки» (подвески к серьгам из гусиного пуха). Взрослые

[1] Казинет – плотная и упругая однотонная хлопчатобумажная или полушерстяная ткань саржевого переплетения для пошива верхней одежды.

[2] Боголюбов Павел, священник. Село Синдорово Краснослободского уезда: Историко-статистическое описание //ПЕВ.1908. № 18. С. 745.

девушки уже не использовали «чупруны» (шерстяную легкую одежду белого цвета, похожую на бешмет, но с длинными узкими рукавами, которую носили сверху белых рубах) и «росшив» (вышивку на груди рубахи). Верхний ряд вышивки («росшива») назывался «воротом», а нижние ряды– «узорами».

Одежда жителей с. Знаменское (Большой Буртас) в начале XX в.имела сходство с одеждой городских мещан. Мужчину, даже пожилого, редко можно было увидеть в лаптях. Даже пахотой занимались в сапогах. По праздникам молодежь щеголяла в лакированных сапогах и резиновых галошах, которые не снимали даже при жаркой сухой погоде, в бобриковых пиджаках, суконных брюках, в шерстяной или шелковой яркого цвета косоворотке, в бумажных воротничках. Широкий ремень или шелковый «снур» (шнур) с большими кистями тоже стали привычным элементом одежды. Священник заметил особую тягу к современной одежде у женщин: «Про женщин и говорить нечего: весь громадный заработок их в экономии уходит на наряды, совсем нередкость видеть буртасскую девушку в шерстяном или шелковом платье. Пришлый элемент служащих в экономии из разночинцев породил зависть в крестьянах к современной одежде, а хороший заработок дал возможность иметь таковую»[1].

В с. Котел Керенского уезда в первое десятилетие XX в., по свидетельству священника Державина, как мужчины, так и женщины, переходят на городскую одежду: пиджаки, кофты, юбки и галоши, что становится признаком любого деревенского щеголя[2].

Татары носили «чекмень» (длинное полукафтанье) и «бешмет» в виде русской «поддевки», на голове – «бюрк» (шапка меховая) и «кепеч», прикрывающий затылок, на ногах – «читик» (сапоги из тонкой кожи без

[1] Державин Евгений, священник. Село Знаменское (Большой Буртас) Керенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1909. № 10. С. 398–399.
[2] Державин Евгений, священник. Село Котел Керенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1912. № 7. С. 266.

каблуков). Во время моления надевали чалму, или белую полотняную головную повязку[1].

Бытовая жизнь крестьянства глазами духовенства выглядела как «очень неудобная и неряшливая». В частности, по словам священника Н. Соколова: «Избы их [крестьян] очень малы, тесны, между тем в каждой такой небольшой, убогой хате принуждены жить два или несколько крестьянских семейств, состоящих нередко из десяти и более человек. Такая скученность членов семьи в большинстве случаев ведет к тому, что пороки, свойственные одному или двум членам семьи, с поразительною быстротой усвояются и остальными членами семьи»[2]. Священник Ф. Покровский свидетельствовал: «Домашняя обстановка и хозяйство Воеводских крестьян не отличаются благоустройством и довольством. Избы у них большею частью маленькие двухоконные с плетневыми дворами и клетями или даже совсем без надворных построек. У редкого домохозяина найдутся на дворе две-три лошади, две коровы и десяток овец. Большинство же имеет лошадь, корову и несколько овец, а у многих и, особенно безземельных, нет никакой скотины»[3].

Крестьяне из с. Знаменское (Большой Буртас) жили похожим образом: «…буртасы – люди очень бедные, постройки из рук вон плохие, сплошь и рядом домохозяин имеет одну лишь келию. Живут грязно и антигигиенично, вместе с ягнятами, поросятами и телятами. За последнее время стали строить и «двойные избы» (разделенные капитальной стеной), но тогда первая половина избы – «прихожая» – представляет из себя, в полном смысле слова, хлев. Избы целыми неделями не метутся, полы, за редким исключением некоторых хозяек, никогда не моются, стены не обмахиваются. Бань не имели. Пища, кроме великих праздников, масленицы и дней заговения, была

[1] Любимов Н., протоиерей. Татары Керенского уезда // ПЕВ. 1892. №15. С.609.
[2] Соколов Н., священник. Очерки религиозно-нравственной жизни простого народа // ПЕВ. 1892. № 13. С. 513.
[3] Покровский Ф., священник. Историко-статистическое и описание села Воеводского Саранского уезда // ПЕВ. 1904. № 7/8. С. 241.

скудной. Русская пословица «на живот шелк, а в животе щёлк», на буртасских крестьянах вполне оправдывается. Готовить пищу не умеют, по большей части и в скоромные, и в постные дни варят «жидкарь» – среднее между щами и кашей. Впрочем, все женщины и многие мужчины весьма хорошо пекут ржаной хлеб, в особенности же «пышки» или «булки», небольшие хлебцы из ржаного теста, когда с кашной начинкой. Почти половина села безлошадных, есть такие, у которых курицы в дому нет»[1].

В с. Котел крестьянский быт был более благоустроенным: «Живут более или менее опрятно и чисто: изб курных давным-давно нет и в помине, почти все, имеют бани. По роду занятий безусловно все земледельцы, много плотников («топорпых мастеров»), есть санники, тележники и колесники»[2].

Характер построек и жилищ у татар-магометан не отличался от домов православного населения. Постройки были деревянные, сени – плетневые, у более зажиточных – из кровельного теса. Отопление домов осуществлялось по-белому и по-черному[3]. Около 95 % татар занимались земледелием, а 5 % - торговлей и отхожими промыслами[4]. Наиболее распространены были разносная торговля и трактирный промысел. Однако торговлей спиртными напитками татары не занимались[5]. Зажиточность татарского населения губернии была выше, чем у русских: «Легко встретить русского, работающего на татарина, но довольно трудно встретить татарина в работниках у русского»[6].

Рацион питания отражал низкое качество жизни сельского населения. По свидетельству Н. Аравийского, студента, посетившего с. Воскресенская Лопуховка Городищенского уезда в 1907 г., перечень привычных продуктов

---

[1] Державин Евгений, священник. Село Знаменское (Большой Буртас) Керенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ.1909. № 10. С.401.
[2] Державин Евгений, священник. Село Котел Керенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1912. № 7. С. 267.
[3]Любимов Н., протоиерей. Татары Керенского уезда // ПЕВ. 1892. №15. С. 609.
[4] А. Х. Татары-магометане Пензенской губернии. Краткий исторический очерк // ПЕВ. 1910. №16. С. 602.
[5] Там же. С. 602.
[6] Там же. С. 602.

на столах в крестьянских домах был очень ограничен. Обычный рацион питания крестьян составлял вареный картофель, из которого готовили похлебку без масла, забеленную молоком, а также капустные щи. Редко варили молочную лапшу и пшенную кашу. К Рождеству и Пасхе покупали мясо, из расчета употребления на 2–3 дня. На Масленицу пекли пшенные блины и готовили дешевую рыбу. Менее зажиточные крестьяне круглогодично употребляли только картофель и хлеб с водой[1]. Неудивительно, что в сельской местности нередкими были рецидивы голода.

Производственнаяповседневность крестьянского мира основывалась на таких сферах трудовой деятельности, как земледелие, скотоводство, ремесла и отхожие промыслы.

По свидетельствам многочисленных авторов, главным занятием крестьян-прихожан в Пензенской губернии было земледелие. Повсеместно отмечались не только нехватка земель для крестьянских хозяйств, но и низкое их качество. Например, в с. Гремячевка Городищенского уезда, со слов священника Николая Черкасова, крестьяне вынуждены были арендовать земли в Уделе и у соседних владельцев. В противном случае, крестьянам урожая с собственного надела не хватало бы хлеба даже на посев[2]. В с. Борисовка Пензенского уезда все крестьяне, даже имевшие большие наделы, из-за низкой урожайности арендовали «из-полу» с налогами и за большие деньги владельческие земли[3]. В с. Дубасово Пензенского уезда крестьяне кроме своей надельной земли также арендовали землю у местных землевладельцев, несмотря на то обстоятельство, что в этом селе земля была плодородной[4].

---

[1] Аравийский Н., студент. Село Воскресенская Лопуховка Городищенского уезда (Историко-статистическое описание прихода) // ПЕВ. 1907. № 18. С. 873.

[2] Гроздов А., священник. Село Селищи Краснослободского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 18. С. 741.

[3] Державин А., священник. Село Борисовка Пензенского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 24. С. 979.

[4] Глебов Евгений, священник. Село Дубасово Пензенского уезда (Историко-статистическое описание) // ПЕВ. 1903. № 9. С. 361.

Скотоводство в развитии отставало от земледелия, по причине отсутствия хороших пастбищ. Каждый домохозяин разводил столько скота, сколько позволял урожай. В урожайные годы число скота прибавлялось, а в неурожайные годы скот сбывался на базаре. Породистого скота у крестьян не было.

Огородничеством занимались только для своих нужд. Садов, как правило, не было[1]. В редких селах садоводству уделялось внимание. Например, в с. Вырыпаево Саранского уезда, по свидетельству священника Н. Докучаева, огородничеством занимались только для своего домашнего обихода. Но садами занимались «с любовью». Садоводство поддерживало хозяйственный бюджет. Поэтому садики и даже сады имелись почти при каждой усадьбе. Среди насаждений были яблони, иногда вишня, крыжовник и смородина. Однако ягодные растения не имели широкого распространения, т. к. крестьяне не имели представлений об уходе за ними. Весь уход заключался только в поливе во время засухи[2].

Крестьяне не имели научных знаний о сельском хозяйстве. Священник А. Покровский заметил: «Каких-либо рациональных знаний, почерпнутых из книг или газет, о земледелии, огородничестве, пчеловодстве прихожане не имеют, а все еще пашут, сеют, водят пчел по древнему преданию, идущему от прадедов и дедов к потомству»[3].

Землю обрабатывали самым простым старинным и примитивным способом. Никаких усовершенствованных земледельческих орудий в приходах тоже не было. Авторы ПЕВ объясняли отсутствие информированности крестьян о рациональных способах обработки земли отсутствием крупных оснащенных экономий, в которых использовались разные земледельческие орудия и хозяйственные машины. По их мнению,

---

[1] Гроздов А., священник. Село Селищи Краснослободского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 18. С. 741.
[2] Докучаев Н., священник. Село Вырыпаево Саранского уезда Пензенской губернии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1910. № 23. С. 973.
[3] Покровский Д., священник. Село Вичкилеи Городищенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 22. С. 905.

крестьянин не мог наглядно удостовериться в преимуществах научного способа обработки земли и научиться данному подходу. Кроме того, священниками было подмечено: «Крестьянин ко всякого рода новшествам относится недоверчиво, крепко держась за старину, за предания о своих отцах и дедах»[1]. В большинстве мест крестьяне обрабатывали землю «матушкой-сохой кривулькой».

Редкие случаи рационального возделывания земли все же имели место. Например, священник А. Никольский из с. Шадрино Наровчатского уезда писал: «Нам нигде не приходилось видеть такого ухода со стороны крестьянина за своей землей и такого правильного взгляда на удобрение почвы, как в этом селе. В «междупарье» (зимой – С.Д.) с утра до вечера можно видеть шадринцев, направляющихся обозами на свои поля с зимним и, большею частью, искусственно сделанным «навозом». Обычно вся ненужная солома зимой бросается под ноги скоту, который ее утаптывает. Эту солому весной крестьянин вывозит на свои поля и запахивает. Обычай этот заимствован от помещиков»[2].

В с. Блохино Саранского уезда, по свидетельству священника Кл. Столыпина: «Экономическое состояние здешних крестьян в настоящее время можно назвать сравнительно удовлетворительным. Бедняков, не имевших ни живого, ни мертвого инвентаря, живущих впроголодь, очень мало; нищих почти нет. Главное занятие крестьян – землепашество, поставленное, кстати сказать, в очень благоприятные условия»[3].

В 1910-х гг. на страницах ПЕВ стали появляться сведения о применении в крестьянских хозяйствах новых технических приспособлений – плугов двухлемешных, «сох-винтовок», жнеек, веялок-сортировок, молотилок конных, «топчагов», круподранок и просодранок. Данные

---

[1] Гроздов А., священник. Село Селищи Краснослободского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 17. С. 703-722; 1903. № 18. С. 754.

[2] Никольский А., священник. Село Шадрино Наровчатского уезда (Историко-статистическое описание прихода) // ПЕВ. 1907. № 14. С. 634.

[3] Столыпин Кл., священник. Село Блохино Саранского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1907. № 21. С. 1030.

приспособления крестьяне изготавливали сами: «…на вид неказисто, по работают, кажется, не дурно»[1].

В ходе Столыпинской аграрной реформы техническая оснащенность крестьянского хозяйства заметно улучшилась на хуторах и отрубных участках. Так, в с. Исса Инсарского уезда кредитные товарищества, земство, Булычевское сельскохозяйственное общество, фирма Зданевич снабжали крестьян денежными ссудами, плугами, сеялками, жнейками, молотилками и др. Кредиты предоставлялись на льготных для крестьян условиях: «От прежней сохи остается одно воспоминание»[2].

В некоторых селах, которые располагались рядом с благоустроенными экономиями, где использовались земледельческие орудия, крестьяне самостоятельно начали их изготавливать. Например, в с. Шувары Инсарского уезда ручные молотилки и веялки, изготовленные местными сельскими тружениками, по их оценкам, были гораздо практичнее тех, которые приобретались в земском складе земледельческих орудий[3].

Кроме земледелия крестьяне занимались ремеслами. Зимой прихожане занимались ткачеством, изготовлением саней и ободьев (с. Гремячевка Городищенского уезда[4]), выделкой глиняных горшков и посуды (с. Селищи Краснослободского уезда[5], с. Абашево Наровчатского[6]), плотницкими

[1] Докучаев Н., священник. Село Вырыпаево Саранского уезда Пензенской губернии: Историко-статистический очерк// ПЕВ.1910. № 23. С. 974.
[2] Село Исса Инсарского уезда. Историко-статистическое описание // ПЕВ.1916. № 4. С. 146.
[3] Дружинин И. Село Шувары Инсарского уезда: Историко-статистический очерк// ПЕВ. 1909. № 3. С. 124.
[4] Черкасов Николай, священник. Село Гремячевка Городищенского уезда: Историко-статистический очерк// ПЕВ. 1902. № 18. С. 744.
[5] Гроздов А., священник. Село Селищи Краснослободского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк// ПЕВ. 1903. № 18. С. 741.
[6] Куликов Евфим. Село Абашево Наровчатского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк// ПЕВ. 1903. № 10. С. 403–415; 1903. № 11. С. 455.

работами (с. Шадрино Наровчатского уезда[1]), выделкой кирпичей и валяньем обуви (с. Никольское-Борнуки Городищенского уезда[2]) и т. д.

Удобное географическое положение способствовало появлению более редких видов хозяйственной деятельности. Например, в с. Борисовка Пензенского уезда жители села имели постоялые дворы, лавки, калачные и крендельные заведения, что объяснялось транспортной локацией. Однако с 1895 г., после строительства железной дороги, все это прекратилось[3]. В с. Иссе, благодаря издавна существующему здесь базару, многие женщины занимались торговлей сельдью, кренделями, конфетами, спичками, фруктами и другою мелочью: «По словам торговок, им от торговли мелочью можно кормиться». Мужчины занимались сапожничеством, валяньем теплой обуви, выделыванием овчин, плотничеством и др.[4]

В некоторых селах сложились фамильные ремесленные династии. Например, в с. Никольское-Борнуки Городищенского уезда, по свидетельству священника А. Росницкого: «Дадаевы занимаются торговлей; все Горячевы обязательно печники или маляры, очень словоохотливы; все Осиповы исключительно земледельцы, гумны их полнее других»[5]. В других местах, в частности, в с. Котел Керенского уезда односельчане подмечали за соседями не только склонность к какому-либо роду занятий: «По характеру– словоохотливы, бойки, расторопны и весьма остроумны, в особенности на дачу кличек и прозвищ друг другу: все котляне, кроме официальных фамилий, имеют подворные клички, замечательно остроумно характеризующие владельцев их, или по душевному и умственному складу,

---

[1] Никольский А., священник. Село Шадрино Наровчатского уезда: Историко-статистическое описание прихода // ПЕВ. 1907. № 14. С. 634.

[2] Росницкий А., священник. Село Никольское-Борнуки Городищенского уезда, Пензенской епархии: Историко-статистический очерк. 1904. № 16. С. 635.

[3] Державин А., священник. Село Борисовка Пензенского уезда: Историко-статистический очерк// ПЕВ. 1903. № 24. С. 979.

[4] Село Исса Инсарского уезда. Историко-статистическое описание // ПЕВ. 1916. № 4. С. 147.

[5] Росницкий А., священник. Село Никольское-Борнуки Городищенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк// ПЕВ. 1904. № 16. С. 633.

пли по роду занятий, или по какому-либо нравственному и физическому недостатку»[1].

Ремесленная деятельность, чаще всего, не позволяла крестьянам вырваться из бедностии увеличить свои доходы. Священник Николай Черкасов из с. Гремячевка Городищенского уезда поделился наблюдением: «Но все эти ремесла при нынешней дороговизне леса и при нынешних скудных урожаях идут плохо и дают малое вознаграждение за труд, так что крестьянин еле-еле сводит концы с концами, а некоторые нищенствуют»[2].

В некоторых местностях имела место тенденция к вытеснению традиционных промыслов более доходными работами. Например, в с. Знаменское (Большой Буртас) Керенского уезда, где исстари славились «большие рукодельницы», вместо ткачества, прядения и шитья женщины стали предпочитать рукоделию хождение на поденную работу[3].

Крестьянство пыталось увеличить свои доходы, занимаясь отхожими промыслами. Так, в с. Селищи Краснослободского уезда издавна, по рассказам старожилов, многие ходили на заработки по степям, а к началу XX в. этот промысел стал самым главным. Из прихода ежегодно уходили свыше 600 человек, в основном, на Волгу – в Царицын и Астрахань, где трудились рабочими на пароходах и баржах. Многие искали заработков в Петербурге, где обыкновенно служили дворниками, кучерами и извозчиками[4].

Авторы неоднозначно оценивали последствия отхожих промыслов для повседневной жизни крестьянства. Так, священник Кл. Столыпин из с. Блохино Саранского уезда отметил расширение кругозора крестьян благодаря свободе передвижения в другие места: «Умственный горизонт нашего прихожанина хотя не широк, однако невежественным, неразвитым

---

[1] Державин Евгений, священник. Село Котел Керенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1912. № 7. С. 266.

[2] Черкасов Николай, священник. Село Гремячевка Городищенского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ.1902. № 18. С. 744.

[3] Державин Евгений, священник. Село Знаменское (Большой Буртас) Керенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1909. № 10. С. 402.

[4] Гроздов А., священник. Село Селищи Краснослободского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 18. С. 742.

его назвать нельзя. Скитания по белому свету дали ему много практической опытности, многому научили. Он хорошо знает Россию, имеет понятия об условиях жизни в разных уголках нашего отечества; ему приходилось слышать и о том, как люди живут заграницей»[1].

Другие священники, наблюдая за настроениями крестьян, возвращавшихся с отхожих промыслов, отмечали, что вращаясь в кругу людей городских, находящиеся на заработках усваивают привычки, выходящие за рамки сельского быта, а именно: «научаются франтить не по карману, легкомысленно смотреть на свои религиозные обязанности, нарушают посты, установленные православной церковью, отвыкают посещать церковное богослужение; хладнокровно изменяют своим женам и пр. Оставаясь по нескольку лет на заработках, забывают необходимейший долг исповеди и св. причастия до той поры, пока не возвращаются домой»[2].

Однако чаще священнослужители отмечали вредное влияние отхожих промыслов на крестьян. Отхожие промыслы, по их мнению, приучали сельское население к распутству, пьянству, игре в орлянку, «легкому отношению к постам», неуважению к старшим, посягательству на чужую собственность[3].

Кроме того, отхожие промыслы приводили к росту заболеваемости крестьян. Так, в с. Воеводское крестьяне-мужчины не отличались крепким здоровьем, потому что от усидчивой работы с иглой в душных (часто курных) деревенских избах зимой, а также от неблагоприятных домашних гигиенических условий заболевали чахоткой, заражались венерическими болезнями. Священник Ф. Покровский поделился наблюдением: «Постороннему человеку не трудно, например, в маслянский базар, особенно в морозный день, отличить бледнолицего с синими губами и впалою грудью,

---

[1] Столыпин, Кл., священник. Село Блохино Саранского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1907. № 21. С. 1032.

[2] Гроздов А., священник. Село Селищи Краснослободского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 17. С.703-722; 1903. № 18. С. 744.

[3] Чукаловский Н., протоиерей. Историко-статистическое описание с. Коповки Керенского уезда Пензенской епархии // ПЕВ. 1908. № 15. С. 566.

жмущегося от холода и болезненного на вид только, что возвратившегося с своих заработков воеводского швеца от какого-нибудь краснощекого пышущего здоровьем пестровского мужика или еще более крепкого, коренастого симилейского мордвина. Весьма многие воеводские крестьяне, как мужчины, так и женщины, тяжко страдают, преждевременно становятся стариками и смотрят в могилу от занесенной из разных мест швецами и сильно распространившейся в с. Воеводском венерической болезни (сифилиса)». По словам местных врачей из Саранска и Большого Вьяса, за медицинской помощью от этой болезни обращались к ним чаще других именно воеводские крестьяне[1].

Значение отходничества падало, если была возможность увеличить размер арендуемых земельных наделов или получить дополнительный заработок по месту проживания, Так, в деревне Ермоловке Пензенского уезда крестьяне не были стеснены малоземельем, кроме того, здесь работал винокуренный завод, который позволял местным жителям иметь заработки всю зиму[2]. В с. Абашево также никто из 455 жителей, за редким исключением, не уходил на промыслы, т. к. здесь доход приносили гончарное ремесло и поденная работа в экономиях местных помещиков[3].

Однако священники констатировали, что в большинстве сел и деревень Пензенской епархии богатых и зажиточных крестьян нет совсем. В частности, священник Ф. Покровский из с. Воеводское Саранского уезда отмечал, что почти весь свой заработок крестьяне тратят на хлеб, топливо и одежду[4]. Священник А. Никольский из с. Шадрино Наровчатского уезда поделился наблюдением, что «при всем своем трудолюбии, крестьяне терпят

---

[1] Покровский Ф., священник. Историко-статистическое описание села Воеводского Саранского уезда // ПЕВ. 1904. № 7/8. С. 239.

[2] Глебов Евгений, священник. Село Дубасово Пензенского уезда (Историко-статистическое описание) // ПЕВ. 1903. № 9. С. 361-362.

[3] Куликов Евфим. Село Абашево Наровчатского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк// ПЕВ. 1903. № 10. С.403-415; 1903. № 11. С. 455.

[4] Покровский Ф., священник. Историко-статистическое и описание села Воеводского Саранского уезда // ПЕВ. 1904. № 7/8. С. 241.

недостаток»[1]. В с. Абашево зажиточные крестьяне среди прихожан были, но мало[2].

Представители пензенского духовенства, авторы очерков по истории сел, пытались выяснить причины бедности, или «материального неблагосостояния», своих прихожан-крестьян, однако разошлись во мнениях. Например, Евфим Куликов из с. Абашево считал, что большую роль играет в «обеднении» крестьян укоренившееся среди них пьянство, которое, особенно в дни престольных праздников и на масленицу, было поголовным[3]. А вот священник А. Никольский из с. Шадрино Наровчатского уезда поделился наблюдением, что большинство местных крестьян – это бедняки. Несмотря на то, что «они люди трезвые; видеть пьяного мужика в Шадрине считается редкостью. Будучи народом трезвым и трудолюбивым, шадринцы редко проводят свободное время в праздности»[4].

Священник Ф. Покровский прислушался к мнению самих крестьян из с. Воеводское и пришел к выводу, что главная причина «материального неблагосостояния» крестьян заключается в малоземелье: «Оттого мы и бедны, говорят многие из них, что у нас мало земли: если бы ея у нас было побольше, то мы жили бы лучше; хлеб для себя и корм скотине не покупали бы, хлеба зимой у господ не забирали бы под жнитво – за дешевую цену; тогда мы и не имели бы большой нужды ходить по чужим людям и во всю зиму гнуть за иглой свою спину; шить заставляет нас крайняя нужда, кормиться нечем».[5] В с. Абашево причинами «материального

---

[1] Никольский А., священник. Село Шадрино Наровчатского уезда (Историко-статистическое описание прихода) // ПЕВ. 1907. № 14. С. 634.

[2] Куликов Евфим. Село Абашево Наровчатского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 10. С. 403–415; 1903. № 11. С. 455.

[3] Там же.

[4] Никольский А., священник. Село Шадрино Наровчатского уезда (Историко-статистическое описание прихода) // ПЕВ. 1907. № 14. С. 634.

[5] Покровский Ф., священник. Историко-статистическое и описание села Воеводского Саранского уезда // ПЕВ. 1904. № 7/8. С. 241.

неблагосостояния» прихожан являлись не только недостаток пахотной земли, но и дороговизна аренды у помещиков[1].

Покровский даже утверждал, что в материальном отношении крестьяне с. Воеводского и деревни Петровки в начале XX в. жили гораздо хуже, чем при крепостном праве. Он записал воспоминания старожилов: «у нас не было воли, нас немилосердно били, секли, но зато мы не видали такой нужды, как теперь. Бывало, изба у мужика от ветхости валится, или сгорит, барин дает ему лесу на избу; у кого лошадь плоха – едва ноги таскает, барин велит взять ее себе на псарню, а тому дать свою хорошую, не полагается – де крестьянину-мужику работать на плохой лошади»[2].

Однако другие авторы крепостничество подвергали острой критике. Например, священник Н. Докучаев из с. Вырыпаево Саранского уезда, тоже ссылаясь на воспоминания старожилов, обратил внимание на такую отрицательную сторону крепостного права, как «отсутствие гуманных взглядов», что проявилосьв лишении крепостных крестьян правового статуса личности и гражданина. Высшие сословия относились к крестьянству как к«низшей расе человечества», в которой не признавали никаких умственных способностей и духовных потребностей. «Начиная с помещика – «барина» и кончая его последним лакеем – на мужичка-серячка смотрели только как на орудие барских капризов и затей, как на служебную «тварь», которой он мог распоряжаться как какой-нибудь бездушной вещью. Глубокая пропасть поэтому лежала между барином и его холопом или смердом. Последний был для первого по закону не лицом, а простою вещью. Церковь долго и напрасно вопияла против такого отношения к крепостным людям», – писал Докучаев[3].

Массовая бедность, нехватка питания, недостаточность гигиены и санитарии способствовали росту заболеваемости крестьянства. Наиболее

---

[1] Куликов Евфим. Село Абашево Наровчатского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 10. С. 403–415; 1903. № 11. С. 455.

[2] Покровский Ф., священник. Историко-статистическое и описание села Воеводского Саранского уезда // ПЕВ. 1904. № 7/8. С. 241.

[3] Докучаев Н., священник. Село Вырыпаево Саранского уезда Пензенской губернии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1911. № 1. С. 24.

распространены были заболевания органов пищеварения, сифилис, чесотка и другие повреждения кожи[1]. Всегда существовала угроза распространения эпидемий, в частности, дифтерии, оспы, тифа, холеры. Наиболее массовой стала эпидемия холеры 1870-1872 гг.

Духовенство пыталось понять причины бедности своих прихожан-крестьян, анализируя занятия, образ жизни, масштаб распространения пьянства среди крестьянства. Вывод большинства авторов об общем положении крестьянства совпал с мнением священника Николая Черкасова: «В общем народ очень бедный, одевается плохо, питается скудно и живет, можно сказать, грязно…»[2].

При изучении повседневной жизни провинции выяснилось, что духовенство и крестьянство совместно претерпевали неблагоприятные исторические обстоятельства. Многие авторы ПЕВ писали о том, что для крестьянства распространенными и повседневными явлениями стали острое малоземелье, недостаточный уровень развития образования и медицины, технической оснащенности крестьянских хозяйств; отсутствие результативных практик возделывания земли, массовая бедность, низкая урожайность и рецидивы голода, вынужденная миграция в условиях «отхожих» промыслов и т. д. Последствиями вышеперечисленных явлений стали угасание культурных традиций крестьянского мира, разрыв устойчивых социальных связей и кризисные явления в религиозно-нравственном состоянии общества. В моменты экстремальной повседневности – при эпидемиях, голоде, войнах – положение крестьянства стремительно ухудшалось.

Духовенство разделило тяготы повседневной жизни крестьянства, также испытывая бедственное материальное положение. Характерными чертами повседневности духовенства являлись зависимость доходов

---

[1] Росницкий А., священник. Село Никольское-Борнуки Городищенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1904. №17. С. 668.

[2] Черкасов Николай, священник. Село Гремячевка Городищенского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ.1902. № 18. С. 744.

священников от помещиков и прихожан, необходимость совмещения служения с земледельческим трудом или промыслами, бедность. Публикации представителей православного духовенства на страницах ПЕВ подтверждали необходимость глубокого реформирования общества.

2.2. Религиозно-нравственное состояние населения

Сведения о религиозности и нравственности прихожан священнослужители регулярно отправляли в Пензенскую духовную консисторию[1], однако большая часть документов не сохранилась до наших дней. Поэтому особую ценность имеет обязательный раздел о религиозно-нравственном состояниинаселения в очерках истории городов и сел, составляемых представителями духовенства для публикации в ПЕВ.

Описание религиозно-нравственного состояния населения, как правило, содержало сведения об отношении прихожан к власти и религии. Это информация об отношении к императору и его семье, об участии в религиозных обрядах и знании основ православной веры, о посещаемости храмов, почитании икон и святынь, паломничестве, соблюдении постов и церковных праздников, об отношении прихожан к другим религиям, сектантам и старообрядцам и др.

Анализ оценочных суждений православных священнослужителей, содержащихся в очерках городов и сел, позволяет охарактеризовать национальный характер прихожан, их нравы и обычаи, уровень религиозности, степень вовлеченности в политическую жизнь, масштабы распространения общественных пороков.

Среди категорий, связанных с общественной жизнью, имеющих наибольшую частоту упоминаний, оказались слова: село (сельский), народ, духовенство, нравственность (честь, благочестие) (см. Приложение № 4).

[1] ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2256. Л. 7–7 об., 11–12 об., 13–25, 96–103, 359–360.

В числе категорий, характеризующих нравственное состояние общества, встречаются сведения о пороках. Среди пороков чаще упоминались: «пьянство» (алкоголизм), «суеверия», «воровство». Есть также упоминания о «напрасном собирании милостыни» (совр. «мошенничество»), «сквернословии», «нарушении присяги», «знахарстве», «игре», «тяге к роскоши», «лжи» («плутовстве»), «щегольстве» (см. Приложение № 8).

Своих прихожан священнослужители характеризовали как народ, поддерживающий общинные добрососедские устои: «По характеру большинство – народ миролюбивый, тихий; с соседями живут дружно. Сосед тот же семьянин, … с ним не раскидывайся: придет нужда, иди к нему смело, как к себе за всем, и сам не отдаляйся, а помогай, чем можешь»[1].

Отношение к православной вере в большинстве приходов было почтительным. Прихожане сохраняли «чистоту православной веры», что означало отсутствие среди них раскольников и сектантов, а также «усердное посещение» храмов и церквей, которые в праздничные дни были переполнены молящимися[2].

Так, священник А. Державин подтверждал, что в с. Борисовка Пензенского уезда храм прихожане посещали регулярно. В храме прихожане стояли чинно. У каждой деревни, даже у каждого человека в храме было свое место. Для храма у многих имелась особая праздничная одежда, однако бедняки, не имеющие хорошей одежды, «стеснялись» ходить в храм[3].

В с. Воеводское Саранского уезда, где служил священник Ф. Покровский, за исключением весенних и летних больших праздников, прихожане посещали храм редко. Отчасти это было связано с уходом на заработки[4].

---

[1] ПЕВ. 1882. № 5. С. 22.

[2] Померанцев Иоанн, священник. Село Голубцовка Саранского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1915. № 4. С. 115.

[3] Державин А., священник. Село Борисовка Пензенского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 24. С. 980.

[4] Покровский Ф., священник. Историко-статистическое и описание села Воеводского Саранского уезда // ПЕВ. 1904. № 9. С. 294.

В с. Кравково Городищенского уезда, со слов священника П. Лебедева, крестьяне редко посещали храм из-за удаленности, а также по причине воскресных базаров в соседнем с. Маисе, куда крестьяне уезжали за покупкой муки, соли, керосина, или для сбыта своих ремесленных изделий[1].

В с. Абашево Наровчатского уезда, как утверждал автор, Евфим Куликов, прихожане посещали церковь редко и неохотно, за исключением первого дня Пасхи, дня памяти Николая Угодника и Рождества Христова. В другие праздничные дни, особенно летом, когда большая часть прихожан уезжала с утра в поле на работу, храм был пуст[2].

Все авторы ПЕВ акцентировали внимание на отношении прихожан к власти, императорской семье, начальству, уплате повинностей. В большинстве приходов царскую власть «чтили свято», начальству повиновались беспрекословно, повинности платили «без упорства» и считали это делом законным и необходимым для благоустройства государства[3].

Так, прихожане в с. Никольское-Борнуки Городищенского уезда Пензенской епархии, как писал священник А. Росницкий: «Царскую Власть чтят свято: в каждом поминании в первых строках обязательно стоят Царственные Имена. Царские дни почитаются наравне с двунадесятыми праздниками. С утра поднимаются во многих местах флаги, а к вечеру обыкновенно зажигается у волостного правления и школы иллюминация, на которую крестьяне весьма охотно делают складчину. В царские дни при школе бывает соответствующее чтение с волшебными картинами Августейшего Семейства. От всей души разделяют радость и печаль Царской Семьи и выражают это по-своему»[4].

---

[1] Лебедев Петр, священник. Село Кравково Городищенского уезда // ПЕВ. 1902. № 14. С. 615.

[2] Куликов Евфим. Село Абашево Наровчатского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 11. С. 455.

[3] Гроздов А., священник. Село Селищи Краснослободского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 18. С. 755.

[4] Росницкий А., священник. Село Никольское-Борнуки Городищенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1904. № 17. С. 664.

Несмотря на рост протестных настроений в городах в начале XX в., сельское население, по причине устойчивости монархических взглядов, дольше проявляло политическую индифферентность к революционной пропаганде. Например, в с. Шувары Инсарского уезда, по наблюдениям И. Дружинина: «Убеждения их [крестьян] в этом отношении крепки и для различных учителей свободы, равенства и перемены порядка общегосударственной жизни они представляются почвой ненадёжной. Это видно отчасти из того, что в 1905 и 1906 гг. по селу часто были разбрасываемы различные прокламации «противогосударственного» содержания, но они не имели никакого влияния»[1].

Выражением «особой религиозности прихожан» считалось, во-первых, паломничество по святым местам; во-вторых, точное соблюдение постов православной церкви; в-третьих, поминовение умерших; в-четвертых, почитание праздников; в-пятых, благотворительность[2].

Паломничество было широко распространено. Старики и женщины посещали местночтимые святые места (например, в с. Валяевка Пензенского уезда)[3]. С наступлением весны некоторые прихожане отправлялись в паломничество к Св. мощам и чудотворным иконам в отдаленные местности, например, в Киев, Чернигов, Воронеж, Задонск, Саровскую Пустынь и др. Были и такие прихожане, которые высказывали намерение побывать в Иерусалиме и других местах Палестины[4].

---

[1] Дружинин И. Село Шувары Инсарского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1909. № 3. С. 130.

[2] Померанцев Иоанн, священник. Село Голубцовка Саранского уезда (Историко-статистический очерк) // ПЕВ. 1915. № 4. С. 115.

[3] Державин А., священник. Село Борисовка Пензенского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 24. С. 980; Хвощев, А. Л. Село Каменка-Дмитриевское Пензенского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1904. № 19. С. 754.

[4] Померанцев Иоанн, священник. Село Голубцовка Саранского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1915. № 4. С. 115.

Посты соблюдались, как правило, строго. Пожилые женщины и богомолки, как правило, вообще не ели мяса[1]. Многие считали за грех, если проглотили каплю скоромной пищи намеренно, например, при кормлении ребенка. Также считали за грех, если поели скоромную пищу «по нездоровью», или по предписанию врача – дома, или в больнице. Однако священник Н. Докучаев из с. Вырыпаево Саранского уезда заметил такую особенность в поведении прихожан: «Но, воздерживаясь от пищи скоромной, почти все, можно сказать, не воздерживаются от дурных навыков и привычек, не обуздывают своей воли, не упражняются, конечно, и в особых подвигах молитвенных, в чем и заключается именно пост духовный, без чего пост телесный не может принести пользы и послужить к спасению»[2].

Знание прихожанами основ христианской религии священнослужители оценивали неоднозначно. Одни считали, что большая часть их прихожан знает важнейшие догматы христианства[3], а другие утверждали, что с христианской религией прихожане недостаточно знакомы[4].

Крестьяне получали знания основ православия в церковной школе, в храме, где внимательно слушали богослужение и произносимые священником поучения, из внебогослужебных собеседований, а также из самостоятельного чтения на дому полезных религиозно-нравственных книг[5].

Почти все прихожане, исключая малолетних, знали повседневные краткие молитвы («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий», «Святый Боже»,

---

[1] Державин А., священник. Село Борисовка Пензенского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 24. С. 980; Хвощев, А. Л. Село Каменка-Дмитриевское Пензенского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1904. № 19. С. 754.

[2] Докучаев Н., священник. Село Вырыпаево Саранского уезда Пензенской губернии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1910. № 23. С. 976.

[3] Покровский Д., священник. Село Вичкилеи Городищенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 22. С. 903.

[4] Чукаловский Н., протоиерей. Историко-статистическое описание с. Коповки Керенского уезда Пензенской епархии // ПЕВ. 1908. № 15. С. 563.

[5] Покровский Д., священник. Село Вичкилеи Городищенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 22. С. 903.

«Богородице Дево, радуйся», «Достойно есть яко воистину», «Отче наш»)[1]. Крестьяне часто заказывали молебны наиболее почитаемым святым – Николаю Чудотворцу, пророку Илии, священномученикам Фролу и Лавру, мученику Власию, как небесным покровителям домашних животных[2], священномученику Пантелеймону, святым бессребренникам Косме и Дамиану, как небесным врачам от всяких недугов, преподобному Серафиму Саровскому[3].

Анализируя статьи разных авторов, можно констатировать низкий уровень грамотности населения, который был недостаточен для освоения основ христианской религии. Например, профессор Пензенской духовной семинарии Алексей Лукич Хвощев сделал вывод о том, что «религиозное образование народа очень незначительно, редко простирается далее знания общеупотребительных молитв»[4].

К такому же выводу пришел протоиерей Н. Чукаловский из с. Коповка Керенского уезда: «С христианской религией прихожане недостаточно знакомы: мало понимая дух ея, увлекаются обрядностью, внешностью в религии. Причина этого заключается в их недостаточном умственном развитии и в медленном распространении среди них грамотности»[5].

Грамотность была распространена преимущественно среди мужчин[6], женщины существенно уступали по уровню образования[7]. Рассуждая о

---

[1] Покровский Д., священник. Село Вичкилеи Городищенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 22. С. 903-904; Покровский, Ф., священник. Историко-статистическое и описание села Воеводского Саранского уезда // ПЕВ. 1904. № 9. С. 295.

[2] Хвощев А. Л. Село Каменка-Дмитриевское Пензенского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1904. № 19. С. 754.

[3] Державин Евгений, священник. Село Котел Керенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1912. № 8. С. 296.

[4] Хвощев А. Л. Село Каменка-Дмитриевское Пензенского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1904. № 19. С. 754.

[5]Чукаловский Н., протоиерей. Историко-статистическое описание с. Коповки Керенского уезда Пензенской епархии // ПЕВ. 1908. № 15. С. 563.

[6] Покровский Д., священник. Село Вичкилеи Городищенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 22. С. 905.

[7] Черкасов Николай, священник. Село Гремячевка Городищенского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1902. № 18. С. 753.

причинах низкого уровня грамотности, священник Н. Соколов предположил: «Очевидно, крестьяне далеко еще не сознают нравственного значения грамоты. Большинство крестьян, с которыми мне приходилось беседовать, имеют довольно смутные представления о нашей православной вере»[1].

Крестьяне предпочитали книги религиозно-нравственного содержания, а книги светского содержания не имели широкого распространения. Самой распространенной книгой было Евангелие на русском языке. Евангелие имелось почти в каждом доме, где был «грамотей», и находилось на полочке пред иконами. Евангелия приносили с заработков в виде подарков семье. Большой популярностью среди крестьян пользовались Четьи-Минеи и Жития святых. Читали крестьяне преимущественно в праздничные дни. «После отдыха или вечерком соберутся толпою где-нибудь на завалинке около избы, а зимою в избе, и, вот, грамотей начинает чтение, а остальные внимательно слушают», – так описал семейный досуг священник А. Гроздов из с. Селищи Краснослободского уезда[2].

В с. Воеводское Саранского уезда, по свидетельству священника Ф. Покровского, было только несколько крестьянских домов, где вся семья участвовала в чтении духовных книг вслух в праздничные дни. Большинство крестьян считали чтение книг, особенно духовных, полезным и даже необходимым. Однако среди старшего поколения прихожан были такие, кто в чтении книг видел простую забаву и бесполезную трату времени[3].

По свидетельствам многочисленных авторов, почитание икон было повсеместным. Среди местночтимых икон были особо почитаемы чудотворные иконы Божией Матери во Вьясской пустыни и с. Валяевке, куда

---

[1] Соколов Н., священник. Очерки религиозно-нравственной жизни простого народа // ПЕВ. 1892. № 9. С. 348.

[2] Гроздов А., священник. Село Селищи Краснослободского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 18. С. 753.

[3] Покровский Ф., священник. Историко-статистическое и описание села Воеводского Саранского уезда // ПЕВ. 1904. № 9. С. 304.

часто прихожане ходили на богомолье[1]. Имеющиеся в домах крестьян иконы, как правило, Владимирского письма, были украшены фольгой или золоченой бумагой. Покупали иконы на базарах или у разносчиков. Кроме икон в каждом доме можно было встретить несколько картин на стенах с изображением Спасителя, Божией Матери, святых угодников или событий из Священной истории. Картины, по оценкам священника Н. Черкасова, были более благообразные, чем иконы владимирских художников[2]. В постоянном употреблении были одна-две иконы, а прочие хранились в укромном месте и вывешивались только перед праздником. Обычай этот появился потому, что прежде все крестьянские избы были курные, поэтому иконы покрывались слоем копоти[3].

Из праздников особо почитали Святую Пасху. В течение недели не работали и охотно ходили на богослужения. Среди почитаемых праздников были также Рождество Христово, Новый год, Крещение Господне, Вознесение, Троицын и Духов дни, Благовещение и престольные праздники: Покров, Николин и Михайлов дни[4].

Церковные праздники часто сопровождалискрестными ходами – торжественными шествиями с большим крестом, иконами и хоругвями вокруг храма или из одного храма в другой, или от одного места к другому.Главным крестным ходом являлся Крещенский крестный ход, 6 января, «на Иордань», которая сооружалась очень искусно на пруду изо льда. Из толстых ледяных пластин вытачивали четыре прочные колонны, которые приморaживали ко льду, поливая водой. Круглые колонны помещались на основание (базу) и завершались капителями. На колоннах сооружалась резная сень с крестиками изо льда по углам и на верхушке. Это сооружение

[1] Покровский Д., священник. Село Вичкилеи Городищенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 22. С. 903–904.
[2] Черкасов Николай, священник. Село Гремячевка Городищенского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1902. № 18. С. 750.
[3] Чукаловский Н., протоиерей. Историко-статистическое описание с. Коповки Керенского уезда Пензенской епархии // ПЕВ. 1908. № 15. С. 564.
[4] Державин Евгений, священник. Село Котел Керенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1912. № 8. С. 296.

полировали до блеска и подкрашивали разноцветной краской, так что издали эту постройку можно было принять за часовню. В середине помещали ледяной круглый столик для водосвятной чаши крестом. «Иордань» вырубалась перед часовней с восточной стороны в виде креста восьмиконечной формы с копьями по бокам[1].

В день памяти мучеников Флора и Лавра (18 августа), по старинному обычаю, собирали к церкви лошадей и после литургии и водоосвящения окропляли скот водой. В просторечии этот праздник называли «лошадиным праздником»[2].

В престольные праздники прихожане совершали «гулянье», ходили к родным и знакомым в гости, где угощались вином, брагой, праздничными яствами. Молодежь веселилась на улицах, проводя время в разных играх и в пении песен[3].

В ходе церковных праздников при содействии священнослужителей нередко происходило урегулирование споров и конфликтов. Например, Росницкий описал интересный случай примирения прихожан священником во время церковного праздникав с. Никольское-Борнуки Городищенского уезда: «Однажды поссорились между собою никольское и борнуковское общества из-за потравы хлеба одного стадом другого. Отношения соседей до того обострились, что каждый старался сделать друг другу как можно больше неприятного: загонялась не только скотина, но даже курица чужая со своей земли, подана было масса кляуз друг на друга в местный волостной суд. К этому времени пришелся день ангела священника, общества по обыкновению после литургии в полном составе пришли к священнику с поздравлениями. Принимая гостей, священник выразил, что лучшим гостинцем для него на этот раз было бы то, если бы они помирились при нем

[1] Докучаев Н., священник. Село Вырыпаево Саранского уезда Пензенской губернии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1910. № 23. С. 980–981.
[2] Там же. С. 980.
[3] Покровский Д., священник. Село Вичкилеи Городищенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 22. С. 905.

сейчас же. Прихожане немедленно исполнили предложение своего священника и даже поданные уже кляузы истцы вернули назад»[1].

В религиозных верованиях крестьян сохранялись и «следы седой языческой старины». Например, в с. Воеводском и дер. Петровке молодежь поддерживала обычай справлять т. н. «кузьминки», т. е. петь, плясать, играть в день святых мучеников Косьмы и Дамиана (1 ноября). Крестьяне ходили толпой и пели «тоусень» накануне нового года. В святки гадали и надевали костюмы ряженых. Провожали весну с песнями и плясками на искусственно устроенном коне в последнее воскресенье весеннего мясоеда. Обливали друг друга водой во время засухи и т. д. Священник Покровский писал: «Несомненно, что эти обычаи языческого происхождения, но, как показывают наблюдения, в сознании народа они утратили уже свой первоначальный смысл и языческий характер»[2].

Однако некоторые народы, проживавшие на территории Пензенской епархии, приняв христианство, «не оставили языческих обычаев». Священники делились своими наблюдениями, что, например, мордва почитает не одно божество. Каждому языческому божеству, дабы не навлечь его гнев, в известные сроки года справляет особое богослужение, именуемое «молян», сопровождаемое жертвоприношением быка, или гуся, или другого животного. У мордвы к началу XX в. сохранился единственный «молян», совершаемый при уборке хлеба, за несколько дней до праздника Рождества Пресвятой Богородицы[3].

Мордва долго не расставались с языческими обычаями и предрассудками. В первой половине XIX столетия, в воскресные и праздничные дни, поголовно с раннего утра вместо приходской церкви отправлялись в лес на охоту. В летнее время, особенно во время засухи,

---

[1] Росницкий А., священник. Село Никольское-Борнуки Городищенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1904. № 17. С. 663.

[2] Покровский Ф., священник. Историко-статистическое и описание села Воеводского Саранского уезда // ПЕВ. 1904. № 9. С. 301.

[3] Боголюбов Павел, священник. Село Синдорово Краснослободского уезда: Историко-статистическое описание // ПЕВ. 1908. № 18. С. 747.

мордва устраивали языческие «моляны», которые во второй половине XIX в. были заменены крестными ходами. По окончании полевых работ, мордва варили брагу, пиво, медовые квасы и сильно пьянствовали сначала в домах, а затем на приходском кладбище, где устраивали общий пир. Осенью девицы собирались вместе, варили брагу и открывали игрища с молодыми ребятами. Здесь сговаривались «выходить в замужество самоохоткой», то есть «без дозволения и согласия» родителей невесты[1].

Свадьбы, как правило, сопровождало шумное веселье. Девицы, подруги невесты, с песнями отправлялись к жениху за подарками. Там их угощали хлебом-солью, иногда водкой, хотя в небольшом количестве, однако достаточном для того, чтобы угостившиеся плясали до поздней ночи.

Некоторые священники совершали обряд венчания не в воскресные дни, а в понедельник. Шумное веселье не прекращалось, но «не оскорбляло религиозное чувство» в воскресный день[2].

Особое внимание уделялось авторами ПЕВ угрозам для нравственности населения, под которыми подразумевались не только языческие пережитки, но и суеверия, сектантство, отхожие промыслы, ярмарки, военные поселения и др.

По результатам контент-анализа сквозного оглавления ПЕВ, среди общественных пороков чаще встречались: «пьянство», «суеверия», «воровство». Есть также упоминания о «напрасном собирании милостыни» (совр. «мошенничество»), «сквернословии», «нарушении присяги», «знахарстве», «игре», «тяге к роскоши», «лжи» («плутовстве»), «щегольстве» (См. Приложение № 8).

После пьянства, по частоте упоминаний духовенством на страницах журнала, находились суеверия – гадания, толкование снов, вера в нечистую силу, приметы, заговоры и колдовство (знахарство), которые были широко распространены среди кресьянства. Священник Д. Покровский из с.

[1] Померанцев И., священник. Село Иога Городищенского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1914. № 16. С. 652.
[2] Заметка о крестьянских свадьбах // ПЕВ. 1867. № 20. С. 602.

Вичкилеи Городищенского уезда писал: «Не свободны прихожане также от разных суеверий и поверий. Так они крепко верят снам, разным гаданиям, преимущественно гаданию на картах; никогда не начинают сеять никакого хлеба в тот день, в какой был праздник «Благовещение», а также в среду и пятницу, считая такой сев неудачным. После венчания поезд с молодыми непременно должен остановиться на дороге, не доезжая до дома, и затем дружки с иконой и оружием в руках несколько раз обходят поезд, думая этим отогнать нечистую силу, не дав ей причинить какой-нибудь вред молодым людям, только что повенчанным»[1].

Многие авторы писали, что крестьяне верили в существование нечистой силы – оборотней, домовых, леших, водяных, русалок. Так, священник А. Гроздов из с. Селищи Краснослободского уезда отмечал, что в нечистую силу «верят почти поголовно все». Крестьяне не сомневались в том, что домовой часто стонет в избах, предвещая какое-нибудь несчастие, давит во время сна людей, забирается на конюшни и заплетает любимым коням гривы, а нелюбимых мучит ночью, опрокидывая их в колоды; а лесовики, водяные русалки являются в лесах или на воде и причиняют вред людям[2]. В с. Вырыпаево Саранского уезда лошадей, собак и кошек подбирали «под масть хозяина-домового», чтобы они именно были «ко двору» и «по нраву хозяину-домовому»[3].

В с. Абашево среди местных жителей также было много поверий. Если случалось затмение солнца или луны – крестьяне говорили, что злые люди «скрали» лучи светил назло. Если загремит гром – это, говорили, Илия-пророк едет по небу на огненной колеснице. Показалась радуга – быть ненастью, ибо радуга «забирает в себя воду из рек и озер, которую и передает потом облакам». Если завоет собака в полночь – быть в том месте пожару.

---

[1] Покровский Д., священник. Село Вичкилеи Городищенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 22. С. 906; ПЕВ.1892. № 10. С. 388.
[2] Гроздов А., священник. Село Селищи Краснослободского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 17. С. 703–722; 1903. № 18. С. 752.
[3] Докучаев Н., священник. Село Вырыпаево Саранского уезда Пензенской губернии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1910. № 24. С. 1025.

Если закричит ворон на церковном кресте – быть покойнику в той стороне села, куда обращен ворон головою. Если раздался сильный удар грома – Господь убил сатану. Если упал метеор или блеснула зарница – диавол в образе змия огненного полетел к человеку, одержимому тоской. Если размножились совы и филины по селу – быть голодным годам или моровому поветрию. Медведь в воображении местных поселян – проклятый родителями человек. Верили крестьяне, что утопленники, удавленники, опойцы, люди, умершие неестественно, превращаются после смерти в лошадей и возят нечистую силу на земле[1]. В с. Котел Керенского уезда бытовало поверье, что души умерших близких родных (отца, матери, мужа, жены), если осиротевшие родственники тоскуют, прилетают к ним в полночь в виде огненного змия, но утешения своим близким не приносят, а лишь увеличивают тоску, поэтому убиваться и горевать о смерти родных слишком не следует[2].

В каждом селе были «знахари», к которым обращались с «лихими болестями»[3]. Крестьяне верили, что возможно излечиться от болезней с помощью наговоров, «шептаний». Поэтому вместо законных врачей чаще обращаются к разным знахарям и колдунам[4]. Среди населения были распространены разные наговоры и заговоры, заклинание червей на скотине, от грудницы. Например, в Абашеве это были заговоры от порчи, лихорадки, зубной боли, дурного глаза и т. п.[5] Жители с. Котел Керенского уезда даже

---

[1] Куликов Евфим. Село Абашево Наровчатского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 11. С. 456.

[2] Державин Евгений, священник. Село Котел Керенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1912. № 8. С. 297.

[3] Росницкий А., священник. Село Никольское-Борнуки Городищенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1904. № 17. С. 667.

[4] Гроздов А., священник. Село Селищи Краснослободского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 17. С. 703–722; 1903. № 18. С. 752.

[5] Куликов Евфим. Село Абашево Наровчатского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 11. С. 456.

сифилис и катар желудка считали «порчей», сделанной «колдуном» или «оборотнем»[1].

В каждом селе жил какой-нибудь дедушка «Митрий», который заговаривал зубную боль, или старуха «Степановна», заговаривающая кровь, сибирскую язву, грыжу и др. болезни. Клиентов у них было много, несмотря на то, что рядом могла быть земская больница[2]. К законным врачам обращались только после совета «прославленного» знахаря. Таких знахарей называли «старцами-прозорливцами»[3].

В с. Синдорово Краснослободского уезда использовался старинный способ лечения пациентов, укушенных бешенными собаками. Собирали милостыню «Христа ради» в виде хлеба, соли, воды. Этим кормили и поили пострадавших в течение сорока дней со дня укуса. Были случаи излечения, однако факты бешенства животных не имели доказательств[4].

Крестьяне верили, что колдун может посадить в человека беса, испортить здоровье ближнего, а потому подозреваемых в колдовстве лиц боялись и старались задабривать[5]. Но иногда имели место случаи физической расправы. Например, в с. Аксел Краснослободского уезда пожилую женщину, которую подозревали в мнимом колдовстве, избили до полусмерти. Вскоре потерпевшая скончалась[6].

Еще один случай расправы с «ведьмой» был зафиксирован в с. Бояркино Городищенского уезда во время эпидемии холеры, когда все жители поддались панике и страху скорой смерти. И крестьяне приписали

---

[1] Державин Евгений, священник. Село Котел Керенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1912. № 8. С. 297.

[2] Село Исса Инсарского уезда: Историко-статистическое описание // ПЕВ. 1916. № 4. С. 139-149. С. 146.

[3] Докучаев Н., священник. Село Вырыпаево Саранского уезда Пензенской губернии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1910. № 24. С. 1026.

[4] Боголюбов Павел, священник. Село Синдорово Краснослободского уезда: Историко-статистическое описание // ПЕВ. 1908. № 18. С. 748.

[5] Куликов Евфим. Село Абашево Наровчатского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 11. С. 456.

[6] Голубинский И., священник. Село Аксел Краснослободского уезда // ПЕВ. 1907. № 24. С. 1209.

появление холеры силе колдунов и ведьм, якобы отравляющих пищу, питье и даже воздух. В это время впала в летаргический сон женщина, которую считали обладающей сверхъестественной силой. Поэтому они заколотили «ведьму» в крепкий гроб, закрыли его замками. Несмотря на то, что «покойница» по пути к кладбищу проснулась и стала кричать, жители опустили гроб в могилу, зарыли и уверенные, что мор прекратится, так как «чуму закопали», разошлись по домам. Мор, конечно, не прекратился, а когда потребовались могилы для новых жертв, то любопытные крестьяне вскрыли гроб пострадавшей женщины: «…их глазам представилась картина, при виде которой дрогнуло бы сердце человека с самыми крепкими нервами. Покойница лежала вниз лицом, уткнув его в руки и поджав под себя скорченные ноги. На стенках гроба виднелись большие кровавые пятна, все лицо было покрыто ссадинами, сжатые в кулак пальцы были изгрызены и избиты, а саван был изорван в клочья»[1].

Одним из наиболее ужасающих суеверий было вырывание из могил «опойц» (умерших от алкогольного опьянения). В с. Воскресенская Лопуховка Городищенского уезда произошел случай, когда несколько крестьян ночью разрыли могилу, вынули труп и, положив в рогожу, бросили в болото. Поступок объяснили поверьем, что таким образом можно предотвратить засуху («бездождие»)[2].

Авторы отмечали наличие противоречия в поведении крестьян. С одной стороны, прихожане часто поминали умерших родственников[3]. Но, с другой стороны, во многих селах, как описывал, например, священник И. Ягодинский, кладбища находились в «пренебрежении, в полном забвении и как бы в поругании, что совершенно несвойственно могиле христианина»[4].

---

[1] Докучаев Н. Село Бояркино Городищенского уезда: Историко-статистическое описание // ПЕВ. 1885. №21. С. 30.

[2] Аравийский Н., студент. Село Воскресенская Лопуховка Городищенского уезда: Историко-статистическое описание прихода // ПЕВ. 1907. № 18. С. 871.

[3] Державин Евгений, священник. Село Котел Керенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1912. № 8. С. 296.

[4] Ягодинский И., священник. О сельских кладбищах// ПЕВ. 1897. № 9. С. 317.

Среди общественных пороков, которые критиковало духовенство, присутствовало сквернословие. Священник Николай Черкасов с. Гремячевка Городищенского уезда охарактеризовал сквернословие как «традиционное наследство от времен крепостничества, которое и до сих пор еще живет среди стариков-крестьян и переходит от поколения к поколению. Эти дурные слова, как говорят крестьяне-старики, были излюбленные словечки бурмистров, старост и самих управляющих того времени»[1].

Авторы ПЕВ писали также о распространении воровства среди крестьян. Например, пензенские церкви (Архангельская, Всесвятская и Николаевская) не раз становились объектами краж со стороны «дерзких и искусных святотатцев». Нередки были случаи воровства и в сельских церквах[2].

Священнослужители наблюдали за переменами, происходящими в повседневности крестьянского мира под влиянием процессов пореформенного периода. Многие отмечали воздействие урбанизации, субъектом которой крестьянство становилось в результате распространения отхожих промыслов. Священник А. Гроздов из с. Селищи Краснослободского уезда сделал определенные выводы: «Вращаясь в кругу людей городских, более или менее цивилизованных, находящиеся на заработках усваивают себе привычки, не подходящие к сельскому быту, научаются франтить не по карману, легкомысленно смотреть на свои религиозные обязанности, нарушают посты, установленные православной церковью, отвыкают посещать церковное богослужение; хладнокровно изменяют своим женам и пр. Оставаясь по нескольку лет на заработках, забывают необходимейший долг исповеди и Св. причастия до той поры, пока не возвращаются домой»[3].

---

[1] Черкасов Николай, священник. Село Гремячевка Городищенского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1902. № 18. С. 754.
[2] Карсаевский Николай. Церковные кражи и меры против них // ПЕВ. 1903. № 18. С. 760.
[3] Гроздов А., священник. Село Селищи Краснослободского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1903. № 18. С. 744.

Священник Д. Туберозов констатировал возрастающее влияние на провинцию капиталистического уклада: «Быстро развивающийся капитализм, как известно, наложил свою властную руку и на деревню. Благодаря железным дорогам из нее стали спешно выкачиваться природные богатства. Взамен их, деревня получает, прежде всего деньги, а затем продукты фабричной и заводской промышленности»[1]. Автор отметил быстрый рост потребительского спроса, который крестьяне удовлетворяли на ярмарках, базарах: «С понятием базара у крестьянина соединяются такие чувства и настроения, какие переживает интеллигентный человек при открывающейся возможности посетить концерт, театр, литературный вечер»[2]. Однако базар, как «место общественного увеселительного собрания», с трактирами, каруселями и балаганами, по мнению священнослужителей, оказывал разлагающее влияние на сельский мир[3], в первую очередь, из-за распространения пьянства.

Авторы очерков истории сел Пензенской епархии неоднозначно оценивали влияние военных поселений на повседневную жизнь крестьянства. Например, священник Василий Тифлисов из с. Николаевка Пензенского уезда в статье «Зимние стоянки солдат по селам и деревням и их влияние на народ» отметил, что солдаты, «от нечего делать», учили детей грамоте, ружейным приемам, маршировке, гимнастике. Вследствие чего, у детей прихожан любимой игрой стала игра «в солдатики». Однако наряду с песнями, «чисто военными, нисколько не предосудительными», дети научились у солдат и песням «непотребным, так называемым скоморошным или плясовым». Кроме того, солдаты не придерживались православных постов, вечера проводили в питейных домах. Под угрозой оказалась жизнь

[1] Туберозов Д., священник. Воскресные базары, как великое зло в религиозно-просветительной и воспитательной деятельности православного духовенства // ПЕВ. 1913. № 9. С. 281.
[2] Там же. С. 281.
[3] Там же. С. 281.

крестьянских семей: «Жены стали бегать от мужей, оставлять малых детей и творить всякие непристойности!»[1]

Однако, по мнению большинства авторов, православие оставалось незыблемой духовной основой повседневности крестьянского мира. Например, священник Кл. Столыпин из с. Блохино Саранского уезда писал: «…нельзя обойти молчанием и некоторых безусловно добрых и похвальных качеств блохинских прихожан. Так несмотря на то, что отхожие промыслы представляют много соблазнов и опасностей для людей с младенческим религиозным миросозерцанием, наши прихожане с честью выходят из этих искушений и высоко держат знамя православия. А соблазнов действительно много. Им приходится работать у иноверцев – магометан, раскольников; приходится вступать в близкие отношения и с сектантами (молоканами и хлыстами). И среди всех этих опасностей они строго хранят заветы православной церкви. Поэтому в нашем приходе никто не запомнит ни одного случая «совращения» в раскол или сектантство»[2]. Повсеместно духовенство «реагировало соответствующими внушениями»[3].

Отдельным аспектом программы изучения приходов выступал характеристикаотношения к вере среди инородцев. В частности, авторы ПЕВ отмечали, что татары придерживались своей религии («магометанства»), к православию не были склонны, случаи перехода в православие встречались крайне редко. Переход в православие происходил, как правило, под воздействием не убеждений, а случайных обстоятельств, например, с целью избежать наказания за преступления (конокрадство и др.)[4]. Татары-христиане, живущие среди татар-магометан, оставались под влиянием мулл,

---

[1] Тифлисов Василий, Священник, Николаевка Пензенского уезда. Зимние стоянки солдат по селам и деревням и их влияние на народ // ПЕВ. 1873. № 11. С. 403.

[2] Столыпин Кл., священник. Село Блохино Саранского уезда: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1907. № 21. С. 1035.

[3] Село Исса Инсарского уезда: Историко-статистическое описание // ПЕВ. 1916. № 4. С. 146.

[4] Попов А. Инородческое население Пензенской епархии и его образование // ПЕВ. 1899. № 21. С. 842.

в церковь не ходили, за исключением случаев рождения, браков и смерти, не исповедовались и не причащались, икон в домах не имели, креста не носили[1].

Вместе с тем, храня и почитая свою религию, татары проявляли уважение к вере других народов[2]. Православных священников называли «бачкою», или отцом, при встречах раскланивались[3]. Татары не демонстрировали насмешек и хулы над христианской верой в присутствии русских. Во время крестных ходов останавливались, отходили в сторону и снимали шапки. В первые пасхальные дни даже прекращали публичные работы[4].

Но автор, однако, предположил, что такое поведение имело причиной не расположенность к христианству, а «страх ответственности перед законом и боязнь за оскорбление христианской веры получить крупные неприятности со стороны подавляющего большинства русского населения»[5].

Взаимоотношения татар с русскими были противоречивыми. В уездах, где татары были перемешаны с русскими, там старались ужиться с русским большинством[6]. Все мужчины-татары овладевали русским языком[7], для изучения которого даже не возражали посещать церковно-приходские школы, при условии освобождения от экзамена по закону Божию[8]. Женщины-татарки, напротив, не знали русского языка и чурались русских[9].

Там, где татары были многочисленными и жили обособленно, там менее нуждались в общении с русским населением ибыли менее склонны к

---

[1] Попов А. Инородческое население Пензенской епархии и его образование // ПЕВ. 1899. № 21. С. 842.
[2] А. Х. Татары-магометане Пензенской губернии. Краткий исторический очерк // ПЕВ. 1910. №16. С. 606.
[3] Попов А. Инородческое население Пензенской епархии и его образование // ПЕВ. 1899. №21. С. 843.
[4] А. Х. Татары-магометане Пензенской губернии. Краткий исторический очерк // ПЕВ. 1910. №16. С. 607.
[5] Там же. С. 607.
[6] Там же. С. 605.
[7] Там же. С. 603.
[8] Любимов Н., протоиерей. Татары Керенского уезда // ПЕВ. 1892. №15. С. 610.
[9] А. Х. Татары-магометане Пензенской губернии. Краткий исторический очерк // ПЕВ. 1910. №16. С. 603.

проявлению дружбы и добрососедских отношений. Один из авторов поделился наблюдением, что татары при указанных обстоятельствах «не стесняются обижать русских – угонять лошадей, увозить хлеб и т.п.»[1]

Итак, во второй половине XIX – начале XX вв. религиозно-нравственное состояние крестьянского мира в оценках православных священнослужителей имело ряд особенностей. В большинстве сельские прихожане были законопослушными и религиозными, настроенными на сохранение и воспроизводство общинных традиций.

Законопослушание выражалось в почтительном отношении к императору и государственным повинностям. Религиозность проявлялась в массовом почитании икон, посещении храмов, почитании православных праздников, соблюдении постов, паломничестве к святым местам, сохранении своей причастности к православию, несмотря на взаимодействие с представителями других вероисповеданий в повседневной жизни.

Однако авторы очерков не умалчивали о распространении явлений, которые считались общественными пороками, таких как: неграмотность, суеверия, языческие пережитки, знахарство, сквернословие, пьянство, небрежное отношение к кладбищам и др.

Угрозу для нравственности населения, по мнению авторов ПЕВ представляли сектантство, отхожие промыслы, ярмарки, военные поселения и др., которые масштабировали общественные пороки.

В сквозном оглавлении журнала самую высокую частоту упоминаний имеют дефиниции «слово» «речь» «поучение» «беседы» «проповедь» «проповедничество», а также «училище», «школа», «ученик» и др. (см. таблицу № 4). Что позволяет сделать вывод о том, что главным средством противодействия общественным порокам и неграмотности, судя по содержанию ПЕВ, стала проповедническая и просветительская деятельность духовенства.

---

[1] Там же. С. 605.

2.3. Проблемы преодоления алкоголизма и организация трезвенного движения в российской провинции

Среди общественных пороков в заголовках статей ПЕВ чаще всего упоминалось именно «пьянство» (алкоголизм) (См. Приложение № 8). Действительно, начиная со второй половины XIX в. в Российской империи становится заметным рост алкоголизации населения. По мнению некоторых исследователей, в значительной мере распространению пьянства способствовала политика государства, финансовые нужды которого в связи с проведением либеральных реформ и начавшейся индустриализацией требовали расширения производства и реализации алкогольной продукции. Однако губительность последствий такой политики вскоре стала осознаваться российским обществом[1].

Борьба с народным пьянством в Пензенской епархии в последнее десятилетие XIX в. перешла на новый уровень благодаря церковно-приходским обществам трезвости, массовое появление которых в России пришлось на последнее десятилетие XIX в. – тогда их можно было встретить даже в глухих селах.

«Водка – гончая собака смерти», – провозгласил в это время московский митрополит Владимир (Богоявленский), ссылаясь не только на личные наблюдения, но и на печальную статистику, – «только в 1895 г. в России утонуло в пьяном виде 9 126 чел., умерло от удара вследствие опьянения – 3 277; убилось при падении в пьяном виде с крыш, лестниц, лесов, с окон, с конок, с возов – 8 757; разбилось об тумбы и фонари – 2 896; повесилось в пьяном виде – 834; сгорело – 1530; зарезалось – 674; отравилось – 375»[2].

---

[1] Быкова А. Г. Исторический опыт общественно-государственного противодействия алкоголизации населения во второй половине XIX – начале XX вв. // Отечественный журнал социальной работы. 2012. № 4. С. 48.

[2] Архипастырский призыв духовенства и общества к борьбе с пьянством // Священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский и Галицкий. Проповеди, слова, поучения. Тверь, 2008. Т. 3. С. 448–449. Цит. по: Леонтьева Т. Г.

Общественное внимание к проблеме преодоления пьянства отчасти было обусловлено публикациями современников, которые выявляли зависимость между распространением алкоголизма и ростом преступности[1], а также увеличением числа самоубийств[2]. На основе данных Департамента неокладных сборов и Св. Синода современники анализировали историю трезвеннического движения. На примере развития светских и духовных обществ трезвости изучали общие причины, местные особенности возникновения, цели и задачи, формы культурно-просветительской, культурно-массовой и оздоровительной деятельности[3].

Историки современной России проблему пьянства рассматривают сквозь призму социальной истории. Например, В. Б. Безгин и К. О. Касьянова поднимают проблему роли питейной традиции в русском обществе как многогранную проблему, состоящую из социального, хозяйственного, культурного и нравственного аспектов[4].

Проблемы преодоления алкоголизма и организации борьбы за трезвость привлекали внимание православного духовенства в каждом столетии. Но после отмены крепостного права, в условиях модернизации общества, это внимание стало постоянным, что подтверждают материалы публикаций в церковной периодической печати. Частота обращений авторов журнала к теме народного пьянства соизмерима с количеством статей, посвященных разоблачению священнослужителями народных суеверий[5].

Благотворительная деятельность православного духовенства во второй половине XIX-начале XX века // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2015. № 3. С. 73.

[1] Григорьев Н. И. Алкоголизм и преступления в Санкт-Петербурге / Н. И. Григорьев. Санкт-Петербург, 1900.

[2] Коровин А. М. Самоубийства и потребление водки в Европейской России с 1903 по 1912 гг. / А. М. Коровин. Москва, 1916.

[3] Григорьев Н. И. Общество трезвости в России. Санкт-Петербург, 1899; Коровин, А. М. Цели и задачи обществ трезвости. Москва, 1903; Мордвинов И. П. Общество трезвости, жизнь и работа в нем. Санкт-Петербург, 1911 и др.

[4]Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Москва – Тамбов, 2004; Касьянова К. О русском национальном характере. Москва, 1994.

[5] Мазалова Н. Е. «Знающие» в традиционном русском деревенском социуме (по материалам Пензенских епархиальных ведомостей) / Н. Е. Мазалова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 2 (30). С. 43.

Так, Е. Мачинский в статье «Печальный голос одного из трезвенников Пензенской губернии об алкоголизме и картежной игре» возложил ответственность за распространение пороков именно на приходское духовенство, обвиняя последнее в бездействии[1]. Значимость проблемы и безапелляционность обвинений побудили редакцию опубликовать жесткую статью и, одновременно, высказать несогласие с позицией автора в подстрочных комментариях. Оппоненты Мачинского убеждали читателей, что духовенство Пензенской епархии к делу борьбы с народным пьянством относилось с большой энергией. Так ли было на самом деле? Каковы были воззрения православного духовенства на причины распространения социальных пороков в обществе и пути их преодоления?

Следует заметить, что уже с момента начала издания, в одном из номеров журнала за 1866 г., анонимный автор рассуждал на тему «Составляет ли вино существенную потребность для народа?» Радетель за народное благо с возмущением писал о том, что: «у нас есть еще и такие поклонники водки, которые усиливаются доказать, необходимость для народа умеренного или, как они говорят, равномерного употребления хлебного вина». Критике подверглись доводы о том, что водка якобы необходима, чтобы укрепить желудок человека, согреть тело от стужи, поддержать ослабевшие от трудов силы, усилить питательность грубой растительной пищи. Но эти положения защитников водки, по мнению безымянного автора, не имели под собой основания: «Умеренное, но частое употребление народом водки обращается обыкновенно в гибельную страсть пьянства, которое ослабляет силы рабочего человека, внушает ему отвращение к труду, истощает его деньги, которые без того пошли бы на поддержание хозяйства, и развивает в нем самые гибельные страсти»[2].

---

[1] Мачинский Е. Печальный голос одного из трезвенников Пензенской губернии об алкоголизме и картежной игре // ПЕВ. 1912. №10. С. 399.

[2] Составляет ли вино существенную потребность для народа? // ПЕВ.1866. № 24. С. 847-851.

Рассуждая о причинах нетрезвости простого народа, священник А. Муромский заметил, что тяга к водке русского человека обусловлена не только особенностями национального характера, но и тяжелыми условиями жизни: «Широкой натуре простого русского человека водка приходится как раз по плечу. Нашему крестьянину нравится в пении – громко, в цветах и красках – ярко, в пище – жирно, в питье – крепко <...> Не имея возможности удовлетворить своему задушевному желанию жить повеселее, он должен создавать себе хотя воображаемое утешение»[1]. Кроме того, автор поделился наблюдениями о том, что после освобождения от крепостного права пьянство стала шире распространяться в бывших «барских селах»: «Сделавшись вольными, барские крестьяне разом кинулись на те порядки, которые выработали вольные, и, благодаря свободе самоуправления, – как показало последующее время, – в совершенстве применили их сначала к общественной, а потом и к частной своей жизни, так что теперь, по степени пьянства, трудно стало отличить барское село от вольного»[2].

Однако в другой статье этот же автор высказал мнение, что, несмотря на склонность к потреблению алкоголя, в народе живет «древний основной взгляд на пьянство, как на такой порок, который, отдаляя человека от Бога, всецело предает его во власть диавола». А. Муромский даже подтвердил свое предположение на примерах народных пословиц: «Бог строит церкви, а бес кабаки», «Храм Божий людей сзывает, звонит, а бес в кабак их гонит», «Храм Божий близко, да ходить склизко, а кабак и далеконько, да хожу потихоньку», «Кабак полюбил, Бога позабыл»[3].

Священники обращали внимание на массовое распространение нетрезвости в определенные дни календарного года: «наш народ любит выпить во всякое время, – писал священник Л. Ключов, – но во дни

---

[1] Муромский А., священник. Причины нетрезвости простого народа в Пензенской губернии // ПЕВ. 1893. № 8. С. 312–313.
[2] Там же. С. 317.
[3] Муромский А., священник Пьянство в народных пословицах // ПЕВ. 1902. № 10. С. 409–410.

масляницы он пьет поголовно, без различия пола и возраста: на масляницу пьют парни и девки, мужики и бабы, старики и старухи и, тяжело сказать, пьют даже малые дети <...> «Такова уж масляница; на то она и дана, чтобы пить до дна», говорят, обыкновенно, опьяневшие, простые люди»[1].

Священнослужители пытались остановить распространение пьянства своей проповеднической деятельностью. Так, священник Василий Милов, обращаясь к прихожанам с поучением о пьянстве, наглядно описал картину уничтожения семейного благополучия из-за пьянства: «Посмотрите, слушатели, как жалко то семейство, в котором отец, или мать подвержены этому пороку! Может ли быть спокойствие в таком семействе? Может ли здесь хорошо идти хозяйство? Отец семейства, предавшись пьянству, забывает в это время, что его ждут жена и дети, может быть часто сидящие в голоде и холоде; забывает, что у него дома осталась скотина также без корма, между тем как он сам и сыт, и пьян. Жена и дети в слезах. Наконец его дождались домашние, – но какого? – О! лучше бы он не приходил: грозного, страшного; он стучит, ругается сквернными словами; дети от испуга забиваются в угол; он находит вину на жене, и, если она не успела убежать, хватает ее и бьет чем попало – совершенно невинную»[2]. Пьянство доводило некоторых крестьян не только до продажи за бесценок скота, домашних вещей, но и части земельного участка. Нередко в таких хозяйствах происходила гибель лошадей, что делало невозможным продолжение земледельческих работ и ставило семью перед угрозой голода. «Мужичок приходит в отчаяние, и вот с горя начинает опять пить и пить, – продолжает свои печальные наблюдения священник. – Наконец, от вина и сам умирает, оставив несчастными жену и детей. Вот вам и падает семейство; такие

[1] Ключов Л., священник. Чтение для простого народа о вредных следствиях пьянства // ПЕВ. 1883. № 7. С.11.
[2] Милов Василий, священник. Поучение о том же [о пьянстве] // Слова, беседы и поучения пастырей. Т. 2 // ПЕВ. 1882. №24. Прил. С. 58.

жалкие случаи бывают очень часто: как бы ни было богато семейство, если в него вкрадется порок пьянства, всегда оно обнищает и падет»[1].

Многие священнослужители не ограничивались проповеднической деятельностью и лично посещали дома своих прихожан, чтобы наглядно удостовериться в условиях проживания. Например, священник Л. Ключов рассказывал на страницах журнала о своем потрясении от увиденного после визита в дом прихожанина: «И что же я увидел в нем? Около шестка детскую колыбель, с лежащим в ней ребенком, покрытым какими-то отвратительными лохмотьями; а сестренка этого младенца лежала на печи и оттуда убаюкивала малютку. Матери этих несчастных детей не было дома; она отогревалась у соседа, а отец?.. Отец был в кабаке. Взгляните на двор нетрезвого? И тут вы не найдете ничего отрадного. Скота у него почти нет никакого: ни лошади, ни коровы. Малым деткам, любителям молочка, и полакомиться нечем. Посмотрите в его амбары? – они пусты; скоро, скоро у жены и детей не будет даже и горелой корки, чтобы утолить голод. И если добрые люди не принесут хлеба, или пьяный отец не отдаст своего восьмилетнего сынишку в пастухи с тем, чтобы на одну часть, вырученных от этой безотрадной сделки, денег купить семье хлеба, а другую снести в кабак, – несчастная семья хоть с голоду умирай. Словом, семья пьяницы переносит всегда и во всем ужасные бедствия»[2].

Некоторые авторы журнала обращали внимание читателей на распространение алкоголизма вне семейного быта – в школах. Духовенство отмечало тревожные факты распространения «школьного алкоголизма». В частности, священник В. Чернозерский в своей статье приводит пример опросов учащихся Тверской и Казанской губерний. Так, в с. Погорелое Городище Тверской губернии из 45 учеников церковно-приходской школы 35 мальчиков пили и уже напивались допьяна. Из 60 учеников земской

[1] Милов Василий, священник. Поучение о том же [о пьянстве] // Слова, беседы и поучения пастырей. Т. 2 // ПЕВ. 1882. №24. Прил. С. 58–61.
[2] Ключов Л., священник. Чтение для простого народа о вредных следствиях пьянства// ПЕВ. 1883. №7. С. 11.

школы 51 пробовали уже водку, 20 были пьяны, 11 выпили однажды и 9 многократно. В одной из школ Казанской губернии обучалось 58 детей, из них старших обучающихся 10 человек, все напивались до пьяна. В среднем отделении 21 человек, из них 10 пробовали водку, а 5 уже испытали состояние опьянения. В младшем отделении 27 человек, из которых 14 испытывали опьянение неоднократно, и только 8 не пили[1].

Способы преодоления «школьного алкоголизма» священнослужители видели в личном положительном примере наставника и просветительской работе, т. е. разъяснении вреда пьянства для организма человека. Священник В. Чернозерский был убежден, что самым верным залогом успешного начала борьбы с алкоголизмом школьников нужно считать «личный пример совершенной трезвости». Необходимыми, по его мнению, были живые беседы о вредном влиянии спирта, на организм человека, особенно на желудок, печень, сердце и почки, а также чтение рассказов из жизни пьяниц и трезвых людей[2].

Показательно, что некоторые представители духовенства применяли метод опроса общественного мнения, чтобы понять масштабы социального бедствия. Например, протоиерей И. Ягодинский, стал самостоятельно производить опросы школьников. В ходе экзаменов в 12 народных школах Нижнеломовского уезда (8 школ земских и 4 церковных) он собирал сведения от учащихся о потреблении спиртных напитков и всюду получал печальные подтверждения о пьянстве детей-школьников, особенно в дни престольных праздников. Одна учительница с прискорбием рассказала автору, что в дни праздников и осенних свадеб школьники напиваются и пьяные ходят по улицам. Другая учительница отметила понижение успеваемости («успешности ответов») оканчивающих курс школы учеников и объясняла это тем, что после престольного праздника ученики более четырех дней не посещали школы. Она посылала за ними, но явиться на

[1] Чернозерский В., священник. Народная школа в борьбе с алкоголизмом // ПЕВ. 1907. №20. С. 980.
[2] Там же. С. 982.

занятия они не могли с похмелья, так как одни лежали от пьянства больные, а другие похмелялись[1].

Протоиерей И. Ягодинский констатировал, что данные официальной статистики и исследования врачей свидетельствуют: школьный алкоголизм становится явлением широко распространенным. Употребление алкоголя в детстве неизбежно порождает алкоголизм в дальнейшем, чем и объяснялась необходимость борьбы именно со школьным алкоголизмом, что позволило бы предотвратить алкоголизм взрослых[2]. Ягодинский призывал читателей: «Долг руководителей народа – священников, учителей и интеллигентных лиц деревни – постоянно и всюду внушать родителям, чтобы они оберегали детей от знакомства с водкой и старались внушать отвращение к этому яду». Школа, как «рассадник просвещения», должна быть главным проводником идеи антиалкогольного воспитания[3].

Другой автор, священник Н. Быстров, рассуждал о том, что для искоренения пьянства своих прихожан усилий священнослужителя недостаточно, потому что пьянство – «порок вековой, порок всесильный». Значит бороться с пьянством нужно не одному священнику, а сообща всем, прежде всего, лицам волостного и сельского управлений (имелись в виду волостные старшины, сельские старосты волости, помощники старшины). Однако Быстров разочарованно заметил, что именно те лица, кто должен помогать священникам, «по своим плотоядным интересам, в ожидании верной добычи, поддерживают, в большинстве случаев, кабатчиков, этих хитрых и пронырливых эксплуататоров простого народа, и стоят за открытие питейных, что и составляет, на наш взгляд, первый тормоз при закрытии последних»[4].

---

[1] Ягодинский И., протоиерей. Школьный алкоголизм и борьба с ним // ПЕВ. 1913. №20. С. 817.
[2] Там же. С.815.
[3] Там же. С. 815–817.
[4] Быстров Н., священник. К вопросу о том, что может сделать священник для искоренения пьянства между своими прихожанами // ПЕВ. 1886. №21. С.12.

Представители духовенства наблюдали проявления народного пьянства не только в приходской жизни, но и во время светских общественных мероприятий. Священник Василий Милов призвал читателей обратить внимание на распитие вина во время «мирских сходок» и тягостные последствия пьянства для общественного самоуправления: «Ведь не бывает ни одной сходки, на которой бы не пилось и не лилось вина! Вот собралась сходка для выбора сельского начальства – и где же? У питейного дома! Первый вопрос: кто ставит столько-то ведер вина, чтобы быть старостой? Выбирается желатель, – вино выпито; далее является другой, предлагает вина более, пьют и это, и таким образом обопьют человек пять и выберут того, который поднес больше всех, не разбирая, достоин он, или нет, – способен ли к такой должности, – оправдает ли то доверие, которое возлагает на него общество? Разве это порядок в обществе? Разве могут дела идти хорошо, когда, прежде чем обсудить дело, вы напьетесь?»[1].

Следует признать, что вплоть до начала XX в. усилия приходского духовенства не приносили желаемого результата отчастииз-за отсутствия должной организации и активности руководителей. Но в 1907 г. на Пензенскую кафедру прибыл Преосвященный епископ Митрофан (Симашкевич), который настойчиво благословлял духовенство на создание новых обществ трезвости и соответственно рост числа трезвенников. Так, согласно статистическим данным, в 1890–1907 гг. было открыто всего 8 обществ трезвости. Только в 1907 г. появляется 5 новых объединений, в 1908г. – 12, в 1909 г. – 26, в 1910 г. – 32. В 1911 г. до 25 сентября, даты открытия Епархиального общества трезвости, на территории губернии насчитывалось 40 обществ. До 25 сентября 1911 г. было открыто 124 общества трезвости, в составе которых значилось 6124 трезвенника. После 25 сентября и до окончания 1911 г. было открыто еще 128 обществ трезвости, в

[1] Милов Василий, священник. Поучение о том же [о пьянстве] // Слова, беседы и поучения пастырей. Т.2 // ПЕВ. 1882. № 24. Прил. С. 58–61.

составе которых числилось 7116 трезвенников. Итак, к концу 1911 г. было всего зарегистрировано обществ трезвости 252, а трезвенников –13244[1].

В подстрочных комментариях к статье Мачинского, от имени редколлегии ПЕВ, отмечалось, что трезвенников насчитывалось значительно больше, но они, «будучи самыми похвальными лицами в отношении трезвости», не хотели привлекать к себе общественное внимание и быть зарегистрированными в официальных документах, хотя пастыри церкви их знали лично[2].

Кроме того, в комментариях редакции высказано возражение против утверждения Мачинского, что многие пастыри «открывают общества трезвости под личиною продолжать прежнюю свою рутинную жизнь». Редакция не поддержала данное мнение и высказалась в защиту духовенства: «Обвинение крайне обидное и совсем незаслуженное. Среди пастырей церкви Пензенской епархии, конечно, найдутся такие, которые в деле борьбы с народным пьянством стоят не на высоте своего призвания; могут к этому предмету относиться равнодушно по новизне самого дела и, пожалуй, по нерадению и даже легкомыслию, но все это не дает права Мачинскому подозревать или даже обвинять пастырей в двуличии. Пусть он помнит, что и на солнце есть пятна. А если по отдельным личностям мы будем строить заключения о всех пастырях церкви – наши суждения будут односторонними и неправильными»[3]. От имени редакции утверждалось, что в Пензенской епархии абсолютных трезвенников в духовном сане насчитывалось до 1000 человек. И пастыри церкви многое сделали для борьбы с народным пьянством, обращаясь с церковной кафедры, беседуя в домах прихожан, организуя народные чтения. Поэтому нет оснований обвинять духовенство Пензенской епархии в равнодушии относительно борьбы с народным пьянством, а также в двуличии при открытии обществ трезвости.

---

[1] Мачинский Е. Печальный голос одного из трезвенников Пензенской губернии об алкоголизме и картежной игре // ПЕВ. 1912. №10. С. 400.
[2] Там же. С. 400.
[3] Там же. С. 401.

Решительный настрой пензенского духовенства в борьбе с пьянством подтверждают единогласные постановления Епархиального съезда в 1910 г.: 1) обязательно открыть общества трезвости во всех приходах, 2) распространять идеи трезвости в народных школах и с церковной кафедры и 3) для об единения всех обществ трезвости в пределах Пензенской епархии организовать в г. Пензе центральное общество трезвости. В постановлениях была рекомендация: «При организации обществ трезвости, в числе первых лиц абсолютного воздержания от винопития, мы видим пастырей церкви и других членов причта»[1].

Деятельность обществ трезвости не могла обходиться без активного участия духовенства, поскольку приходилось противостоять конфликтам, разжигаемым т. н. «шинкарями». Так, священник В. Чернозерский на основе своего трехлетнего опыта борьбы с народным пьянством написал историко-статистический очерк, в котором рассказал о внутренней жизниобщества трезвости в с. Сергиевском-Поливанове Керенского уезда. Каждый член общества при вступлении в его состав давал торжественное обещание. Ежемесячно проводились общие молебны о здравии всех членов общества, паломничества членов общества к местночтимым святыням. Состоялось открытие собственной чайной общества, где в осенние и зимние месяцы устраивались религиозно-нравственные чтения. Однако обнаружилась «язва здешних мест», писал Чернозерский: «шинкарки, свободно торгуя водкой, чувствуют в лице трезвенников сильных врагов своей легкой наживы и мстят им. Мстят легко, низко, но упорно. Против общества трезвости у них всесильное в темной деревне средство – сплетня и клевета»[2]. Но, несмотря на противостояние «шинкарок» в Пензенской епархии, были села, где, по совету

[1] Мачинский Е. Печальный голос одного из трезвенников Пензенской губернии об алкоголизме и картежной игре // ПЕВ. 1912. №10. С. 401.
[2] Чернозерский В., священник. Три года борьбы с народным пьянством: Историко-статистический очерк // ПЕВ. 1911. №8. С. 294–298.

Пензенского епархиального общества трезвости, были закрыты винные и пивные лавки (например, с. Веселовка)[1].

Запрещение торговли крепкими спиртными напитками после вступления России в Первую мировую войну представителями духовенства было встречено одобрительно. Например, пензенский священник Иоанн Померанцев писал: «Запрещение спиртных напитков и наступившая трезвость среди всего населения нашей великой родины в высшей степени оказались благодетельными и отрадными, так как все получили возможность и свободу начать новую, светлую и разумную жизнь…». В новой жизни появились трезвые праздники и свадьбы, резко понизилась преступность, сократилось число пожаров, увеличилась производительность труда, сократилось нищенство и бродяжничество, воцарился покой в семьях: «Одним словом, жизнь всего населения резко изменилась, стала тихой и мирной». Автор призывал духовенство «взяться за дело борьбы за всеобщую трезвость», сплотиться, возвысить пастырский голос, объединить учителей, врачей, общественные организациии ходатайствовать перед Царем-Батюшкой и правительством о «закрытии навсегда продажи не только крепких спиртных напитков, но пива и виноградных вин»[2].

По инициативе земства в 1915 г. в пензенской деревне был проведен опрос населения на предмет выяснения последствий закрытия питейных домов и отношения крестьян к запрету открытой продажи вина. Организаторы опроса пытались ответить на вопрос,в перспективе потребуется установить запрет навсегда или следует возобновить продажу алкоголя? Ответы получились однозначными: «Деревня требовала прекращения спаивания, отравы и разорения страны. Сама деревня сознает, что она пила, и что добровольно она не перестанет пить, но пить она не

[1] Протодиаконов А., протоиерей. Дело трезвости в Пензенской епархии // ПЕВ. 1914. №2. С. 58.
[2] Померанцев Иоанн, священник. Великая роль духовенства в борьбе за трезвость и благие плоды ее // ПЕВ. 1915. №5. С. 154-157.

желает»[1]. Период свободного «умеренного» потребления вызвал в стране поголовное пьянство, а краткий период запрета продажи алкоголя привел империю к «завидному состоянию».«Такое решение вопроса оказалось настолько удачным, что России начинают подражать не только союзники, но и враги», – написал анонимный корреспондент ПЕВ[2].

Священник Иоанн Померанцев в статье «Деревня в дни войны» обратил внимание на то обстоятельство, что крестьянская молодежь вместо водки стала заниматься картежной игрой и нередко проигрывала крупные суммы: «Это прискорбное явление объясняется тем, что простой русский крестьянин вследствие своей неразвитости не может более правильно использовать свободное праздничное время, не может сосредоточиться и приучить себя к более разумной деятельности. Но пока этот порок еще не вошел в привычку, не пустил глубоких корней, пока есть возможность уничтожить его, как сорную траву, то следует поспешить вступить с ним в серьезную борьбу и тем обеспечить дальнейшее оздоровление великого русского народа»[3].

Восторженные констатации многочисленных авторов по поводу победы трезвости в российском обществе оказались преждевременными. В публикации критически настроенного автора, обозначившего только инициалы Н. Б. (возможно, это священник Николай Быстров, – С. Д.), читаем: «Не вытерпела, стало быть, матушка-Русь и <...> снова «запила». Запила после того, как о запрещении торговли вином ходатайствовали около 200 земств, свыше 200 городских дум, многие кооперативы и иные общественные организации, т. е. когда даже самый вопрос о возобновлении торговли вином, хотя бы и слабым, казалось, отпал раз навсегда»[4]. Автор призывал увеличивать число обществ трезвости: «И чем больше будет

[1] Положение вопроса о народной трезвости и отношение к нему духовенства // ПЕВ. 1915. №7/8. С. 272.
[2] Там же. С. 277.
[3] Померанцев Иоанн, священник. Деревня в дни войны // ПЕВ.1915. №15. С. 627.
[4] Н. Б. Нужна ли работа обществ трезвости в настоящее время? // ПЕВ. 1916. №5. С. 170.

обществ трезвости, тем больше будет и надежд на успех в борьбе с пьянством». Учителя, врачи должны объединиться вокруг Церквии пастырей: «Пусть это будут своего рода партизанские отряды в борьбе с нашим исконным внутренним врагом – народным пьянством»[1].

Итак, анализ публикаций ПЕВ убеждает в том, что Русская Церковь исторически относилась к пьянству как к общественному пороку, с которым стремилась бороться, опираясь на здоровые нравственные силы самого общества. Православное духовенство, осуществляя служение внутри народных масс, острее остальных сословий осознавало пагубность распространения алкоголизма среди всех слоев общества, включая детей. Церковь не только обращалась к пастве с порицанием пагубного порока через слово проповеди, но и призывала к соработничеству государство, земства, общественные организации, народную школу, интеллигенцию. Церковное движение за создание обществ трезвости превратилось в один из влиятельных факторов общественной жизни на рубеже XIX–XX веков.

Таким образом, в результате анализа освещения повседневной жизни крестьянства на страницах ПЕВ выявлено, что крестьянство существовало в условиях острого малоземелья, недостаточного уровня образования и медицины, технической оснащенности крестьянских хозяйств, отсутствия результативных практик возделывания земли, низкой урожайности, массовой бедности, рецидивов голода, вынужденной миграции в условиях «отхожих» промыслов и т. д. В итоге происходило: угасание культурных традиций крестьянского мира, разрыв устойчивых социальных связей и кризисные явления в религиозно-нравственном состоянии общества. В моменты экстремальной повседневности (эпидемии, голод, войны) положение крестьянства стремительно ухудшалось. Авторы ПЕВ пытались понять причины бедности своих прихожан-крестьян, анализируя их занятия, образ жизни, масштабы распространения пьянства.

---

[1] Н. Б. Нужна ли работа обществ трезвости в настоящее время? // ПЕВ. 1916. №5. С. 174.

Для духовенства обыденными явлениями стали зависимость доходов священников от помещиков и прихожан, необходимость совмещения служения с земледельческим трудом или промыслами, бедность.

Религиозно-нравственное состояние населения, с точки зрения духовенства, совмещало противоположные явления: уважение к законам, религиозность, сохранение общинных традиций, а также неграмотность, суеверия, языческие пережитки, знахарство, сквернословие, пьянство, небрежное отношение к кладбищам, воровство, «напрасное собирание милостыни» (совр. «мошенничество»), азартные игры, «плутовство» (лживость), «щегольство». Самым распространенным общественным пороком, с точки зрения духовенства, было пьянство (алкоголизм), которому Русская Церковь противопоставила борьбу за трезвость.

Дихотомия повседневности крестьянского мира усугублялась по мере нарастания перемен, происходящих под влиянием модернизационных процессов пореформенного периода, и, в первую очередь, урбанизации.

ГЛАВА 3. ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ

3.1. Массовые настроения в периоды военных конфликтов

Роль православного духовенства в годы военных конфликтов, в которых участвовала Российская империя во второй половине XIX – начале XX в., нашла отражение в многочисленных публикациях историков В. М. Котова, О. В. Колпаковой, П. С. Резухина, В. Д. Кузнецова, В. А. Федотова и др. Исследователи анализируют влияние благотворительной деятельности, организации сбора пожертвований, пастырского служения духовенства на массовые настроения в обществе[1], но немногие ученые используют «Епархиальные ведомости» как исторический источник[2].

Хотя экстремальная повседневность военного времени нашла отражение на страницах «Епархиальных ведомостей» в многочисленных публикациях, посвященных Русско-турецкой, Русско-японской, Первой мировой войнам.

Дефиниции «война», «во*и*ны», «военная служба» по частоте упоминаний в оглавлении ПЕВ среди терминов, характеризующих политические отношения, находятся на втором месте после терминов «Государь», «Император» (см. Приложение № 6).

---

[1] Котков В. М., Коткова Ю. В., Ивашко М. И. Военное духовенство в Первой мировой войне. В 4 томах / Том I. Санкт-Петербург, 2022; Резухин П. С. Общественно-политическая активность православного духовенства в годы Первой мировой войны (на примере Тульской епархии) // Вестник Калужского университета. Серия 3. История. Политика. Право. 2024. № 1 (4); Кузнецов В. Д. Участие православного военного духовенства России в Первой мировой войне // В сборнике: Война и мир в отечественной и мировой истории. материалы международной научной конференции: в 2 т. Санкт-Петербург, 2020.

[2] Колпакова О. В. Организация сбора пожертвований православным духовенством Пензенской губернии в годы Русско-японской войны 1904-1905 гг.// Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии. 2020. № 3 (17); Колпакова О. В. Пастырское служение Пензенского духовенства в годы Первой мировой войны // Былые годы. 2021. № 16 (2); Федотов В. А. Военное духовенство в Русско-японскую войну (1904-1905 годы) // Межрегиональные Пименовские чтения. 2025. № 22.

Основной приметой повседневности военного времени стало опубликование списков погибших (списков нижних чинов, убитых в сражениях) и призывы к увековечиванию их памяти[1]. Кроме того, публиковались статьи с размышлениями по вопросам: почему возникают войны, в чем заключается сущность воинского подвига, какие формы благотворительности необходимы в военное время, какой должна быть помощь тыла фронту и мирным жителям на территории конфликтов, а также воинам и их семьям и т. д.

Первые публикации такого рода появились в ПЕВ во время Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., – войны между Российской империей и союзными балканскими государствами с одной стороны, и Османской империей с другой, в рамках Восточного кризиса. В России использовалось еще одно название – «Восточная война». Так, 17 апреля 1877 г. в Пензенской епархии состоялся молебен, где был зачитан манифест «О даровании нашим войскам побед над врагами христианства». 24 апреля, две недели спустя после объявления Высочайшего манифеста о войне России с Турцией, епископ Григорий (Медиоланский)[2] выступил в Кафедральном Соборе и определил цель Русско-турецкой войны: «Снять и сокрушить тяжкое турецкое ярмо, которое несколько веков носит восточный христианин, – нам известная давно задача поднятого в настоящие дни нашего оружия»[3].

Священник Николай Любимов в «Обзоре русско-турецкой войны 1877 г.» тоже подчеркивал отсутствие завоевательных целей у России: «Война объявлена Турции не для увеличения могущественного славного царства русского, не для приобретения золота и серебра, нет, – нам не нужно чужих земель, у нас своей земли много. Дать православным славянам свободу жить мирно, возвратить отнятое у них, не дать варварству турок попирать честь

---

[1] Список нижним чинам, убитым в сражении против неприятеля в июне 1877 года. ПЕВ. 1877. №17. С. 31; К сведению семейств пензенских солдат // ПЕВ. 1877. № 21. С. 26

[2] Григорий (Медиоланский) был епископом Пензенским и Саранским с 1868 до 1881 г. URL://https://пензенская-епархия.рф/история-епархии/святители-пензенской-земли/григорий-i-медиоланский/(дата обращения: 01.01.2022)

[3] Пенза, 15 мая 1877 года (война с Турцией) // ПЕВ. 1877. №10. С. 1.

человека и христианина, не дать насмехаться над Крестом Спасителя, – вот из-за чего объявлена война Турции»[1].

Любимов охарактеризовал также роль самодержца-императора Александра III: «Любвеобильный Государь наш не желал войны, для него дорога кровь каждого русского воина. Поэтому он желал прекратить мученичество братьев славян и улучшить их быт мирным путем. Но Турция не хотела сойтись и покончить дело славян дружелюбным образом – даже задела честь самой России. Миролюбивейший Царь, истощив меру долготерпения, смотря на мученическую кровь славян и варварство турок, вынужден был, в смиренном уповании на Бога, призвать Россию к оружию…»[2].

Авторы ПЕВ описывали события, происходящие в Сербии, Болгарии и Герцеговине, стараясь вызвать сочувствие читателей. Так, Н. Смирнов убеждал читателей, что турки своей изобретательностью в истязаниях славян могут сравниться, и даже превзойти древних гонителей христианства: «Вздернуть христианина на виселицу, посадить его на кол, содрать с живого кожу, изжарить па медленном огне, – все это и многое тому подобное составляет для турецких варваров предмет особенного наслаждения».[3]

Сам автор был изумлен тем обстоятельством, что кровавая историческая драма гонений на христиан не осталась в прошлом, а продолжается «в последней четверти XIX в., гордящегося гуманностью и просвещением». Жертвой этого варварства стали восточные славяне, которые для русского народаявлялись старшими братьями по вере. «Мы обязаны неоценимым сокровищем: они первые принесли нам священные и богослужебные книги, они же научили нас и читать эти книги. Русский человек не любит оставаться в долгу, твердо памятуя, что долг платежом

[1] Любимов Николай, священник. Обзор русско-турецкой войны 1877 года // ПЕВ. 1878. №3. С. 1.
[2] Там же. С. 1.
[3] Смирнов Н. Пенза 1 октября (война с Турцией) // ПЕВ. 1876. № 19. С. 1.

красен», – так редактор журнала объяснил причину участия в войне с турками Российской империи[1].

Священники тоже разъясняли прихожанам суть происходящего во внешней политике России, подчеркивая необходимость защиты братских христианских народов. Например, священник Н. Студенцов писал: «Сердце содрогается при чтении тех мучений, какие испытывают тамошние христиане, а за что? За то, что они христиане, за то, что они – чада нашей православной Церкви. Это действительно мученики за веру Христову. И вот, говорю, наш человеколюбивый Государь, наш незабвенный Царь-Освободитель решился подать им руку помощи. Да, вся Россия знает, за какое святое и великое дело любви взялся наш Государь, и благословляет Его за это святое дело»[2].

Для того, чтобы вызвать у прихожан сочувствие к братьям по вере, священнослужители в статьях-поучениях подробно описывали трагедию Сербии и Черногории. Так, протоиерей Иаков Бурлуцкий писал, что братья по вере лишились крова, пищи и одежды, своих городов, сел, семейи совершают «отчаянные попытки самозащиты и спасения славянского имени от конечного истребления». Они взялись «за оружие правды, которое подняли на защиту своей веры, своей жизни и чести своих жен и дочерей»[3].

Редактор ПЕВ Смирнов пытался представить положение братьев по вере: «Будем помнить одно: там вопль, там стон, там скрежет зубов; там тысячи без пищи, без одежды, без крова, пристанища; там нужды, вопиющие нужды, порожденные войною и день ото дня увеличивающиеся»[4]. В статье возвеличивался воинский подвиг как подвиг христианина: «…больше сея

[1] Смирнов Н. Пенза 1 октября (война с Турцией) // ПЕВ. 1876. № 19. С. 1.
[2] Студенцов Н., священник. Поучение к сельским прихожанам о пожертвованиях в пользу раненых и больных воинов // ПЕВ.1878. № 2. С. 7.
[3] Бурлуцкий Иаков, протоиерей. Слово при поминовении русских воинов, убиенных в войне православных Сербов с Турками, и молении о даровании победы оружию славянскому. 29 Авг. 1876 года // ПЕВ. 1876. №19. С. 6.
[4] Смирнов Н. Пенза 1 октября (война с Турцией) // ПЕВ. 1876. № 19. С. 1.

любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя…»[1]. Автор восхищался благородством и отвагой добровольцев из России, отправившимся на помощь «несчастным сынам Сербии, Болгарии и Герцеговины».

Часть статей церковных авторов посвящена осмыслению сущности воинского подвига как подвига мученичества. Например, в августе 1876 г. протоиерей Иаков Бурлуцкий писал, что гибель на поле брани ради защиты единоверных братьев славян является подвигом героев-мучеников, которые ради защиты единоверных братьев, оставили отечество и свои семьи: «Подлинно, если есть венцы у людей для увенчания великих подвигов героев, …чью память сохранит история, доколе существуют славянские народы и стоит православное царство русское…»[2].«Вспомним, брат, слова Спасителя о любви, полагающей душу свою за братий своих. Мы далеки еще от такой любви; только немногим избранникам нашим даровал Господь умереть за своих страждущих братий: им и венцы сугубые!»[3] – обращался к читателям Бурлуцкий. Но каждый, по мнению автора, мог помочь молитвой и пожертвованиями «в пользу разоренных жителей Болгарии, Герцеговины, Боснии и Сербии, в пользу осиротелых детей, беззащитных старцев, изувеченных жен». Каждыйспособен отказаться от какой-либо прихоти – одного блюда своего стола, рюмки вина, булки: «…сколько бы сберегли мы средств на спасение страждущих! Сколько сохранили бы жизней, сколько облегчили бы страдании! Сколько утешения принесли бы сердцам, растерзанным зверством кровожадных поклонников Магомета!»[4].

Православное население Пензы и губернии сочувственно откликнулось на призывы принять участие в благотворительности. Благодаря активной

---

[1] Смирнов Н. Пенза 1 октября (война с Турцией) // ПЕВ. 1876. № 19. С. 1.
[2] Бурлуцкий Иаков, протоиерей. Слово при поминовении русских воинов, убиенных в войне православных Сербов с Турками, и молении о даровании победы оружию славянскому. 29 Авг. 1876 года // ПЕВ. 1876. № 19. С. 6.
[3] Там же. С. 6
[4] Там же. С. 6.

деятельности пастырей церкви, действовавших и словом, и собственным примером, были собраны немалые пожертвования.

Со страниц журнала продолжались обращения к священнослужителям «еще более усилить пастырский голос»[1]. И сельские священники составляли поучения для прихожан с призывами проявить милосердие и участвовать в благотворительности. Так, священник Н. Студенцов призывал к объединению усилий, вспоминая о былом единении сил для достижения победы отечественного оружия в прошлом: «Соединимся все воедино в этом святом деле, и святая любовь, одушевляющая нас – православных чад Церкви, принесет вожделенный плод. Припомним слова в Бозе почившего Государя нашего Императора Александра I, сказанные им всему русскому народу в 1812 г., во время нашествия на Россию Наполеона: «Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют». И, действительно, силы французские не одолели сил русских, хотя первые были превосходнее последних»[2].

Священник Николай Любимов писал, что настало время православному русскому народу объединиться, как бедным, так и богатым, и проявить милосердие к своему ближнему: «Помогите богатые и бедные! Богатый! Принеси, по совести, от своего избытка приношение в 5-ть, в 10-ть я в 100 раз противу бедного. Бедный! Дай и ты что-либо от своей скудости, лишь бы только даяние твое было от чистого сердца»[3].

Призывы к прихожанам участвовать в сборе пожертвований звучали не только в статьях, но и в проповедях под сводами храмов. Так, 24 апреля 1877 г. епископ Григорий (Медиоланский) по окончании молебна призвал жителей Пензы не только возносить молитвы о даровании победы российскому воинству, но и принести свои посильные пожертвования в пользу больных и

---

[1] Смирнов Н. Пенза 1 октября (война с Турцией) // ПЕВ. 1876. №19. С.1.
[2] Студенцов Н., священник. Поучение к сельским прихожанам о пожертвованиях в пользу раненых и больных воинов // ПЕВ. 1878. № 2. С. 7.
[3] Любимов Николай, священник. Очерк русско-турецкой войны 1877 года. Чтение для народа // ПЕВ. 1878. № 5. С. 21.

раненых воинов, а также и в пользу семейств тех воинов, которые «сложат свои кости во брани за веру, Царя и наше отечественное общественное и государственное благо»[1].

Частым явлением повседневной церковной жизни стало проведение молебствий для офицеров и солдат. Например, 23 июня 1877 г. в Пензенском Кафедральном Соборе совершалось молебствие по случаю отправления 160-го пехотного Абхазского полка, несколько лет квартировавшего в Пензе, на Кавказ в действующую армию. Храм был заполнен представителями гражданской власти, военными чинами, жителями г. Пензы. Епископ Григорий (Медиоланский) благословил полк образом чудотворной Иконы Казанской Божией Матери, чтимой жителями города Пензы, напомнив предание, как икона защищала город от врагов. Затем городской голова Пособцев поднес командиру полка образ Казанской Божией Матери, хлеб и соль, с надписью вокруг хлеба: «Пензенское общество 160-му Абхазскому полку»[2].

В условиях повседневности военного времени Русская Церковь особо выделяла социальную роль женщины как активной участницы помощи раненым воинам. Например, когда 26 июня 1877 г. происходило освящение и открытие лазарета для больных и раненых воинов, организованного Пензенским губернским земством и местным правлением общества Красного креста, епископ Григорий обратился к сестрам милосердия: «Нелегкий труд вы берете на себя, христолюбивые сестры милосердия, посвящая себя служению больным и раненым воинам. Придется вам проводить бессонные ночи у постели тяжко больных, слышать их вздохи и стоны от тяжких ран, увидеть, быть может, предсмертные судороги неизлечимо больных. В своих нелегких трудах утешайте себя тем, … что, служа больным и раненым

[1] Пенза, 15 мая 1877 года (война с Турцией) // ПЕВ. 1877. № 10. С. 1.
[2] Молебствие пред выступлением военного полка на Кавказ и речь Его Преосвященства Епископа Григория // ПЕВ. 1877. № 14. С. 1.

воинам, вы будете делать дело, угодное Господу. Все, что вы сделаете больным и раненым воинам, сделаете Самому Иисусу Христу»[1].

В открытии лазаретов активное участие принимали женские монастыри. Например, Пайгармский Параскево-Вознесенский женский монастырь содержал лазарет, рассчитанный на 130 человек раненых. Лазарет был размещен в большом двухэтажном здании, где помещалось 12 палат для раненых воинов и отдельные комнаты (операционная, перевязочная, аптека и кабинет врача). Медицинский персонал состоял из врача, фельдшера, 3 фельдшериц и 16 сестер монастыря. Все содержащиеся в лазарете раненые воины получали тщательный уход и заботу сестер обители, поэтому быстро излечивались[2].

Попечение о больных и раненых воинах повсеместно воспринималось как святое дело. Священник Н. Студенцов писал: «Со всех концов нашего обширного отечества собираются посильные жертвы на облегчение участи наших больных и раненых воинов. Это – обязанность, это – долг всякого русского, любящего своего Царя, свою веру, свое отечество. Нельзя думать, чтобы нашелся такой русский, который не пожертвовал бы чего-нибудь на такое святое дело…»[3].

Со страниц ПЕВ часто звучали напоминания соотечественникам о нуждах раненых воинов. Так, священник Николай Любимов Николай призывал: «Их надобно накормить, надобно напоить, надобно купить для них лекарств; чтоб залечить их тяжкие раны. Пусть же пожертвует на это доброе дело каждый из нас сколько кто может от трудов своих. У кого есть деньги, тот пусть жертвует деньгами; у кого есть холст, пусть тот даст холста; кто богат хлебом, тот пусть от избытка своего им делится…»[4].

---

[1] Открытие лазарета для раненых и больных воинов // ПЕВ. 1877. № 14. С. 4.
[2] Померанцев Иоанн, священник. В защиту православного духовенства и монастырей в переживаемое нами время // ПЕВ. 1915. № 21. С. 891.
[3] Студенцов Н., священник. Поучение к сельским прихожанам о пожертвованиях в пользу раненых и больных воинов // ПЕВ. 1878. № 2. С. 7.
[4] Там же. С. 7.

Для того чтобы привлечь внимание к тяготам воинской службы, автор даже описал картину воображаемого боя: «Подобно сжатым снопам, лежат рядами на ноле сражения раненые: один с оторванной рукой, другой с простреленной ногой, иной истекает кровью, ручьем текущую из раны, другой испускает последний предсмертный вздох. Лежат эти страдальцы на голой земле и, устремив свои молитвенные взоры к небу, – молят Господа Бога ниспослать им святое терпение. Что сталась с этими мучениками, если бы не было ухода? Они все почти должны бы умереть, или от холода или от тяжких ран». Но благодаря заботесо стороны братьев и сестер милосердия, раненые воины с поля сражения, даже под огнем неприятеля, перемещались в ближайший перевязочный пункт, где получали перевязки и пищу: «Сестры милосердия прилагают все свое старание и попечение, чтобы угодить больным…»[1].

Публикации на страницах журнала подтверждают, что в сборе пожертвований участвовали разные сословия. Анонимный автор в 1877 г. риторически вопрошал: «Наш простолюдин, безграмотный крестьянин знает, по-видимому, в чем наиболее нуждается наша действующая армия?» И далее сам ответил на этот вопрос, рассказав о письме начальнику Пензенской губернии от крестьянина-собственника Мокшанского уезда с. Богородского, Ивана Никифорова Ваваева. В его письмо были вложены семь полуимпериалов с просьбою отослать их, куда следует, на военные надобности действующей армии. Крестьянин был неграмотным, добрые люди написали ему письмо и за него подписались, но сам он знал, что золото принесет пользу. «И вот он [крестьянин] вынимает, быть может, последние, десятками лет сберегаемые золотые монеты и отдает их на нужды армии…Да вознаградит Бог сторицею этого разумного крестьянина!» – завершает свой рассказ безымянный автор[2].

---

[1] Любимов Николай, священник. Очерк русско-турецкой войны 1877 года. Чтение для народа // ПЕВ. 1878. № 5. С. 21.
[2] Из Пензы // ПЕВ. 1877. № 20. С. 28.

Другой пример благотворительности показала пензенская мещанка Варвара Елисеевна Попова, которая принесла председательнице местного управления Л. А. Татищевой ложечки и разные мелкие вещи из старого серебра в сумме на 9 руб. Передавая эти вещи, жертвовательница сказала: «Мы, матушка, люди темные, сами ничего не знаем, а вот в наших ведомостях пишут, что на солдатиков нужно золото да серебро, а не бумажки, вот я и принесла, что имела; есть вот еще чайничек, да никак он не чисто серебряный». «Добрая душа, да вознаградит тебя Господь за твою чистую от сердца идущую жертву!» – выразил признательность тот же анонимный автор[1].

Церковные авторы старались привлечь особое внимание общества не только к погибшим и раненым воинам, но и членам их семей. Так, священник Николай Любимов писал: «Други мои! Я уже сказал вам, что нынешняя кровопролитная война стоит нам целые десятки тысяч убитых и раненых воинов. А каково это для России? Представьте, сколько уже осиротело семейств, сколько малолетних детей, лишившихся своих отцов –родителей! … А сколько воинов искалеченных – лишившихся руки, ноги, – обреченных всю жизнь ходить на костылях! Какие же они после того кормильцы для своего семейства!»[2].

Поучения перед сборами пожертвований на нужды Общества Красного Креста вновь зазвучали в храмах в 1904 г., после начала Русско-японской войны. Священник Василий Остроумов обращался к читателям журнала: «Настало время испытания Божия для русского народа! Нам объявлена война и рукою дерзкого и языческого супостата уже пролита кровь христианская на дальней окраине нашей страны… Враг наш – Японцы не дождались конца мирных переговоров (России и Японии) па Дальнем Востоке и врасплох напали на нас, напали ночью, коварно, когда мы вовсе не ждали войны. Правительство наше решилось дать им твердый отпор и всюду начались

[1] Из Пензы // ПЕВ. 1877. № 20. С. 28.
[2] Любимов Николай, священник. Очерк русско-турецкой войны 1877 года. Чтение для народа // ПЕВ. 1878. №5. С. 21.

деятельные приготовления к войне. Вся Русь встрепенулась как один человек. Многие решились идти добровольцами на место военных действий, чтобы лично принять участие в деле защиты Веры, Царя и Отечества; все же вообще жертвуют от имений своих на военные нужды»[1].

Среди добровольцев оказался Павел Михайлович Прудентов, выпускник Пензенской духовной семинарии, осиротевший сын священника, студент медицинского факультета Томского университета. В мае 1904 г. он по собственному желанию отправился на Дальний Восток в составе санитарного отряда Красного Креста. По отзывам товарищей, Прудентов занимался в университете в «высшей степени усердно», большую часть времени проводил в кабинетах, лабораториях и клиниках. Плодом его занятий была ученая работа «Об иннервации селезенки», за которую ему присуждена была в 1902 г. золотая медаль. В ПЕВ был опубликован некролог, где сообщалось, что 28 декабря 1904 г. в Корее, вблизи Хондуна, студент был убит японцами во время нападения их на казачий разъезд, при котором он находился. По сообщению уполномоченного Красного Креста, Прудентов был прострелен пятью пулями. Нарукавная повязка Красного Креста была проколота и разорвана штыком уже после смерти, на теле остались колотые раны[2].

Военные события на Дальнем Востоке пробудили у сельских прихожан повседневный интерес к периодической печати – газетам и брошюрам. Анонимный автор сообщал в редакцию: «Наблюдения за читающей деревней дают поразительную картину того, как наше крестьянство чутко к событиям общественной в государственной жизни нашего отечества, как легко усвояет географию и эпизоды последней войны, правильно запоминает трудные для памяти места военных событий. Настоящая война будет в истории отмечена

---

[1] Остроумов Василий, священник. Поучение пред сбором пожертвований на нужды «Общества Красного Креста» // ПЕВ.1904. № 6. С. 215.
[2] Павел Михайлович Прудентов // ПЕВ. 1905. № 3. С. 168.

началом самостоятельной культуры деревни. Кончится война, – газета останется в деревне»[1].

Церковь стала ресурсом адаптации населения к экстремальной повседневности, через проповеди священнослужители морально поддерживали прихожанв годы Первой мировой войны, которая на страницах журнала именовалась как «Вторая отечественная, священная, общеевропейская война». Авторы писали, что настал «грозный час тяжелого испытания», когда каждый сын Отечества «должен без всякого промедления исполнить свей верноподданнический долг и всячески содействовать успешному окончанию войны «к благоденствию Отечества и славе Царя!»[2].

Протоирей СимеонМагнусов в статье «Взгляд на войну с точки зрения христианского разума и Св. Писания» описал состояние глубокого потрясения соотечественников: «Как величайшее несчастие, мировая война вышибла всех нас из нормальной колеи жизни. И стар, и млад, и богатый, и бедный, и пастух и извозчик – все заняты войною, все с нетерпением ждут добрых вестей с мест военных действий». В отличие от всех предыдущих войн,«…воюет весь мир, и народы истребляют друг друга такими усовершенствованными способами, о каких человечество не имело никакого представления еще десятки лет тому назад… Везде ужасы, ужасы и ужасы! И сколько вдов и сирот остаются беспомощными на всю жизнь, сколько крепких людей превращаются в жалких калек, в живые трупы»[3].

Магнусов размышлял над вопросом, почему существует и допускается Богом война, с точки зрения христианского вероучения. Война – «есть естественный плод греха», который проявляется в раздорах и разделениях отдельных личностей и целых народов. Война началась еще между ангелами, а затем братоубийством Каина. Однако не всякое насилие есть зло, не всякая война есть преступление, а воинское звание не есть служение

---

[1] Вопросы времени // ПЕВ. 1905. № 12. С. 588.
[2] На помощь нашим воинам // ПЕВ. 1914. № 16. С. 658.
[3] Магнусов Симеон, протоирей. Взгляд на войну с точки зрения христианского разума и Св. Писания // ПЕВ. 1914. № 19. С. 783.

безнравственное. Война есть вообще испытание для народа, требующее напряжения всех его сил, жертв, не только вещественных, но и жизнью, кровью. «Война всегда есть година трудная для народа, но и нужная для оживления и возбуждения народных сил, – утверждал Магнусов. – Много тяжких испытаний, приходилось переживать России и в старые годы. Но все эти бедствия нашими предками ценою неимоверных народных лишений преодолевались. Россия выходила из них обновленной и еще более могучей, чем прежде»[1].

Мнение, что «война сама по себе есть ужаснейшее зло», также высказал священник Иоанн Добронравов. Он предрекал, что христианство с радостью будет приветствовать то время, когда на земле прекратятся войны и настанет твердый и прочный мир. Христианство ждет наступления тех предсказанных пророками времен, когда люди перекуют мечи на орала: «Но пока Царство Божие еще не пришло на землю во всей силе, война является неизбежною и есть нечто такое, что входит в планы Божественного попечения о мире, и происходит, как говорит поэт: «не без воли Бога тайной». Посылаемая Богом за грехи людей, она является орудием очищения и исправления народов. Это очищение и исправление замечается во всех сторонах народной жизни. Прежде всего русский человек вспомнил Бога, которому выстроил величественные храмы, которому усердно молился, но которого за последнее время стал забывать»[2].

В статье «Война и духовенство», опубликованной анонимным автором в 1915 г., отмечена отличительная особенность массовых настроений: «Вторая Отечественная война» вызвала необычайный подъем народного духа. Ни одна из предшествовавших войн не влекла «такого могучего порыва высоких народных чувств». Все народы обширной и могучей России «дружно объединились вокруг своего Державного Вождя, разделяя его

[1] Магнусов Симеон, протоирей. Взгляд на войну с точки зрения христианского разума и Св. Писания // ПЕВ. 1914. № 19. С. 783.
[2] Добронравов Иоанн, священник. Как молятся на войне // ПЕВ. 1915. №20. С. 861.

глубокую скорбь о происшедшем и великий его гнев против грубых нарушителей мира»[1].

В дни войны, по мнению священника Иоанна Померанцева, дороже всего «целость народной воли». Автор поделился наблюдением, что с момента объявления войны вся страна возродилась и проявила высокий подъем духа: «В этот великий исторический момент все общественные организации стремятся к полному единению и дружному напряжение всех наличных сил страны и взаимному доверию власти и общества. А посему несдобровать упорному врагу, которому так давно хочется владычествовать над всем миром. Россия же, как великая Держава, не может более находиться в зависимости от немецкого засилья»[2]. В статье «Деревня в дни войны» он отмечал воодушевление и подъем народного духа. Кроме того, заметил новые явления в повседневной жизни, особенно в селениях и деревнях. Спустя год после начала войны в деревенском быту произошли перемены. Прекратилось пьянство, которое прежде было причиной преступлений, несчастий, неизлечимых болезней, самоубийств. Прекращение торговли спиртными напитками, по словам автора, крестьяне встретили с «полнейшим удовлетворением»: «Свет увидели мы», – это общая оценка современного положения дела»[3]. Распространение трезвости сделало крестьян более зажиточными, крестьяне стали тратить деньги не на водку, а на улучшение условий жизни: ремонт и строительство изб и амбаров, приобретение скота и орудий труда, одежду. Автор отметил, что «…влияние на всю жизнь деревни прекращения продажи всех спиртных напитков поистине колоссально; оно не поддается никакому описанию, никакому анализу, ибо оно сказывается буквально всюду, во всех мелочах деревенской жизни»[4].

Кроме материального улучшения положения крестьян стало заметным «высокое поднятие религиозного чувства», что подтверждалось храмами,

---

[1] Война и духовенство// ПЕВ. 1915. №9. С. 590.
[2] Померанцев Иоанн, священник. Деревня в дни войны// ПЕВ. 1915. №15. С. 627.
[3] Там же. С. 627.
[4] Там же.

переполненными молящимися в воскресные и праздничные дни. Молитвы к Богу о даровании нашим войскам победы над врагом, об исцелении раненых защитников Отечества и об упокоении воинов, погибших на поле брани. Со стороны крестьян увеличилось число просьб о совершении молебных пений, чтения акафистов с упоминанием имен воинов. Прихожане охотно участвовали в сборах пожертвований для Красного Креста, нужд армии, а также для пострадавших от военных бедствий, семей нижних воинских чинов, нищих и убогих.

Крестьяне провожали в действующую армию своих отцов, сыновей, братьев и близких родных, «утешая и ободряя их на великий подвиг». Увеличилось число желающих отправиться на богомолье к святым местам и монастырям «для удовлетворения своих религиозных потребностей». Среди паломников было много женщин, раненых и больных воинов[1].

Автор утверждал, что отрицательные явления жизни среди крестьян (пьянство, хулиганство, сквернословие, ссоры, драки) значительно сократились: «Уже не слышно безобразных песен, по улицам не валяются бесчувственные лица. Везде ощущается без полицейской власти образцовый порядок во всем и полнейшая тишина, так как у людей заметно проявилось какое-то высшее духовное просветление. Они стали разумнее и рассудительнее, начали интересоваться брошюрами, книжками и газетами, в которых сообщаются сведения с театра военных действий о храбрости и героизме русского воинства; вследствие чего сильно развивается народное воодушевление во время великой войны. Все молятся за своих борцов, желают победы над врагом»[2].

Жены и матери погибших воинов испытывали чувство утраты, но находили утешение в храме: «Насколько велика жертва этих погибших в бою, настолько велико и горе оставленных ими жен и матерей. В таком удрученном настроении они в общей со всеми прихожанами молитве и

[1] Померанцев Иоанн, священник. Деревня в дни войны// ПЕВ. 1915. №15. С. 627.
[2] Там же.

находят только наболевшему сердцу облегчение и подкрепление: всем вместе в приходском храме помолиться об упокоении убиенных воинов».

Священник охарактеризовал общее настроение прихожан так: «На войну никто не жалуется. Все считают ее необходимой. «На нас враги напали, а не мы на них, а посему и должны мы защищать свое дорогое отечество», – обыкновенно слышится среди народа»[1].

Св. Синод, в Определении от 8 апреля 1915 г., в целях оказания помощи оставшемуся населению деревни, особенно женщинам, призвал как православное духовенство, так и всех русских людей, позаботиться о том, чтобы матери-жены доблестных воинов, а также вообще все женщины, имеющие малолетних детей, были освобождены, на время полевых работ, от дневных забот о своих детях. Во всех селениях предлагалось создать особые временные детские приюты (ясли), где надлежало содержать детей под присмотром, оберегая их жизнь и здоровье, пока матери находятся на работе[2].

Благотворительность тоже стала одним из ресурсов социальной адаптации прихожан к военной повседневности. Св. Синод благословил пастырей немедленно открыть во всех приходах попечительные советы о семьях лиц, находящихся в войсках[3]. Состав данных советов должен был избираться собранием прихожан. Число членов совета и срок, на который они избирались, определялись добровольным соглашением самих прихожан каждого прихода. Участие причта и церковного старосты в совете было обязательным. Сами члены совета избирали из своей среды председателя. Совет составлял список семей, члены которых находились в армии. В списки вносили всех родственников: жену и детей, отца, мать, деда, бабку, сестер и братьев, если они содержались трудом призванного на армейскую службу. В списке необходимо было отмечать возраст и трудоспособность каждого члена семьи. Совет должен был выяснить имущественное положение семьи,

[1] Там же. С. 627.
[2] Там же. С. 627.
[3] На помощь нашим воинам // ПЕВ. 1914. № 16. С. 658.

определить размер средств, которых она лишилась из-за нахождения родственника в рядах армии. Если воин являлся главой семьи, то совет принимал меры «поддержать от упадка» его хозяйство, изыскивал средства для помощи этой семье в случае кончины главы семьи или увечья. Кроме того, совет обеспечивал семью до получения помощи от казны. По мере возможности, совет оказывал помощь и тем семьям, из состава которых на войну ушли младшие члены.

Совет осуществлял сбор пожертвований для обеспечения семей воинов. Учитывая незначительные денежные средства сельского населения, советам было предписано пожертвования принимать сырыми сельскими продуктами: «Сельский жертвователь охотнее даст по половнику муки десять раз, чем полуведерник сразу в один прием. Поэтому сбор пожертвований хорошо бы производить каждую неделю. Пусть члены совета в праздничный день объезжают приход на подводе с мешками для приема пожертвований не только мукою, рожью, пшеном, картошкою, капустою, луком, яйцами и пр. снедью, но берут и горсть пакли, клок шерсти, кусок холстины, пряжу, старую одежду, ненужную в доме ложку, горшок и даже плаху дров вязанку сена и пр.». Наряду с использованием натуральных продуктов допускалось обращение вещей в деньги. Такой способ сбора пожертвований был очень трудоемким для членов совета, но для деревни был наиболее приемлемым[1].

Членам приходских советов рекомендовалось при сборе пожертвований быть готовыми к отговоркам: «кому желаю, помогу и без вас». Совету надлежало обстоятельно объяснять прихожанам, что целью его создания является равномерная и своевременная помощь нуждающимся семьям призванных на войну лиц, а если в помощи руководствоваться только личной симпатией или родственным чувством, то некоторые семьи призванных на войну лиц останутся без всякой помощи: «Пред горем же грозной войны должны быть все равны и чувству личной симпатии или неприязни не должно быть места. Располагая прихожан к пожертвованию и

[1] На помощь нашим воинам // ПЕВ. 1914. №16. С. 658.

помощи семьям воинов, следует настойчиво указать, какие жертвы и лишения несет население тех губерний, где возможны военные действия с неприятелем»[1].

Св. Синод благословил причт и старост выдавать совету, в случае необходимости, пособие из церковных сумм. Без особого разрешения епархиального начальства разрешалось расходовать в этих целях не более 50 рублей.

Но кроме материальной помощи совет был обязан оказать моральную помощь семьям лиц, призванных на войну. Попечительный совет обязывался, в первую очередь, терпеливо выслушивать все жалобы жен призванных в армию.

Совет был обязан разъяснить семьям лиц, ушедших на войну, положение о призрении, предоставленном законом этим семьям. По закону 25 июля 1912 г. семейства низших чинов запаса и ратников ополчения, призванных по случаю войны на действительную службу, имели право на получение пособия от казны. Правом на это пособие пользовались: 1) жена и дети призываемого во всех случаях и 2) отец, мать, дед, бабка, братья и сестры призванного, если они содержались его трудом. Размер ежемесячного денежного пособия од казны каждому призреваемому члену семьи призванного определялся для каждой местности (уезда, волости) но расчету стоимости продовольственного пайка, состоящего из 1 п. 28 ф. муки, 10 ф. крупы, 4 ф. соли и 1 ф. постного масла. Дети до 5 лет получали половину. Старше 17 лет сыновья и незамужние дочери получали пособие в случае их нетрудоспособности. Правом на указанное пособие семьи призываемых могли воспользоваться с момента отправления отца на службу. Первая выдача производилась после обследования властями на местах личного состава семейств. Выдача пособий в селах осуществлялась через волостные правления.

---

[1] На помощь нашим воинам // ПЕВ. 1914. №16. С. 658.

В случае чрезвычайных обстоятельств (пожара, падежа скотины) семьи призванных могли ходатайствовать перед губернатором об особом пособии. В случае смерти или увечья призванного на поле брани попечительный совет должен был помочь семьям обратиться за пособием в благотворительные воинские общества (Алексеевское, Скобелевское, Общество повсеместной помощи и др.).

В этих обстоятельствах Попечительный совет осуществлял посредническую деятельностьпри обращении прихожан к властям, а именно: бесплатно писал и составлял прошения, заявления своим призреваемым по их просьбам. Справки, метрические выписи по делам призрения семей запасных причту выдавали бесплатно. Метрические выписи были необходимы для получения пособия от казны на детей. Совет был обязан помогать семье и заменить главу семьи в случае каких-либо семейных событий, например, на крестинах или похоронах члена семьи призванного на войну. Кроме того, совет должен был оказывать моральную поддержку родственникам: «…ободрять семьи призванных на войну и настойчиво советовать писать письма к близким, находящимся на войне, в добром духе. Пусть доблестные войны наши знают, что их дорогие близкие семьи под покровом христианского милосердия, согреты братскою любовью. Пусть без трепета за своих жен и детей они храбро пойдут исполнять свой тяжелый самоотверженный долг пред Родиною»[1].

Священник Померанцев высказался в поддержку устройства в каждом приходе т. н. «народного дома» под руководством православного духовенства. Этот вопрос тогда обсуждался Министерством народного просвещения, Министерством внутренних дел, земством и духовенством. По мнению сельского священника, «получится великая польза от устройства означенных народных домов в деле влияния на народ в лучшую сторону». Эти дома могут стать не только миссионерскими, но и просветительскими, общественными центрами: «…читальным залом, прекрасной народной

[1] На помощь нашим воинам // ПЕВ. 1914. № 16. С. 658.

аудиторией, откуда народ не только мог бы поучаться жизни христианской, но просвещаться, получать много сведений из жизни мира. Здесь же могут помещаться разные кооперативные учреждения; отсюда, могут зарождаться и проходить в народ новые начинания в деле устроения и организации жизни народа, здесь же всего удобнее теперь собираться приходским попечительным советам и волостным попечительствам по призрению семейств призванных на действительную военную службу, в которых приходское духовенство играет главную роль и больше всего несет труда». Кроме того, в народном доме крестьянские женщины, руководимые женами духовенства и учительницами, могли бы шить белье для действующей армии, обмениваясь вестями о ходе военных событий и читая письма с войны. Иначе говоря, в эти дома постоянно может приходить народ «со всякими нуждами для получения наставлений, назиданий, советов и руководств во всяком трудном деле»[1].

На страницах журнала появлялись статьи, авторы которых размышляли над вопросом, каким должен быть пастырь во времена тяжелых испытаний. Священник Николай Быстров писал, что «настоящая мировая война есть воистину суд Божий над народами», поэтому в ничью такая страшная война окончиться не может. Одна из воюющих сторон обязательно должна одержать решительную победу. Автор задавался риторическим вопросом: «На которую же из сторон выпадет это счастье?». И сам отвечал: «…победит тот, у кого имеется больший запас нравственных сил народных, кто полагается не на одну технику, но привык считаться и с идеальными настроениями и стремлениями народной души»[2]. По мнению автора, «война есть суд народов». И на весах правосудия восторжествуют правда, честь, свобода народов, право всех наций на жизнь и собственное самоопределение. Насилие, ложь, коварство – будут осуждены беспощадно. Иначе погибнут культура и нравственность: «Воцарится хам, беспощадный, жестокий тевтон,

[1] Померанцев Иоанн, священник. Деревня в дни войны // ПЕВ.1915. №15. С. 627.
[2] Быстров Николай, священник. Мотивы современной жизни по отношению к пастырю. (Из новогодних дум и пожеланий) // ПЕВ. 1916. № 1. С. 3.

у которого один девиз: «кулак – мое право, закон – моя воля»». Но для того, чтоб на суде народов склонила в свою сторону весы правосудия правда Божия, нужно страшное напряжение всех народов, так верующих и так мыслящих[1].

Быстров констатировал, что девиз «все для войны» понятен даже для простолюдина. Военное ведомство готовит новые кадры свежих войск, мобилизуется промышленность, осуществляются поставки снарядов и оружия от стран-союзников. Однако усиление технической стороны недостаточно для победы. Для успеха нужно мобилизовать еще нравственные силы народа: «Нам, русским, необходимо очиститься от всех старых наших прегрешений, разобраться в том, что около нас происходит и что нас ждет в том и другом случае, составить себе определенное миросозерцание и, имея ясный ум и твердую волю, строго держаться его (миросозерцания), бодрить себя и окружающих и не поддаваться впечатлениям минуты»[2].

Автор подметил нестабильность общественных настроений и наличие крайних суждений: «…вообще в нашей жизни нет середины. Ныне: мы «победим всенепременно», а завтра: «мы компанию уже проиграли безнадежно и бесповоротно». Бодрость народа, вера в конечную победу, как в торжество правды над насилием, готовность перенести всяческие жертвы во имя этой победы, – вот один из рычагов нашего конечного торжества, вот где должна происходить наша главная мобилизация. Военно-техническая подготовка идет своим чередом, но от этой подготовки не должна отставать, – мало этого, не только не отставать, во должна идти в главе и мобилизация нравственной мощи народа, его бодрости, его искренней веры в победу»[3].

Размышляя над ролью интеллигенции в происходящих событиях, Быстров подчеркивал: «Великие обязанности возлагает переживаемое время

---

[1] Быстров Николай, священник. Мотивы современной жизни по отношению к пастырю. (Из новогодних дум и пожеланий) // ПЕВ. 1916. № 1. С. 3.
[2] Там же.
[3] Там же.

на каждого интеллигентного работника. Тем более ответственны и серьезны до чрезвычайности обязанности современного пастыря сельского. Воистину он теперь должен быть центром духовной жизни прихода, должен быть «всем для всех»»[1]. Текущий момент автор назвал «небывалым в истории», когда «наш пастырь» должен все силы отдать своей пастве – «на войну и для войны». И, вместе с тем, должен быть нацелен на воспитание и охрану «здорового нравственно-христианского чувства народа, его нравственно-православных исконно русских чаяний, верований, расположений, настроений».

Современные обстоятельства зовут к живой воодушевленной проповеди: «Или победа, или позор; или жизнь и шествие вперед по пути прогресса, или – прозябание, одичание, вырождение. Приди же, пастырь духовный, Богом данный отец и вождь народный; и огненным глаголом жги сердце людей. Проникнись сам святыми настроениями веры, любви к родине, любви к угнетенным и оскорбленным, – и зови в эту область идеальных настроений твою паству. Говори, постоянно говори. Твоего живого слова паства жаждет. Посмотри, что за благодарную почву ты встретишь. Верь, что ни одно слово, ни один звук твоих вдохновенных речей не пропадут даром, но принесут обильные плоды. Говори только языком жизни, языком тех обстоятельств, чаяний и настроений, которыми живет твоя паства...»[2].

Быстров поделился своим наблюдением, что современные пастыри разучились говорит живым языком, их проповеди не волнуют прихожан, потому что посвящены догматам, которые и без того признают, или пересказывают известную им священную историю. Автор призывал проповедников обратить внимание на темы, от которых должно «разгораться сердце истинного христианского пастыря», например, на спекуляцию во внутренней торговле: «…торгашеские аппетиты на счет мирного, безответного населения разыгрались до бесконечности. Посмотрите, что

[1] Быстров Николай, священник. Мотивы современной жизни по отношению к пастырю. (Из новогодних дум и пожеланий) // ПЕВ. 1916. № 1. С. 3.
[2] Там же.

делается около нас! Как настоящие немецкие мародеры или дикие шакалы, набросились на обывателей иные торговцы, особенно крупные торговцы – предприниматели. Фабриканты и заводчики бешено взвинчивают цены на предметы даже первой необходимости, а чтобы еще больше оправдаться в атом хищничестве, они задерживают и скрывают продукты и товары, чтобы их не оказалось на рынке. По данной нам от Господа власти, не обязаны ли мы, современные пастыри, таких хищников обличить всенародно и сказать: «сребро да будет с тобою в могиле». Сделать это конечно мы должны в духе христианской кротости и любви, не указывая на лица, не раздражая и не озлобляя их, не разжигая против них народного гнева, но с тем авторитетом и весом, которые должны всегда сопровождать слово пастыря»[1].

Проблема увековечивания памяти погибших воинов тоже привлекала внимание церковных авторов и обсуждалась на страницах ПЕВ. Священник И. Померанцев в статье «Новое явление в религиозной жизни народа порожденное войной» в 1916 г. писал о масштабах людских потерь: «Великая отечественная война, каковой доселе еще не видели, длится уже третий год. Много жертв принес русский народ на алтарь Отечества, показав всему миру величие и красоту своего духа. Безропотно оставив свои дома и дорогие семьи, свято исполняют наши страстотерпцы – воины свой патриотический долг, совершая пред Богом подвиг в тайне и смирении духа, так как они горячо убеждены, что за них непрестанно молятся благословляющая их на ратный подвиг св. Церковь с ея служителями и родная отчизна. Два минувших года настоящей кровопролитной войны России с надменным и коварным врагом унесли много жизней дорогих наших отцов, братьев и сыновей. Еще более жертв надо ожидать от последующей борьбы с врагом, когда он будет изгоняться из пределов нашей Родины, – каковое время, к великой нашей радости, теперь уже и настало»[2].

---

[1] Быстров Николай, священник. Мотивы современной жизни по отношению к пастырю. (Из новогодних дум и пожеланий) // ПЕВ. 1916. № 1. С. 3.

[2] Померанцев И., священник. Новое явление в религиозной жизни народа, порожденное войной // ПЕВ. 1916. № 18. С. 605.

Автор описал новое и распространенное явление, порожденное войной, в религиозной жизни народа. Получив печальное известие с войны о героической смерти кого-либо из воинов, ближайшие родственники умершего устраивали на местном приходском кладбище могильный холмик, обкладывали его дерном, ставят крест, служили здесь заупокойные литии, часто приходили с детьми-сиротами поплакать, «излить из наболевшего сердца прискорбную грусть и поделиться своим горем, после чего на душе делается легче и отраднее». Вновь устроенную могилу считали принадлежащей своему родственнику – «храброму воину, в неведомом месте положившему душу свою за Веру, Царя и Отечество»[1].

Померанцев напоминал, что всякая могила имеет определенное назначение хранить прах умерших. Поэтому сооружение могильных холмиков, с этой точки зрения, не имеет смысла. Однако призывал проявить терпимое отношение к новому явлению: «так как в нем народное религиозное чувство в крайне затруднительном случае, как неизвестность места погребения, а часто лишение такового, ищет своего выхода, разрешения и удовлетворения. В этом явлении, хотя несколько бессознательно, несомненно, выражается глубокая мысль и искреннее желание простого русского народа приобщить дорогого и незабвенного покойника родной земле, где ближе к милым родным, хотя и бесчувственным и бездыханным телом, всякому желательно почивать. Настоящая великая война потребовала усиленного напряжения духовных сил народа, особого укрепления тех основ, на коих покоится внутренний мир доблестных воинов»[2].

Автор отметил, что служители Церкви в настоящую трудную годину оказались «на высоте своего призвания». На войне духовные пастыри, находясь вместе с солдатами, словом ободрения и утешения всегда поддерживают их в самые трудные для них минуты: во время пребывания их

[1] Померанцев И., священник. Новое явление в религиозной жизни народа, порожденное войной // ПЕВ. 1916. № 18. С. 605.
[2] Там же.

в передовых окопах, во время боя. И многие из пастырей «своей мученической смертью запечатлели верность долгу». В тылу служители Церкви тоже переживают вместе с духовными чадами «великие и ужасные испытания, какие вы пали на долю их пасомых». Неисчислимые жертвы на алтарь Отечества требуют от русского народа особой заботы. Православному духовенству необходимо принять все меры к охране одиночных могил воинов, разбросанных в лесах, на дорогах и других местах в освобожденных от неприятеля местностях. В сельских приходах, где религиозное чувство ищет своего выражения в сооружении могилок, память на поле брани убиенных и без вести пропавших воинов может быть увековечена сооружением памятников на кладбищах, на церковных погостах вблизи приходских храмов и даже на площадях, а также сооружением в храмах особых поминальных металлических таблиц (досок), помещаемых или вблизи киотов местночтимых икон, иди же вообще на стенах храма. По мнению автора, такие памятники и таблицы, которые уже были воздвигнуты во многих приходах после русско-японской войны, «сильно возбуждают и поднимают патриотическое чувство населения»[1].

Померанцев сослался на распоряжение Св. Синода 1915 г. о сооружении в церквах «поминальных» досок – чугунных настенных плит с именами умерших в боях приходских воинов. Автор выразил уверенность, что убитые в больших сражениях и погребенные в братских общих могилах не будут забыты православным духовенством и русским народом, будут построены величественные памятники, часовни и даже храмы, а в селах и деревнях будут сооружены особые поминальные металлические доски с именами героев – мучеников, погибших за Отчизну. Приходские священники призовут прихожан к пожертвованиям на эти цели. Кроме того, могут быть сооружены св. иконы, хоругви и другие священные предметы с перечнем имен героев. Автор предвосхищал, что для такого дела «весьма отзывчив

[1] Померанцев И., священник. Новое явление в религиозной жизни народа, порожденное войной // ПЕВ. 1916. № 18. С. 605.

православный русский народ, который для создания религиозного памятника великой войны не пожалеет даже больших средств. Создав таковые памятники, мы свято исполним долг чести пред всеми на брани подвизавшимися и положившими душу свою за нас, заплатим горячей любовью за их неоценимую жертву, а грядущему поколению дадим уроки благодарности и высокой поучительности»[1].

Сбор средств на сооружение православных храмов в местах погребения русских воинов для сохранения памяти о героях уже был начат. Священник П. Каменский из с. Салмановка так объяснял эту необходимость: «Да, православные, тысячи, наших братий, доблестных русских воинов, легли и покоятся в знаменитых, на чужой земле, могилах, а над ними поставленные деревянные кресты от времени приходят в ветхость и упадок. Но того ли, таких ли памятников достойны наши храбрые воины? И вот давно и очень многие истинно русские люди выражали желание почтить память павших воинов памятником, достойным их великих подвигов и смерти»[2]. Стремление соотечественников к увековечиванию памяти погибших воинов Церковь поддержала как проявление гражданских и религиозных чувств в общественном сознании.

Однако церковные авторы акцентировали внимание на критичном отношении к распространению суеверий. Неизвестный автор в статье «Суеверие на войне (Письмо с фронта)» поделился своим наблюдением: «Если в обыденной нашей жизни суеверие играет немалую роль, то на войне, где решается участь не одного, а целых сотен и тысяч людей, оно приобретает особое значение. Здесь подчас стирается грань между суеверием и истинной верой, между искренним Богопочтением и чистейшим

[1] Померанцев И., священник. Новое явление в религиозной жизни народа, порожденное войной // ПЕВ. 1916. № 18. С. 605.
[2] Каменский П., священник, с. Салмановка. Поучение по случаю сбора пожертвований на сооружение православного храма у подножия Балкан, для вечного поминовения воинов, павших в войну 1877–1878 г. // ПЕВ. 1885. № 24. – Прил. С. 18.

идолопоклонством. Амулеты, всякого рода заговоры и «молитвы» на войне в большом ходу»[1].

Автор вспоминает, что не раз видел, как седовласые полковники, ходившие много раз в бой, перед новой атакой старательно переписывали нелепую «молитву», присланную им неизвестным полуграмотным автором с тем, чтобы, как уверял автор «молитвы», избежать роковой развязки в предстоящей драке. Приводит пример подобной «молитвы», которую сам получил перед одним из боев. Текст «молитвы» переписывался разными людьми и содержал многочисленные ошибки. Получившему письмо делалось наставление переписать девять раз и разослать знакомым воинам на фронте. Исполнившим наставление была обещана радость на девятый день, а тем, кто не отправит письмо – всякие напасти. И даже приводился устрашающий пример, как «один богатый купец не обратил внимание» на «молитву», и третьего дня «убили его любимого сына». В конце данной статьи, опубликованной в конце 1917 г., автор выражал надежду, что «суеверие, вкоренившееся глубоко в организм русской Церкви при самодержавии, теперь с объявлением свободы должно исчезнуть»[2].

Итак, публикации авторов ПЕВ в годы военных конфликтов второй половины XIX – начала XX в. позволяют исследовать перемены в повседневной жизни и общественных настроениях провинции.

Авторы ПЕВ представили, с христианской точки зрения, взгляд на сущность любой войны. Война рассматривалась как «плод греха», который выражается в «раздорах и разделениях отдельных личностей и целых народов». Война есть «ужаснейшее зло» и «величайшее несчастье». Христианство с радостью будет приветствовать то время, когда на земле прекратятся войны и настанет твердый п прочный мир.

Русско-турецкая и Русско-японская войны рассматривались авторами как конфликты, основанные на конфессиональных противоречиях. Первая

[1] Суеверие на войне (Письмо с фронта) // ПЕВ. 1917. № 22. С. 728.
[2] Там же. С. 728.

мировая война расценивалась уже как «суд народов», отличавшийся от предыдущих военных конфликтов невиданными масштабами взаимного истребления народов усовершенствованными способами, о которых человечество прежде не имело никакого представления. Исход этой войны зависел от колебаний символических «весов правосудия». На одной чаше этих весов – «правда, честь, свобода народов, право всех наций на жизнь и собственное самоопределение». На другой чаше весов – «насилие, ложь, коварство», которые могут привести к гибели культуры и нравственности, утверждению принципа: «кулак – мое право, закон – моя воля».

Любая война – это не только «грозный час тяжелого испытания», «трудная година» для страны и народа, но и «время обширного доброго делания», «время милосердия к ближнему». Война требует напряжения всех народных сил, требует жертв не только в виде материальных благ, но и крови – людских жизней. Однако война оживляет и возбуждает народные силы, вызывает «необычайный подъем народного духа». Поэтому Россия выходила из всех войн обновленной и еще более могучей, чем прежде.

Осмысление сущности воинского подвига стало лейтмотивом всех публикаций, посвященным военным конфликтам. Главный вывод авторов: «воинский подвиг – это подвиг христианина». Неисчислимые жертвы на алтарь Отечества требуют от русского народа особой заботы о сохранении традиции памятования о погибших. Стремление соотечественников к увековечиванию памяти погибших воинов Церковь поддержала как проявление в общественном сознании высоких гражданских и религиозных чувств. Православному духовенству предписывалось принять меры к охране одиночных могил воинов, сооружать памятники (на кладбищах, церковных погостах, площадях), а также поминальные металлические таблицы (доски) в храмах. Новое явление, порожденное войной среди прихожан, сооружать могилы без праха умерших воинов, погибших или без вести пропавших вдали от Родины, вызвало сочувствие Церкви. В церковной жизни

повседневным явлением стали обряды благословения воинов, молебны о даровании победы и упокоении погибших воинов.

Церковь стала инициатором широкой благотворительности. Со страниц ПЕВ звучали напоминания о том, что «настало время православному русскому народу явить милосердие к своему ближнему». Попечение о больных и раненых воинах воспринималось как святое дело. В некоторых монастырях организовывались лазареты для раненых.

В приходах под руководством православного духовенства стали создаваться т. н. «народные дома», которые превратились в центры благотворительности и объединения усилий населения в тылу для помощи армии. Кроме того, организовывались попечительные советы о семьях лиц, находящихся в войсках. Оказывалась помощь мирным жителям на территории военных действий. Осуществлялись сборы пожертвований на нужды армии, раненых, семей лиц, находящихся в войсках, сооружение православных храмов в местах упокоения погибших и т. д. Публикации на страницах ПЕВ подтверждают, что в сборе пожертвований участвовали разные сословия.

Церковь признавала возвышение роли женщины в обществе в условиях военного времени, когда б***о***льшая часть мужчин оказалась на фронте. Желая прийти на помощь оставшемуся населению деревни, особенно женщинам, которым приходилось заменять мужчин в хозяйственной деятельности, церковь призывала население к самоорганизации и объединению усилий по обеспечению заботы о детях, по организации ухода, питания и присмотра за ними, пока матери находились на работах.

Авторы ПЕВ отмечали, что в жизни народа стало заметным «высокое поднятие религиозного чувства». Спустя год после начала Первой мировой войны в деревенском быту произошли перемены и возникли новые явления. Сократилось пьянство, которое прежде было причиной преступлений, неизлечимых болезней, самоубийств. Прекращение торговли спиртными напитками, по наблюдениям авторов, крестьяне встретили с «полнейшим

удовлетворением». Сельские священники наблюдали значительное сокращение в народной среде не только пьянства, но и хулиганства, сквернословия, ссор, драк. Военные события пробудили у сельских прихожан интерес к периодической печати – газетам и брошюрам.

Однако церковные авторы акцентировали внимание на критичном отношении к распространению суеверий, имеющим отношение к идолопоклонству («святых писем», «молитв-заговоров») на фронте, а также росту спекуляции в тылу. К 1916 г. выяснилось, что восторженные констатации многочисленных авторов по поводу победы трезвости в российском обществе оказались преждевременными.

На страницах журнала высказывались мнения, что духовные пастыри во времена тяжелых испытаний должны произносить проповеди «живым языком» на темы, которые волнуют прихожан. В целом, авторы отмечали, что служители Церкви в трудную годину оказались «на высоте своего призвания». На фронте и в тылу служители Церкви переживали вместе с духовными чадами «великие и ужасные испытания, какие выпали на долю их пасомых». И многие из пастырей «своей мученической смертью запечатлели верность долгу».

Авторы ПЕВ в моменты военных конфликтов привлекали внимание своих читателей к злободневным проблемам повседневности, отстаивая позицию, что выход из политического кризиса возможен на основе социального перемирия и внутренней консолидации общества.

При анализе статей, опубликованных в годы нарастания общественно-политического кризиса, выявлено, что дихотомия повседневности крестьянского мира усугублялась по мере нарастания перемен, происходящих под влиянием модернизационных процессов пореформенного периода, в первую очередь, урбанизации. Наблюдение за революционными событиями, сопровождаемыми маргинализацией крестьянства, побудило авторов-священнослужителей прогнозировать дальнейший ход событий.

3.2. Русские революции в оценках православного духовенства

Начало XX в. для Российской империи стало прологом к смене модели общественного развития, эпохой революционной ломки общественно-политического строя под воздействием процесса модернизации общества. Русская Церковь в сложившихся обстоятельствах, по мнению некоторых историков, испытывала кризис синодальной системы. Например, исследователь М. В. Шкаровский убежден, что «Русская Православная Церковь находилась в состоянии глубокого внутреннего кризиса, который постепенно нарастал на протяжении двух последних столетий». Кроме того, исследователь утверждает, что «введение синодальной системы с подчинением Церкви бюрократическому аппарату»[1]. Н. Г. Карнишина тоже констатировала факт, что «Русская Православная Церковь была прочно вписана в бюрократический механизм государства»[2]. Т. Г. Леонтьева проанализировала коллизии сознания, морали, поведения сельского священника на рубеже XIX – XX веков преимущественно по материалам Тверской губернии. Исследователь внимательно изучила источники личного происхождения – мемуары, дневники и т. п. Поскольку, по ее мнению, они «позволяют сделать главное – взглянуть на православное духовенство «изнутри»»[3].

Автор данного исследования задался целью ответить на вопрос о том, какой предстала провинциальная повседневность и общественно-политическая ситуация 1905–1917 гг. в глазах духовенства Пензенской

---

[1] Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. URL: https://spbda.ru/publications/professor-mihail-shkarovskiy-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-v-xx-veke/ (дата обращения: 01.05.2020)

[2] Карнишина Н. Г. Дискуссия в печати второй половины XIX в. о месте и роли Русской православной церкви в общественной жизни пореформенной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. № 3 (55), 2020. С.15.

[3] Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX–XX вв. Москва, 2002. С. 16.

епархии. Наиболее информативным источником для поиска ответа на этот вопрос являются материалы ПЕВ.

Ряд церковных авторов искали ответы на вопросы, что происходит, кто виноват и что делать? Отвечая на вопрос о том, что же происходит в России, безымянный автор писал: «политическая смута и нравственная анархия»[1]. В другой анонимной статье картина происходящего отражает трагические подробности: «Пробуждение и расширение политической жизни в России залило кровью ее, наполнило ужасами, преступлениями, навело на всех страх и трепет… Сильно давила наш народ бюрократическая политика; но в тысячу раз ужасней оказалась революционерная [революционная – С. Д.] ломка ее»[2].

Характерной чертой провинциальной повседневности в 1905-1907 гг. стали антицерковные настроения, которые овладевали широкими народными массами. Нередкими стали случаи бойкота и изгнания священников, погромы их домов и даже убийства.

В статье «Освободительное движение и современный пастырь» Н. Быстров, со слов священника Головина, который служил в с. Муромино Рязанского уезда и подвергся бойкоту, описал «забастовку»: фабричные отказались работать на местной суконной фабрике, толпой пошли по улицам с красными флагами, песнями и криками «ура». Потом забастовщикипосетили старшину, врача, управляющего, священников, требуя от них присоединиться к процессии «ради великого народного праздника свободы». Отказывающихся оскорбляли, а священника Головина вытащили на улицу без шапки и обутого на босу ногу. Когда священник отказался участвовать в забастовке, вслед ему кричали: «Долой попов!», «Обманщики попы, общественные паразиты, хамы!»[3]

В статье «Что нам делать?» священник Владимир Иссинский приводит примеры уничижительных оценок духовенства в повседневной жизни со

---

[1] Кто же виноват и где искать выхода? // ПЕВ. 1907. № 16. С. 715–721.
[2] Пастырство и политика // ПЕВ.1907. № 8. С. 300–301.
[3] Быстров Николай, священник. Освободительное движение и современный пастырь // ПЕВ.1906. № 7. С. 333.

стороны современников: «Ни о ком, кажется, у нас на Руси не ходит столько нелепых рассказов, обидных поговорок, оскорбительных примет и суеверий, как о православном духовенстве, преимущественно о священниках. Говорят и о поповских будто бы завистливых глазах, и о поповских широких карманах, о поповской ненасытности и алчности, о поповской невоздержности и грубости»[1].

В другой своей статье «Приниженность духовенства» Иссинский обратил внимание на проявления негативного отношения к духовенству на политическом уровне со стороны всех партийных сообществ – левых, либеральных и правых партий. По его мнению, враждебное отношение левых партий современного общества к духовенству отразилось и в светской литературе. Кроме того, в либеральной печати очень часто появлялись такие произведения, в которых пастыри Церкви предавались осмеянию и поруганию.

Автор приводит примеры обращений к духовенству из либеральных журналов того времени «Страна отцов», «Знание», «Поединок» и др. Журналисты называли представителей духовенства «самозванцами, обманщиками», а монахов – «бездельниками, развращенными, здоровенными лоботрясами» и т. д. Либеральная светская печать обвиняла духовенство, как«оплот рабства и застоя», в консерватизме, реакции, оскудении идеалов, стяжании денег[2]. «Для чего вы протягиваете ваши рабские руки к школам? Чему вы можете учить народ? Новый общественный строй смоет вас с лица земли; только в истории останется одна черная страница. Вы не соль земли, вы грязь земли…», – тон публикаций переходил от оскорблений к угрозам. Иссинский писал о том, что так называемые «правые», среди которых были даже епископы, тожене жалели красок, чтобы очернить священников. Он процитировал одного из епископов, выступивших в Св. Синоде: «Формалистическое и чуждое по духу народу, назначаемое архиереями

[1] Иссинский Вл., священник. Приниженность духовенства // ПЕВ. 1907. № 20. С. 951.
[2] Там же. С. 955.

духовенство из академиков и семинаристов не умеет говорить с народом, не умеет затронуть благодарных струн его сердца, не думает образовывать вокруг себя школ благочестия и самообразования, не любит прихожан: при первой неприятности большинство перепрашивается на другой приход»[1].

Повсеместно нарастала волна беспорядков, в ходе которых происходили не только кражи церковных денег и имущества, но даже нападения на церковнослужителей. Например, вечером 8 июля 1906 г. толпа крестьян с. Чуфарова Саранского уезда, при участии женщин и даже детей, вооруженная косами, топорами, вилами и кольями, совершила открытое нападение на плодовый сад Чуфаровского Троицкого женского монастыря, сломав изгородь и причинив значительный вред плодовым деревьям. При этом крестьянами было унесено до 400 пудов яблок и расхищено имущество караульщика. Заведующая садом монахиня получила два удара в бок косою. Толпа бунтовала всю ночь, ругаясь и распевая песни. Монастырские рабочие не могли остановить этот беспорядок[2].

В статье «Ужасное злодеяние» сообщалось о том, что 18 мая 1907 г. тремя выстрелами из револьвера был убит ректор Пензенской духовной семинарии, архимандрит Николай Орлов. Преступление было совершено в аллее, ведущей от семинарского корпуса к квартире ректора, куда он возвращался после педагогического собрания Правления семинарии. Неизвестный автор недоумевал относительно мотивов преступления, поскольку архимандрит Николай служил в Пензе менее 5 месяцев: «Какие были побуждения к убийству этого молодого и нового в Пензе человека, трудно даже представить себе; к тому же это был человек очень добрый, благожелательный и благодушный; никакой политикой не занимался. В виду сего убийство о. Николая является особенно возмутительным. Светские власти и общество требовали немедленного закрытия семинарии. По

[1] Иссинский Вл., священник. Приниженность духовенства // ПЕВ. 1907. № 20. С. 960.
[2] По епархии // ПЕВ. 1906. № 16. С. 861–863; По епархии // ПЕВ. 1906. № 19. С. 1007.

распоряжению Св. Синода от 23 мая семинария закрыта па неопределенное время»[1].

Авторы ПЕВ после окончания Первой русской революции оценивали происходящие события как «общественное несчастие» и размышляли над его причинами. «В чем причина наших общественных несчастий?» – восклицал автор, подписавшийся инициалами «М.В.»: «Неужели лишь в том, что до сего времени мы жили теми формами государственной жизни, которые все же, худы они или хороши, создали русское государство, давали ему твердость и силу?»[2].

По мнению автора, имела место «нравственная причина» того, что «наша русская государственная и общественная жизнь течет такими неправильными путями, сопровождается такими ужасающими событиями, проявляет столько зла и беззаконий, столько злобы и ненависти, разорения и разрушения?» В обществе утрачено понимание добра и зла: «разве не несчастие, что у нас потерялись всякий нравственный смысл, всякое человеческое чувство, и величайшие беззакония и злодеяния – убийства, грабежи, совершаемые среди белого дня не только не считаются беззаконием, злом, а напротив – даже одобряются, радуют, а убийцы и грабители превозносятся, возводятся в великих людей, благодетелей человечества, коим готовы кланяться и прославлять?»[3].

Автор перечисляет проявления «общественного несчастия». Во-первых, «наш крестьянин, которого мы считали благоговейным богоносцем, ныне, под влиянием проповеди «освободителей», грабит своих соседей, сжигает, уничтожает всякими, часто бессмысленными и дикими способами их добро». Во-вторых, гибель «от руки убийц сотни царских слуг, верных исполнителей своего долга, не убоявшихся, по совести и в силу данной

[1] Ужасное злодеяние // ПЕВ. 1907. № 11. С. 472–475.
[2] М.В. В чем причина наших общественных несчастий? // ПЕВ. 1908. № 6. С. 217.
[3] Там же. С. 215–216.

присяги, исполнить принятое на себя, или возложенное Царем и властями служебное дело»[1].

Автора статьи крайне удивляло то обстоятельство, что изъяны общества вызывали у современников неадекватный отклик и многие «приходили в восторг», узнав о случаях измены воина данной присяге, неповиновения законной власти, нарушения служебного порядка, об упадкеи ослаблении благосостояния государства.Многие очевидцы событий поддерживали издевательскую критику страны со стороны врагов и помогали ослаблению, унижению своей родной земли, даже были, по словам автора, «готовы разодрать ее, разделить то, что созидали, приобретали наши предки, и при этом думают, что делают хорошо, делают то, что должны делать. Разве это не несчастие?» Великим бедствием автор назвал ежедневную сознательную ложь, которая стала «средством и орудием влияния печатного и устного слова на массы народа»[2].

За гранью понимания автора находилась роль интеллигенции – «лучших русских людей, представителей и избранников русского народа», «люди высокого умственного развития, просветители народа и юношества – светочи русской мысли и науки», которые поощряли беззакония, грабежи и убийства, призывали к неповиновению государству[3].

Другой анонимный автор обратил внимание на противоречие между идеалами интеллигенции и средствами их достижения. Идеалом современной интеллигенции, по его мнению, являлся «идеал политический, переустройство гражданской и политической жизни на началах социально-экономического братства, равенства и свободы». Символом средств передовой интеллигенции служило красное знамя. Однако «средства эти самые бесчеловечные, противные элементарной нравственности и, конечно, духу христианства. Потому чтоинтеллигенция призывала к ожесточенной борьбе, основанной «на безжалостном и бесчеловечном терроризме». Для

[1] М.В. В чем причина наших общественных несчастий? // ПЕВ. 1908. № 6. С. 216.
[2] Там же. С. 216.
[3] Там же. С. 215.

достижения своих целей, своего идеала интеллигенция объединялась в партии с незначительным курсом влево или вправо[1]. Вербовка интеллигентов во фракции, партии, союзы, движения, по мнению автора, являлась «симптомом подавления и даже убийства индивидуальных духовных свойств и качеств человека»[2].

В другой безымянной статье говорилось о наступлении момента в истории Отечества, когда «высшая часть общества» оторвалась от духовного союза Церковью и православным народом, поклонилась иноземной культуре, как своему «богу», и стала служить ей, забыв о духовных интересах своего народа. В результате порвалась «цепь великая, цепь духовно-нравственной связи высшего общества с народом, и одним концом попав по барину, другим задела мужика. Именно в этом роковом разрыве образованного общества с народом заключается причина и источник наших бед, ибо с этого времени наши образованные люди перестали понимать свой народ, а народ с своей стороны перестал доверять им»[3].

Автор размышлял, почему стремление к добру оборачивается злом, великие цели становятся преступными: «стремясь к общему счастью, причиняют несчастия; захотев быть великими благодетелями, становятся великими злодеями; не успев сделать ни одного хорошего дела, уже учинили тысячи худых; захотев благодетельствовать России, разоряют ее?»[4]. И сам отвечал на этот вопрос: «Весь ужас нашего времени в том, что мы не понимаем его причины и значения. Мы не замечаем того, что, потеряв Бога, мы потеряли все – всякое добро и способность к нему: наши понятия затемнились, убеждения извратились, сердце наше огрубело, ожесточилось. Мы стали «переоценивать все ценности» и потеряли цену души человеческой и самого человека»[5].

---

[1] Духовный паралич общества // ПЕВ. 1908. № 15. С. 554.
[2] Там же. С. 555.
[3] Церковь и современное общество (интеллигенция) // ПЕВ. 1910. № 9. С. 292.
[4] В чем причина наших общественных несчастий? // ПЕВ. 1908. № 6. С. 218.
[5] Там же. С. 223.

Анонимный автор сделал неутешительный вывод о том, чтосовременная общественная жизнь оказалась в состоянии «духовного паралича»,когда массы народные живут без высокого христианского идеала:«…гонятся скорее за тем, что есть ни больше ни меньше, как грубое наслаждение, животная низменная страсть, унижающая человека христианина и возбуждающая к нему искреннее сожаление»[1].

«Временем религиозного одичания» назвал происходящее священник Алексей Швецов. Приметами одичания он считал «полное неверие, отпадение из православия в раскол и сектантство, религиозный индифферентизм и пренебрежительное отношение к церкви и ее членам»[2]. Одной из самых главных причин распространения неверия автор назвал «революционное брожение 1905 г.»[3].

Однако другой автор, не подписавший статью своим именем, обратил внимание читателей на то обстоятельство, что освободительные движения, даже превосходящие по накалу ситуацию в России, имели место и в других государствах. Но на церковно-приходскую жизнь влияния не оказывали. Так, во Франции вXIXвеке случилось около десяти государственных переворотов, но церковь долго сохраняла устойчивость. И автор сделал вывод: «Очевидно, причина омертвения церковно-приходской жизни заключается в чем-то другом»[4].

Кто же был виноват в происходящем? По мнению разных авторов, у ситуации было сразу несколько виновников: «революционное брожение», интеллигенция и само духовенство. Так, например, священник Владимир Иссинский писал: «Не виноваты ли мы пред церковью, государством и народом? Ответ один: да, виноваты. Мы спали, а враг рода человеческого пришел и посеял плевелы. Поэтому и мы оказываемся в известной мере

---

[1] Духовный паралич общества // ПЕВ. 1908. № 15. С. 550.
[2] Швецов Алексей, священник. Религиозное одичание, его причины и борьба с ним // ПЕВ. 1910. № 24. С. 1007.
[3] Там же. С. 1008.
[4] Кто же виноват и где искать выхода? // ПЕВ.1907. № 16. С. 717.

виноватыми в современных нестроениях, в нравственном разложении общества»[1].

Неподготовленность духовенства к событиям 1905 г. констатировал священник Алексей Швецов. По его мнению, духовенство под натиском революционных событий «стушевалось, отступило на задний план и молчало», и даже «проморгало» революцию, потому что не имело представления о теории и практике социализма. «А раз духовенство не было знакомо с программой врагов церкви Христовой, то оно не могло и противодействовать им», – сделал вывод автор[2].

В статье «Кто же виноват и где искать выхода?» анонимный автор заметил, что«освободительное движение» поставило пред духовенством целый ряд вопросов. В первую очередь, это вопрос об «образе истинного пастыря»и падении «добрых пастырских идеалов среди духовенства».Церковная жизнь подвергалась критике даже со стороны самих священнослужителей, которые свидетельствовали, что причиной ослабления влияния Русской Церкви стало «недостаточное благочиние в совершении церковной службы». Священник Алексей Швецов тоже согласился с мнением: «Уже с давних времен недостаток церковной службы бросался в глаза. Бестолковое чтение псаломщиков является неисчерпаемым источником разного рода острот»[3].

В годы революционных потрясений духовенство осознало необходимость «обновиться», пересмотреть свою жизнь и деятельность, согласовать их с канонической нормой и запросами современности[4].

Духовенство очень волновал вопрос о возможном участии в освободительном движении и политических партиях. «Должен ли участвовать пастырь в освободительном движении?» – над этим задумывался

---

[1] Иссинский Владимир, священник. Что нам делать? // ПЕВ. 1906. № 11. С. 557.
[2] Швецов Алексей, священник. Религиозное одичание, его причины и борьба с ним // ПЕВ. 1910. № 24. С. 1009–1010.
[3] Там же. С. 1011.
[4] Кто же виноват и где искать выхода? // ПЕВ. 1907. № 16. С. 715.

каждый священнослужитель. Священник Владимир Иссинский в статье «Что нам делать?» писал, что духовенству открылась возможность принять участие в общественной и государственной деятельности. Прежде священнослужители были устранены от непосредственного участия в этой деятельности. Иссинский самокритично признал, что прежде священнослужители ограничивались только «пастырским попечением о спасении душ вверенного нам словесного стада Христова» и закрыли глаза «на неправды и язвы, разъедающие народное благо». Следствием отстраненности духовенства от происходящих политических событий стал «характер современного движения: резкие формы, с насилием и террором, а кое-где во вражде с церковью»[1].

В статье «Освободительное движение и современный пастырь» священник Н. Быстров подчеркивал, что духовенство не сможет уклониться и не участвовать в освободительном движении, даже если захочет этого. Но какими же путями пастырь может и должен осуществлять свое участие в освободительном движении? Автор указывал три возможных варианта: 1) участие в деятельности любойиз политической партий; 2) духовенство и миряне могут организовать собственную партию; 3) пастырь, не примыкая ни к одной партии, может стоять на «одной вечной платформе – евангелии и христианской религии»[2]. Однако участие духовенства в государственной жизни не должно быть сведено к его подчинению любой политической партии, или созданию своей собственной партии: «Наше участие, говоря языком партий, должно быть участием свободных рук для того, чтобы поддержать нашею пастырскою силою то, что действительно ценно и истинно. А истинно и ценно только то, что согласно с духом христианства, с заветами Евангелия»[3]. По наблюдениям автора, значительная часть духовенства с увлечением «ухватилась за новую обязанность, с величайшим

[1] Иссинский Владимир, священник. Что нам делать? // ПЕВ. 1906. № 11. С. 563.
[2] Быстров Николай, священник. Освободительное движение и современный пастырь // ПЕВ. 1906. № 7. С. 334.
[3] Там же. С.344.

интересом повлеклась в водоворот политических мнений, партий и коллизий». Некоторые пастыри забыли даже, что они пастыри, и стали считать себя «политическими деятелями, борцами, агитаторами». Автор предупреждал: «Необдуманное увлечение пастырей политикой предосудительно, так как идет в разрез и прямой ущерб пастырству»[1].

Анонимный автор в статье «Пастырство и политика» подчеркнул, что участие пастыря в политике «обособляет пастыря от всех прочих граждан».[2] Поскольку пастырство и политика, по своей сущности, – «две сферы жизнедеятельности, вполне различного, можно даже сказать, противоположного характера. Поэтому-то участие в обоих и ставит пастыря в запутанное и затруднительное положение»[3]. По его мнению, если в политических отношениях есть светлые, добрые и нравственные стороны, то они заимствованы из религиозно-нравственной области и непременно через пастырство, которое является проводником религиозно-нравственных отношений. Идеи свободы, равенства и братства политикой заимствованы из религиозно-нравственной сферы. Однако политика основывается на принципах господства и обладания. Субъективный орган их – эгоистическая воля человека. Поэтому на политической почве происходит столкновение личных волеизъявлений, борющихся за обладание и господство. «Отдельные воли или личности объединяются в партии для большей успешности в борьбе за господство над прочими людьми и обладание земными благами, – делает вывод мыслитель. – Различные партии борются за них всеми силами, способами и средствами, ненавидят одна другую, клянут, истребляют и т. п.»[4].

Быстров был убежден, что «чтение манифестов и политических газет» нельзя назвать участием в борьбе политических партий. Это участие выражается только в политической агитации и вербовке членов в избранную

---

[1] Пастырство и политика // ПЕВ. 1907. № 8. С. 296.
[2] Там же. С. 297.
[3] Там же. С. 299.
[4] Там же. С. 300.

партию, от чего пастырь должен уклоняться: «Он – пастырь, а не агитатор. Он пастырь для социал-демократов столько же, сколько для отшельников, и да не смутит он ни единого от сих маловерующих своим пренебрежительным к ним отношением…»[1].

На страницах ПЕВ авторы не только анализировали политическую ситуацию и ее причины, но обращали взгляд в будущее, предвосхищая грядущие события. Форму правления, с церковной точки зрения, они не считали определяющим условием исторической судьбы России.Церковные авторы в рамках эпохи, очевидцами которой являлись, отдавали предпочтение конституционной монархии. Например, Быстров призывал каждого священника, независимо от политических предпочтений (славянофил, монархист, республиканец), вопрос о форме правления «предоставить будущему, – и не будущему ближайших дней, еще нетрезвых и непрочных, а будущим десятилетиям...»[2].

Св. Синод перед выборами в Государственную Думу предостерегал пастырей от участия в деятельности любых союзов, партий и призывал: «…Всего хорошего держитесь… А хорошее это – в правде Божией, в церкви Христовой. Все, что идет путем мира, любви и порядка, все, что за веру истинную, все, что за царя Православного, за целость отечества нашего, – все это да будет благословенно. Все же, что против сего, что идет не путем мира и любви, а взывает к насилию и восстанию, да будет вами отринуто во имя Божие». Синод призвал пастырей вместе с паствой принять участие в выборах Государственной Думы[3].

Время определения духовенством своей политической идентификации в российском обществе не завершилось эпохой Первой русской революции. В 1911 г. в ПЕВ была опубликована статья «Интеллигенция и народ». Анонимный автор продолжал наблюдения за общественной жизнью и видел

---

[1] Быстров Николай, священник. Освободительное движение и современный пастырь // ПЕВ. 1906. № 8. С. 392.
[2] Там же. С. 345.
[3] Там же. С. 394.

«идейные брожения» интеллигенции, отметив, что современная эпоха – «особенное время, время каких-то особенно страстных исканий». Это время «разноголосицы», когда «самые противоположные мысли, учения, направления переплелись одно с другим, не приводя кочующей мысли русского интеллигента к определенному выводу, какому-нибудь удовлетворяющему его мучительные искания исходу»[1].

«Политическая буря», которая пронеслась над страной в 1905-1907 гг., а также ее последствия имели для интеллигенции «роковое значение». Поскольку она оказалась в «духовном банкротстве», потому что обесценились ее духовные ценности, которыми она жила предыдущие полстолетия. Автор намекает на крах надежд образованной части общества: «Интеллигенция до сих пор, можно сказать, жила в счет будущего, жила надеждой на изменение политических и общественных условий жизни и верой, что это изменение даст ей лучшую разумную и счастливую жизнь»[2].

После Первой революции церковные авторы усматривали непосредственную связь между будущим страны и церковным просвещением народа.Историческое будущее России, возрождение ее духовной мощи, или, напротив, разложение, по их мнению, зависело от разрешениядуховенством «культурно-педагогической задачи» –«просветить народ, не разлагая его религиозной и нравственной личности, воспитанной церковью. Но это возможно только тогда, когда само передовое наше общество войдет в церковь, сделается живым и деятельным членом церкви»[3].

В годы Первой мировой войны появились надежды на созидательные перемены после победы над врагом. В статье «Больные вопросы» в 1916 г. автор, подписавшийся «В. М-ий», писал: «Вне сомнения, наша великая и многострадальная родина уже стоит на рубеже новой жизни и полного развития своих самобытных сил. И хоть туманно и неопределенно еще неизвестное будущее, как неизвестна и самая продолжительность упорной

[1] Интеллигенция и народ // ПЕВ. 1911. № 5. С. 141.
[2] Там же. С. 142.
[3] Церковь и современное общество (интеллигенция) // ПЕВ. 1910. № 9. С. 300.

борьбы с врагами, однако и в обществе, и в печати все настойчивее и определеннее уже слышатся речи, что после войны, которая для нас будет победоносна, загорится яркая заря самобытной русской жизни»[1].

Спустя год, уже после Февральской революции, протоирей СимеонМагнусов в статье «Призыв духовенства к плодотворной деятельности» описал возможное участие Русской Церкви в последующих событиях. «На небосклоне Русского государства занялась яркая заря свободы, братства и равенства. Каждый слой общества старается объединиться и ищет своих прав в строительстве», – восклицал автор, который был убежден, что духовенство должно принять деятельное участие в съездах учителей, крестьян, рабочих. Для духовенства «настала пора скинуть позорные рабские цепи и взяться с должным усердием за свободный труд, чтобы отвоевать в деле обновления народной жизни почетное долженствующее место, иначе ему угрожает опасность быть выкинутым окончательно за борт»[2].

По мнению Магнусова, духовенство должно было принять участие в работе различных комитетов и организовывать народ, чтобы подготовить его к Учредительному собранию, к «тыловой службе» для победы над внешним врагом, чтобы поддерживать во всем «порядок, законность и правду». Автор писал, что нельзя навязывать народу какую-либо политическую программу, т. к. в каждой из программ есть не только достоинства, но и недостатки. Миссия духовенства в новых обстоятельствах – «помочь народу разобраться в них, чтобы он понял, что при каком бы то ни было гражданском строе идеалы Христовы останутся навсегда идеалами; только божественная истина может быть везде руководительным началом к совершенству»[3].

Созидательный настрой подхватил другой автор журнала – Н. Набоков в статье «Пензенское духовенство в первые дни русской свободы»: «Едва ли

---

[1] Больные вопросы (В. М-ий) // ПЕВ. 1916. № 6. С. 223.
[2] Магнусов Симеон, протоирей. Призыв духовенства к деятельности // ПЕВ. 1917. № 7/8. С. 232.
[3] Там же. С. 232-235.

можно найти более светлой страницы в истории жизни Пензенского духовенства, как всеобщее его оживление, неописуемая радость, необыкновенно оживленная и энергичная деятельность по поводу великих мартовских событий русской политической жизни. Нет надобности подробно говорить об отношении Пензенского духовенства к совершившемуся государственному перевороту: как самая живая ячейка в организме отныне свободного православного народа, оно не могло думать и чувствовать иначе, чем думала и чувствовала его паства»[1]. Идею обновления духовенство поддерживало, поскольку невозможно пройти мимо вопроса «о том, что представляют из себя сами духовные деятели: каковыми они были раньше, при старом режиме, и каковыми являются или, по крайней мере, могут быть теперь, в светлые, только что занимающиеся зарей дни новой и свободной жизни»[2].

В судьбоносном для страны 1917 г. анонимный автор в статье «Задача момента для духовенства» отмечал, что необходимость коренных преобразований в Русской Церкви осознавалась давно. Положение пастырей и пасомых, как членов единой соборной Церкви, не соответствовало тем началам и канонам, на которых строилась и утверждалась Церковь Христова е в первые века христианства и древней Руси. Учрежденный императором Петром I Правительствующий Синод имел административно-полицейский характер, а члены его, находившиеся под бдительным оком государевым – обер-прокурором Синода, были лишены «творческой силы направлять жизнь Церкви Русской».

Автор подчеркивал, чтона упадок церковной жизни указывали пастыри, а также не только друзья, но и враги Церкви. Но ситуация не изменилась к лучшему: «Правда, в 1905 г. как будто загорелась заря новой жизни, но в том же году она и погасла, и вновь наступили холодные,

[1] Набоков Н. Пензенское духовенство в первые дни русской свободы // ПЕВ.1917. № 9/10. С. 257.
[2] Там же. С. 259.

беспросветные сумерки, обновление церкви не могло состояться без обновления всего строя государственной и общественной жизни»[1].

В статье «Против анархии» анонимный автор призывал современников уважительно относиться к верховной власти – Временному правительству: «Есть у нас Верховная власть, так называемое Временное Правительство, которую, казалось бы, надо чтить и беречь, как святыню, к чему, кстати сказать, русский человек издавна привык, а у нас теперь полуграмотный человек ставит вопрос: верить или не верить Временному Правительству. Разве это можно? Да кому же тогда верить? Кто же выведет наш утопающий корабль на просторный путь? О других властях и говорить не приходится, как их умаляют, в какое тяжелое положение ставят. Жаль еще, что иные, не имея никакой власти, распоряжаются властно, самочинно, не водворяя порядок, а усиливая беспорядок. Это тоже от неповиновения законной власти и установленным порядком. Преступно все это перед страждущей Родиной»[2].

От призывов поддерживать власть, некоторые авторы ПЕВ перешли к поискам своей программы действий по реформированию приходской жизни. Например, Беляев Александр Александрович (позже священномученик, архиепископ Калужский и Боровский Августин) в статье «Церковное обновление» писал: «Ныне, когда, как светлый луч, засияла свобода, мы верим, глубоко верим, что засияет снова прежним светом христианского разума церковная община, ибо еще теплится в ней Божия искра»[3]. Переустройство церковной общины он предлагал начать с поддержки требования о восьмичасовом рабочем дне: «Есть святой труд, а есть труд, убивающий душ у и тело. Против последнего Церковь, церковная община должны возвысить свой голос. В интересах церковных так же требовать восьмичасового рабочего дня. Церковь охраняет покой субботы, ибо этот день – день служения Богу в доброделании и молитве. Но если в продолжение недели человек занимается продолжительным, отупляющим

[1] Задача момента для духовенства // ПЕВ. 1917. № 9/10. С. 270.
[2] Против анархии // ПЕВ. 1917. № 11/12. С. 306–307.
[3] Беляев А. Церковное обновление // ПЕВ. 1917. № 11/12. С. 309.

трудом, то может ли он посвятить субботу Господу Богу? Уставший и отупевший, он будет нуждаться в наркозе и пойдет скорей в шинок, чем в храм Божий»[1].

В 1917 г. для церковных авторов вновь стал актуальным поиск ответа на вопрос о возможном участии духовенства в деятельности политических партий. Например, профессор Пензенской духовной семинарии Алексей Лукич Хвощев в статье «Может ли духовенство быть партийным?» поделился наблюдением о том, что в России усиливается расслоение населения на классы и партии, которые вербуют новых членов. К православному духовенству поступают призывы от разных партий – принять программу и вступить в их ряды. Какой выбор будет правильным: вступать ли духовенству в какую-либо партию или отмежеваться от всех партий?[2] Хвощев подчеркивал, что духовенству трудно быть беспартийным, потому что приходится жить в определенной среде, в приходе с определенным составом населения, например, в деревне, где все население исключительно крестьянское, имеющее своиклассовые интересы.

Автор прогнозировал трансформацию классовых взглядов крестьянства, которое станет партийным, и нарастание отчужденности с духовенством, если оно не примкнет к крестьянской партии – социалистов-революционеров. «Крестьянство станет смотреть на духовенство если не как на врага, то и отнюдь не как на друга», – сделал вывод профессор, предполагая, чтодуховенству придется примкнуть к этой же партии[3]. Но, по его мнению, принадлежность духовенства к разным партиям и фракциям несла угрозу нарушения единства интересов духовенстваи могла причинить ущерб «великому делу, которому духовенство прежде всего служит, т. е. делу христианства и церкви»[4]. Поэтому духовенству необходимо рассмотреть программы разных политических партий, с точки зрения

[1] Беляев А. Церковное обновление // ПЕВ. 1917. № 11/12. С. 310.
[2] Хвощев А. Л. Может ли духовенство быть партийным? // ПЕВ. 1917. № 13. С. 352.
[3] Там же. С. 356.
[4] Там же.

христианских идеалов любви и справедливости, и составить свою программу, «безукоризненную по истинности и справедливости». И эту программу нужно настойчиво проводить в жизнь[1].

Однако задача составления духовенством собственной программы действий оказалась очень сложной в условиях конкуренции с политическими платформами революционных партий, которые пользовались популярностью среди народных масс. Леворадикальные лозунги об отделении церкви от государства и школы от церкви стали вызовом для церковных авторов. Профессор Хвощев отстаивал мнение, что Церковь исторически находилась под покровительством государства, получала от него материальную помощь и защиту, за что государство обязывало церковь служить своим целям – «оправдывать существующий государственный и общественный строй». В частности, Хвощев привел пример, когда в IV Государственной Думе несколько десятков священников вступили в ряды правых партий и отстаивали несправедливые мероприятия царского правительства, защищали агентов правительства, иногда явно преступных, и даже шли против народного представительства[2].

Духовенство разных епархий на своих чрезвычайных съездах продемонстрировало понимание, что прежняя модель взаимоотношений государства и Церкви уже невозможна. Поэтому началось обсуждение полного или частичного отделения церкви от государства. Однако Хвощев предостерегал духовенство от поспешных выводов: «Но требование церкви предоставить ей полную свободу действий и в то же время материальное обеспечение государство может сказать; в деле веры каждая личность вполне свободна и, следовательно, религиозное дело – частное дело каждого. Государство в это не вмешивается и вмешиваться не может. Но тогда будет несправедливо оказывать церкви материальное вспомоществование из

[1] Хвощев А. Л. Может ли духовенство быть партийным? // ПЕВ. 1917. № 13. С. 359.
[2] Хвощев А. Л. Церковь и государство // ПЕВ. 1917. № 14. С. 383–387.

средств государства. Его нужно оказывать или всем религиям и исповеданиям или никому, иначе было бы несправедливо»[1].

Прогнозирую будущее, Хвощев подчеркивал, что Церковь, при отделении от государства, будет жить и действовать не изолированно, а внутри государства, ее члены будут одновременно и членами этого государства. Автор предупреждал, что влиянием церкви в обществе государство может воспользоваться в будущем: «… можно ли допустить хоть на мгновение, что государство, благородно устранившись от давления и попечительства над церковью, увидя силу и влияние церкви на умы людей, не пожелает воспользоваться силой и значением церкви в свою пользу? А если церковь откажется служить государству, можно ли сомневаться в том, что государство не попробует, пользуясь тем, что члены церкви суть в то же время и подданные государства, не попробует произвести на церковь такое или иное давление, чтоб подчинить ее себе, своим интересам?»[2].

По мнению Хвощева, отделить церковь от государства или государство от церкви невозможно, т. к. задачи деятельности церкви и государстваво многом совпадают: «А ведь церковь и государство идут к одной цели – установлению человеческого общежития на началах правды и справедливости»[3].«Идеал» отношений между церковью и государством, по его мнению, заключался, с одной стороны, в предоставлении Церкви свободы от давления и «покровительства» со стороны государства, а с другой стороны, – в реализации стремления Церкви «проводить в жизни государства начала правды, справедливости и любви, проводить не путем каких-нибудь приказов, запрещений, властвования, а путем нравственного перевоспитания человека, члена государства»[4].

Автор высказывался против программных требований левых партий: социал-демократов, социалистов-революционеров, народных социалистов и

---

[1] Хвощев А. Л. Церковь и государство // ПЕВ. 1917. № 14. С. 390–391.
[2] Там же. С. 433–434.
[3] Там же. С. 436.
[4] Там же. С. 437.

радикально-демократической партии. Представители данных партий требовали не только отделения церкви от государства, но изгнания религии из школы вообще (высшей, средней и низшей). С точки зрения Хвощева, «Если первое требование, правильно понятое, как невмешательство государства в дела церкви и предоставление церкви, по ее усмотрению, воспитывать верующих в определенном религиозном духе и направлении, можно лишь приветствовать, как осуществление свободы совести, то нельзя так же одобрительно относиться ко второму из требований – изгнанию религии из школы»[1].

Хвощев также выступил против решений Всероссийского союза учителей, в которых содержалось требование «изгнать» религию из школы и не обучать ее основам наряду с другими предметами. Он вступил в полемику со школьными учителями: «Почему же так? Что же, стены школы будут осквернены тем, что в них будут раздаваться слова Христа о братстве, любви, справедливости, милосердии и всепрощении? Или другие предметы, вроде арифметики, письма будут морально загрязнены соприкосновением с религией Богочеловека? Или чувства учителя и детей будут оскорблены проповедью христианского равенства и братства?»[2].

Автор настаивал на том, что Церковь должна протестовать не только против полного, но и «половинчатого» изгнания религии из школы. Под «половинчатым» изгнанием подразумевался проект государственного комитета по народному образованию, который объявил исключение Закона Божия из школы делом Учредительного Собрания, но планировал сделать его предметом необязательным. Предполагалось, что изучать его дети будут или по желанию родителей, если детям менее 16 лет, или по желанию самих детей, по достижении этого возраста[3].

Продолжает полемику и анонимный автор в статье «Как различные партии относятся к религии и Церкви». Он сравнивает взгляды на религию со

[1] Хвощев А. Л. Изгнание религии из школы // ПЕВ. 1917. № 16. С. 478.
[2] Там же. С. 483.
[3] Там же. С. 478–488.

стороны левых, либеральных и правых партий. Социал-демократы и эсеры являлись сторонниками отделения Церкви от государства и изгнания религии из школы на том основании, что несправедливо на государственные деньги, которые взыскивались, в частности, с нерелигиозных граждан, обучать и поддерживать любую религию как «заблуждение и защитницу несправедливого строя»[1]. Относительно позиций либеральных и правых партий автор тоже был разочарован: «Партии более правые в настоящее время молчат. Их отношение к Церкви и религии или похоже на отношение партии народной свободы или же тождественно с прежним царским отношением, очень тяжелым для Церкви, для ея свободной самодеятельности»[2].

В статье «Нужды современной деревни» священник Н. Несмелов обратил внимание читателей, что русскому народу всегда не хватало правосознания, что проявлялось в отсутствии понимания «великой культурной ценности права», в неумениивсех слоев общества отстаивать свои права. Причиной низкого уровня правосознания, по его мнению, являлось государство «старого порядка» (царизм), которое отрицало идею «правового государства», что оказало отрицательное влияние на весь русский народ[3].

Оценивая события 1917 г., некоторые авторы называли их революцией – насильственным государственным переворотом. Учреждение должности министра исповеданий и ликвидацию должности обер-прокурора Св. Синода рассматривали как начало формального отделения церкви от государства. Анонимный автор подчеркивал, что Русская Церковь «не будет скорбеть об уходе с исторической сцены обер-прокуроров, потому что «паралич церкви причинило государство» при участии обер-прокуроров. Однако учреждением

[1] Как различные партии относятся к религии и Церкви // ПЕВ. 1917. № 20/21. С. 665.
[2] Там же. С. 669.
[3] Несмелов Н., священник. Нужды современной деревни // ПЕВ. 1917. № 14. С. 399.

министра исповеданий Русская Православная Церковь «больно будет задета»[1].

О надвигающихся событиях и отношении крестьянства к социалистическому строю размышлял Г. Студенский в статье «Письмо из деревни», предполагая возможное расхождение интересов крестьянства и левых партий: «Может быть, в тайниках крестьянской души кроются совсем несоциалистические мечтания, например, личное землевладение и что-нибудь другое»[2]. При этом он не сомневался, чтонеосознанно деревня поддержит социалистические партии благодарялозунгам «Земля и воля!», «Земля трудовому народу»: «За социалистами успех в деревне на первое время обеспечен, обеспечен ничем другим, как их внешностью, эффектной оболочкой их партий. Социалисты пожнут в деревне богатые плоды»[3]. Но Студенский предупреждал революционные партии, что деревня является религиозной и неотделима от религии и церкви, поэтому им придется с этим считаться[4].

В статье «К лучшей жизни» Г. Студенский описывал воодушевление современников: «После длительного застоя под гнетом рухнувшего недавно абсолютизма наша родина попала в бурный поток социально-политического переустройства. Закипела творческая работа, зазвучали лозунги разных партий; выдвинуты программы, провозглашены теории, намечены реформы. Чарует и манит светящийся вдали магический идеал социального «рая»»[5]. Но автор задался вопросом, будут ли иметь экономические реформы результат, если люди останутся эгоистами, злыми и жестокими. И дает отрицательный ответ: «Конечно, нет. Не обстановка создает людей, а люди обстановку»[6].

Над вопросом, способен ли социализм изменить эгоистическую природу человека, размышлял А. Беляев в статье «Как христианин должен

---

[1] Министерство исповеданий // ПЕВ. 1917. № 16. С. 491–496.
[2] Студенский Г. Письмо из деревни // ПЕВ. 1917. № 16. С. 513–516.
[3] Там же. С. 513–516.
[4] Там же. С. 513–516.
[5] Студенский Г. К лучшей жизни // ПЕВ. 1917. № 18. С. 548.
[6] Там же. С. 550.

относиться к учению социализма?». Автор указывал на противоречие между социализмом и христианством. Так, социализм, требуя равномерного распределения материальных благ и защищая обиженных, вместе с тем призывает их «взять свои права» и допускает для этого принуждение. В христианском же обществе, по мнению автора, не может быть такого права. Христианство стоит вне борьбы, как совесть человеческая, ее суд. «И в то время, как социалист, требуя и беря свое право, тем самым исходит из эгоистических стремлений, – писал Беляев, – христианин свою общественную правду строит на противоположном, именно, на принципе любви»[1].

В статье «Мысли вслух» Студенский продолжил обсуждение несовместимости социализма и христианства и даже высказал мнение, что «быть социалистом, значит – быть врагом христианства». Поэтому истинный христиан не может встать в ряды социалистов, потому что для этого нужно отказаться от христианства и забыть все духовные ценности: «…поставить крест над душой и заняться устроением земного рая»[2].

Кризис власти Временного правительства, которое часто меняло свой состав и редко переходило от слов к делу, вызывал у современников ощущение, «что никакой власти в России нет». В статье «К текущему моменту» Хвощев констатировал: «Страна находится в состоянии анархии»[3]. Автор поделился своими наблюдениями, какрост цен ухудшил положение всех слоев общества: рабочего, крестьянина, купца и особенно городского обывателя. На страну надвигался голод. Крестьяне отказывались продавать хлеб[4]. В повседневной жизни появились признаки разочарования населения в революционных лозунгах. Экономическая разруха вызывала социальную апатию и равнодушие к политическим свободам: «Люди перестают верить,

[1] Беляев А. Как христианин должен относиться к учению социализма? // ПЕВ. 1917. № 18. С. 554–555.
[2] Студенский Г. Мысли вслух // ПЕВ. 1917. № 20/21. С. 674.
[3] Хвощев А. Л. К текущему моменту // ПЕВ. 1917. № 18. С. 527.
[4] Там же. С. 529.

что революция и свобода принесут людям счастье, перестают верить в «высокие» и «святые» слова, перестают верить вождям революции, иронически смотрят на деятельность Правительства…»[1].

Прогнозируя будущее, церковные авторы писали о неизбежном нарастании социального конфликта вокруг духовенства. А. Л. Хвощев в статье «О современном положении духовенства Православной Церкви»отмечал: «Если юридическое, правовое положение православного духовенства, изгоняемого из приходов, часто лишаемого куска хлеба, должно признать очень тяжелым, то и общественное положение его нужно признать очень печальным, а вследствие этого и самочувствие его – очень тягостным»[2]. Автор сообщил, что весной 1917 г. в Петрограде распространялись карикатуры на духовенство, которые выходили за «рамки сатиры на лиц» и являлись «глумлением над религией»[3]. Происходило это не только в городах, но и в деревнях. Духовенство, которого считали «врагом народа», испытывало «чувство горькой обиды, раздражение, растерянность и мучительную заботу о завтрашнем дне»[4].

В статье «Ближайшая задача православного духовенства» анонимный автор продолжил описание бедственного положения духовенства, которое подвергалось кривотолкам, нападкам слева и справа,обесцениванию заслуг, огульному осуждению как «неполезное и ненужное сословие». Ожесточенные нападки происходили на уличных митингах, собраниях, в печати. По мнению автора, так «присяжные хулители Церкви и духовенства» пытались подорвать влияние духовенства на народ. Но влияние духовенства на общество сохранялось, потому что в деревне народ доверялся и

[1] Хвощев А. Л. К текущему моменту // ПЕВ. 1917. № 18. С. 533.
[2] Хвощев А. Л. О современном положении духовенства Православной Церкви // ПЕВ. 1917. № 19. С. 583.
[3] Там же. С. 584.
[4] Там же. С. 588.

советовался с батюшками, надеялся получить от них разъяснение политических событий[1].

В статье «В защиту сельского духовенства» говорилось, что «произошло раскрепощение духовенства и оно может вздохнуть свободной грудью». Нужно не гнать, а удерживать духовенство на местах, поскольку в обществеобнаружилась нехватка «интеллигентных работников на местах». Автор не сомневался, что сельское духовенство бесспорно может справиться с «задачей устроения новой жизни на местах»: «Надо только дать ему на это право, оказать доверие и возможную, от кого это зависит, поддержку»[2].

В статье «К текущему моменту. Почему гибнет Россия» анонимный автор представил свое видение ситуации внутри и за пределами России, а также путей выхода из кризиса. Страна – в состоянии анархии и разрухи. Если армия не выдержит нажим неприятеля, всей стране угрожает порабощение «немцем-победителем». Поэтому «обязанность всех и каждого спасать эту страну, не революцию, а именно страну, ибо если погибнет страна, то непременно погибнет и революция». Поэтому борьба за спасение страны – это борьба за революционные завоевания. Автор предложил даже программу мероприятий по спасению страны: социальное перемирие и прекращение травли одного класса другим; государственный контроль над промышленностью и торговлей; повышение производительности труда; контроль над продовольствием страны для предотвращения голода. Автор считал возможным перемирие внутри страны и продолжение войны на фронте. «Интеллигенция должна выйти из состояния спячки и отчуждения и идти на работу, чтоб разум и знание получили перевес над демагогией», – подытожил автор, будучи уверенным, что интеллигенция способна остановить нарастание общественно-политического кризиса[3].

Итак, анализ публикаций ПЕВ, авторами которых были священнослужители и преподаватели духовных учебных заведений,

[1] Ближайшая задача православного духовенства // ПЕВ. 1917. № 22. С. 697.
[2] В защиту сельского духовенства // ПЕВ. 1917. № 22. С. 711.
[3] К текущему моменту. Почему гибнет Россия // ПЕВ. 1917. № 22. С. 720.

позволяет сделать вывод о том, что с 1905 по 1917 гг. происходила эволюция взглядов православного духовенства в условиях поиска ответов на знаменитые вопросы российской истории: что происходит, кто виноват и что делать.

В публикациях ПЕВ отражается осознание авторами кризиса синодальной системы, бюрократизации Церкви и падения общественного авторитета духовенства, вынужденного разделить с государством ответственность за неразрешенные противоречия в обществе.Сложилось понимание необходимости реформирования Церкви, проявилось стремление к обновлению приходской жизни. Факты подтверждают, что в Церкви также созрела своеобразная «революционная ситуация». С 1905 г. основная часть духовенства проявляла недовольство политикой Св. Синода и обер-прокурора.

Восприятие церковными авторами происходящих событий в 1905-1917 гг. колебалось: от неприятия – к надежде на лучшее – и вновь к неприятию. Первая русская революция была оценена как анархия, «общественное несчастье», а Февральская революция – как «заря новой жизни», канун Октябрьского переворота – снова как анархия.

В условиях противоборства классов и ожесточенной полемики разных политических партий духовенство пыталось определить свой социальный статус и роль в грядущих переменах. Церковные авторы подчеркивали близость духовенства к интеллигенции, которую часто критиковали, и крестьянству, которому сочувствовали.

Русская Церковь была вынуждена соотносить христианские идеалы с политикой, искать свою платформу среди программ других партий. Политические доктрины левых партий, нацеленные на отделение церкви от государства, а школы от церкви, вызывали критику церковных авторов, некоторые из которых подчеркивали несовместимость социализма и христианства. Поскольку социализм допускал принуждение и насилие, а христианство всегда основывалось на любви к человеку. Однако звучали

мнения, что духовенство не может устраниться от участия в общественной жизни, иначе окажется «за бортом истории».

Авторы публикаций сознавали, что возврат к прошлому уже невозможен, а будущее страны, Церкви и духовенства вызывало тревогу и опасения, поскольку рост антицерковных настроений в обществе продолжался. На страницах журнала предстает панорама повседневности провинции в условиях обострения социальных противоречий на фоне революционных перемен.

Призыв к «социальному перемирию» стал главным лейтмотивом многих публикаций ПЕВ накануне закрытия издания в 1917 г. Авторы выдвигали целую программу действий: прекращение травли одного класса другим, установление государственного контроля над промышленностью и торговлей, повышение производительности труда, сокращение требований со стороны рабочего класса до окончания войны, контроль за распределением продовольствия и преодоление угрозы голода внутри страны, наделение крестьян землей, религиозное просвещение в школах, сохранение единой и неделимой России[1].

В номере ПЕВ от 1 ноября 1917 г. даже был опубликован призыв к всенародному голосованию за новое законодательство: «Пусть народ, все без исключения, рассмотрит выработанные законы, и, если хороши, одобрить всенародным голосованием, какие плохи – отбросить: пусть выработают лучшие. Нужно крепко подумать над этим всем»[2].

Как показало исследование, духовенство и крестьянство в периоды военных конфликтов испытывали подъем патриотических и религиозных чувств. Духовенство было нацелено на осмысление сущности воинского подвига, а также на социальные практики увековечивания памяти о погибших и организации благотворительности.

---

[1] К текущему моменту. Почему гибнет Россия // ПЕВ. 1917. № 22. С. 720; О политических партиях // ПЕВ. 1917. Прил. 3. С. 28.

[2] О политических партиях // ПЕВ. 1917. Прил. 3. С. 28.

Авторы ПЕВ отмечали новые явления в повседневной жизни прихожан военного времени: рост интереса к периодической печати, возвышение роли женщины в обществе, значительное сокращение пьянства, хулиганства, сквернословия, ссор, драк. Вместе с тем распространялись суеверия, картежные игры, разочарование и усталость от военной повседневности.

С 1905 по 1917 гг. взгляды православного духовенства эволюционировали в условиях нарастания революционного общественно-политического кризиса, противоборства классов и ожесточенной полемики разных политических партий. Духовенство пыталось определить свой социальный статус и роль в грядущих переменах. Церковные авторы подчеркивали близость духовенства к интеллигенции, которую часто критиковали, и крестьянству, которому сочувствовали. Призыв к «социальному перемирию» стал лейтмотивом многих публикаций ПЕВ накануне закрытия издания в 1917 г. В начале XX в. авторы ПЕВ привлекали внимание своих читателей к острым проблемам повседневности, отстаивая мнение, что выход из кризиса возможен на основе социального перемирия, реформ и отказа от насилия. Будущие масштабы прогнозируемого насилия были еще не известны современникам, но предвосхищались в политических дебатах разных партий относительно роли Церкви в государстве и обществе, а также в нарастании социального конфликта вокруг духовенства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на смену исторических эпох, проблемы исследования социальной истории России, истории провинциального духовенства и крестьянства как социальных групп, а также истории повседневности сохраняют свою актуальность, что объясняется потребностью в сохранении и формировании исторической памяти, преемственности культурных традиций, религиозной самоидентификации.

Практическая ценность изучения «кода» культурной преемственности российского общества на основе воссоздания картины жизни прошлых столетий определяется возможностями воздействия на процесс формирования структур повседневности в современном обществе, а также прогноза возникновения вероятных социально-политических проблем и поиска условий и средств стабилизации современного общества. Кроме того, изучение повседневности является эффективным способом актуализации истории родного края и популяризации краеведения.

Традиция изучения структур повседневной жизни зарождается во второй половине XIX в. При этом вопрос о содержании понятия повседневности до сих пор остается дискуссионным. Наиболее обоснованным представляется толкование категории «повседневность» как процесса жизнедеятельности, в структуру которого включают все многообразие повседневных / обыденных практик (трудовые отношения, праздники, брак, семья, забота о здоровье, досуг и отдых, духовные предпочтения), потребительские интересы и ожидания.

В данной работе предпринята попытка реконструировать и комплексно изучить повседневную жизнь российской провинции в эпоху модернизации на основе анализа публикаций ПЕВ за 1866–1917 гг., содержащих уникальный материал по истории православия и Русской Церкви в Поволжье, а именно на территории Пензенской епархии.

Исследование провинциальной повседневности последней трети XIX – начала XX в. выполнено в результате сопоставления типических социально-исторических портретов крестьянина и священника в условиях дихотомии повседневности, в частности, таких ее сторон, как стабильность (обыденный уклад жизни) и экстремальность (войны, революции).

Признавая основой повседневности быт, как внепроизводственную сферу, как совокупность связей и отношений, нацеленных не только на удовлетворение материальных потребностей (в пище, одежде, жилище, поддержании здоровья), важно подчеркнуть, что повседневность также является способом освоения духовных благ, культуры. Поэтому особое внимание в данном исследовании уделяется религиозно-нравственному состоянию общества и масштабам распространения социальных девиаций в указанный период.

Путем воссоздания достоверной картины провинциальной повседневности в условиях воздействия процесса модернизации на российское общество на рубеже XIX–XX вв. подтвердилась гипотеза исследования относительно того, что перечень основных характеристик провинциальной повседневности, доступных для изучения современным историкам, может быть существенно расширен с помощью комплексного анализа материалов ПЕВ.

Как выяснилось, динамика изменений повседневного уклада жизни Пензенской губернии под воздействием модернизационных процессов получила всестороннее отражение в местной епархиальной периодике. Историческое значение ПЕВ оказалось шире первоначальных задач Синода, нацеленного на создание сугубо церковного ведомственного издания. На примере данного журнала можно убедиться, что издание стало оригинальной энциклопедией провинциальной повседневности.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что ПЕВ являются ценным историческим источником для изучения повседневности провинции в 1866–1917 гг., так как становление и развитие журнала происходило на фоне

процесса модернизации российского общества, сопровождаемого реформами и контрреформами, войнами и революциями, а также чрезвычайными ситуациями, связанными с голодом, эпидемиями, резонансными политическими событиями.

На первом этапе своего развития (1866–1904 гг.) журнал был ориентирован на читательские запросы духовенства и потребности паствы Русской Церкви. Крестьянство приобщалось к содержанию журнала опосредованно через проповедническую деятельность духовенства. В условиях отмены крепостного права и других реформ круг читателей расширился в результате преодоления сословной замкнутости.

На втором этапе своего развития (1905–1917 гг.) журнал превратился в трибуну для полемики духовенства, вовлеченного в политические события. Редакция приветствовала критику издания без «полемичного задора» и сведения личных счетов.

Редакционная политика журнала определялась происходившими переменами в повседневной жизни провинциального общества. Первый редактор ПЕВ, протоиерей Иаков Петрович Бурлуцкий (1866–1872), был убежден, что новый журнал в эпоху Великих реформ необходим не только духовенству, но и мирянам. Изначально журнал был ориентирован на просветительскую деятельность среди двух сословий – духовенства и крестьянства, составлявшего наиболее многочисленную часть паствы Русской Церкви. Поэтому редакция увеличивала объем издания иногда в 5 раз, стремясь привлечь внимание широкого круга читателей. Кроме того, редактор призывал епархиальное духовенство объединить усилия с редакцией и принять деятельное участие в создании новых номеров.

Алексей Егорович Попов, который являлся редактором ПЕВ на протяжении самого длительного промежутка времени по сравнению с другими редакторами (1875–1917), продолжил развивать сотрудничество редакции и духовенства. Поэтому он внимательно относился к критике издания духовенством и даже публиковал отрицательные отклики. Редактор

анализировал недостатки журнала, которые отмечало духовенство: незначительный объем неофициальной части в печатных листах, наличие обширных статей общенаучного содержания и нехватка статей практического содержания, обязательность подписки. Свою деятельность Попов посвятил улучшению содержания издания и организационному взаимодействию с корреспондентами.

По мере преодоления обществом сословной замкнутости было заметно стремление редакции сделать епархиальную печать привлекательной для широкого круга читателей. Осуществлялось это двумя путями: во-первых, тематика публикаций выходила за рамки церковной жизни и обогащалась историко-краеведческими, просветительскими, актуальными материалами, интересными для представителей разных сословий; во-вторых, создавался большой авторский коллектив.

В ходе нарастания остроты социально-политических противоречий, в условиях противоборства реформаторской и революционной тенденций в общественной жизни корректировалась редакционная политика журнала. Историю ПЕВ можно условно разделить на два этапа.

На первом этапе, в 1866–1904 гг., журнал являлся епархиальным изданием, ориентированным на читательские запросы духовенства. Контент журнала актуализировался историко-краеведческими и просветительскими материалами, становился более интересным для представителей разных сословий. Нарастание интенсивности общественно-политической жизни сопровождал рост читательского интереса к ПЕВ, где улучшалось качество публикаций. Несмотря на материальные трудности, цена подписки оставалась неизменной вплоть до 1917 г. Главным сдерживающим фактором роста цены издания стала бедность приходского духовенства. Между тем редакция изыскивала возможности не только издавать журнал в нарастающих объемах, но и заниматься благотворительностью, ежегодно отправляя отчисления для оплаты обучения нуждающихся учащихся духовных учебных заведений.

Поскольку потрясения Первой революции оказали глубокое влияние на настроения епархиального духовенства, то изменилось и содержание ПЕВ. Начался второй этап в истории журнала, который, сохраняя свою структуру, стал трибуной для полемики духовенства, активно реагировавшего на политические события.

В дискуссиях участвовала редакция с целью выработать принципы своей деятельности в условиях новых реалий. Духовенство высказывало «запросы-ожидания» от епархиальной печати, в частности, предлагало расширить неофициальную часть издания, а официальную сократить и не перепечатывать сведения из центральной периодики. Редакция обнародовала критические мнения, убеждая читателей, что на страницах журнала недопустимы излишний «полемичный задор» и сведение личных счетов, но продолжала призывать епархиальное духовенство к сотрудничеству. Наибольший интерес для редакции представляли вопросы о положении крестьянства, снижении остроты социального конфликта, организации попечительства, порядке назначения пенсий и пособий вдовам, сиротам, пенсионерам. Попытки расширить епархиальный орган и издавать выпуски не дважды в месяц, а еженедельно, не увенчались успехом по причине отсутствия средств и епархиальной типографии.

После Февральской революции «Епархиальные ведомости» многих епархий прекратили существование, другие выходили нерегулярно, иногда в газетном формате, изменили редакционную политику, превратившись в общественно-политические издания. ПЕВ сохранили свой формат, но на страницах журнала было заявлено об ожиданиях духовенства от новых веяний внутри страны, а также увеличилось количество общественно-политических публикаций.

В русле демократических преобразований политической жизни в июне 1917 г. Профессиональный союз духовных деятелей г. Пензы избрал Редакционный Комитет, который заменил единоличного редактора. Комитет сообщал, что не намерен становиться на сторону интересов какого-либо

определенного класса общества или общественной группы, считая высшими интересами только интересы христианства и Церкви. Кроме того, была поддержана тенденция редакционной политики прежних лет, которая выражалась в пресечении попыток сведения личных счетов на страницах журнала. Впервые появился раздел переписки с читателями. Поскольку епархиальный орган печати должен был обслуживать интересы деревни, то Комитет обращался «за живой энергичной поддержкой людей с мест, из деревни» в целях сделать журнал «органом бескорыстным, идейным, правдивым», развивать в духовенстве «дух самосознания, высоты и важности пастырского служения», бороться против общественных недугов – пьянства, нравственной «расшатанности».

Чрезвычайный Епархиальный съезд духовенства и мирян принял решение с июля 1917 г. выпускать ПЕВ еженедельно для того, чтобы освещение событий в жизни Церкви, государства и местной епархии не запаздывало. Однако этим планам не суждено было сбыться. Переход от единоличного к коллегиальному редактированию, создание Редакционного Комитета, приобретение Епархиальной типографии уже существенно не повлияли на будущее журнала, поскольку ликвидация церковных изданий стала одним из мероприятий внутренней политики советского государства. В ноябре 1917 г. издание журнала прекратилось в связи с приходом к власти большевиков.

Данное исследование позволяет сделать вывод, что ПЕВ являются ценным историческим источником для изучения повседневности провинции в 1866–1917 гг., отображавшим повседневность провинции не только в церковной, но и в светской жизни того времени. Становление и развитие журнала происходило на фоне процесса модернизации российского общества, сопровождаемого реформами и контрреформами, войнами и революциями, а также чрезвычайными ситуациями, связанными с голодом, эпидемиями, резонансными политическими событиями. Журнал содержит большой пласт фактического материала об обыденной и экстремальной

повседневности провинциального общества. Наиболее информативны ПЕВ при исследовании проблем истории повседневности духовенства и крестьянства.

Проблематика публикаций за период 1866–1917 гг. содержала информацию о разных сторонах провинциальной повседневности: о быте и условиях проживания, рационе питания и способах лечения, буднях и праздниках, труде и досуге данных сословий при относительной социальной стабильности, а также в условиях экстремальности (во время военных конфликтов, стихийных бедствий, голода, эпидемий, революций, о запросах духовенства и крестьянства.

На страницах ПЕВ представлен очень обширный перечень публикаций разнообразной тематики и жанров, что объясняет отсутствие к настоящему времени единого подхода к классификации материалов журнала.

В ходе данного исследования в целях классификации материалов ПЕВ был составлен следующий тематический рубрикатор статей: 1) официальные документы; 2) богословие; 3) Русская Церковь; 4) Пензенская епархия; 5) пастырское служение; 6) внебогослужебная деятельность духовенства; 7) образование и воспитание; 8) раскол и сектантство; 9) общества и братства; 10) благотворительность; 11) биографические материалы; 12) публицистические статьи и заметки на разные темы.

Хотя журнал является ценным историческим источником, но остается недостаточно востребованным исследователями, на наш взгляд, по причине отсутствия общепринятой классификации контента журнала. Для систематизации публикаций в ходе данного исследования была применена авторская методика контент-анализа смыслового содержания сквозного оглавления неофициальной части журнала.

В результате контент-анализа установлено, что журнал полностью соответствовал программе, заявленной при его создании организаторами, и был нацелен на миссионерскую деятельность и освещение епархиальной

жизни. Заголовки 52,97 % статей содержат категории, связанные с церковной жизнью,10,28 % – с богословием.

Подсчитано, что около 40 % публикаций журнала выходят за рамки собственно церковной жизни и посвящены образованию и воспитанию (21,33 %), обществу (9,50 %), политике (2,17 %), семье (1,72 %), экономике (1,02 %), общественным порокам (0,69 %), стихийным бедствиям (0,37 %). Учитывая значительный объем публикаций об образовании и воспитании, целесообразно при классификации материалов журнала выделять данное тематическое направление как самостоятельное.

Особого внимания исследователей заслуживают историко-статистические очерки о сёлах Пензенской губернии, написанные приходскими священниками. Данные очерки позволяют проанализировать повседневную жизнь духовенства и крестьянства, а также представителей разных народностей, населяющих территорию Пензенской епархии.

Большую роль в развитии епархиальной периодической печати сыграл Историко-археологический и статистический комитет, организованный при Пензенской духовной семинарии и объединивший усилия наиболее активных авторов журнала в исследовательской и публикационной деятельности. Православное духовенство оказалось вовлечено в экспедиционные изыскания провинциальной «живой истории», не зафиксированной в исторических документах, а передающейся от поколения к поколению по устной традиции. Описание современного состояния приходов осуществлялось, говоря современным языком, посредством «включенного наблюдения» со стороны самих священников. Деятельность Комитета влияла на формирование общественного интереса к местной истории и провинциальной повседневности, а также существенно дополняла результаты исследований Губернского статистического комитета и Пензенской губернской ученой архивной комиссии.

Деятельность православного духовенства по сохранению исторической памяти оказалась прервана стремительным нарастанием революционных

процессов, вступлением страны в Первую мировую войну и крушением монархии, последствием которого станут гонения на Русскую Церковь. Однако материалы ПЕВ сегодня позволяют реконструировать подробную картину повседневности российской провинции рубежа XIX–XX вв.

Авторский коллектив ПЕВ представлял собой интеллектуальную элиту провинции, где образование можно было получить преимущественно в духовных учебных заведениях.

Читательская аудитория журнала состояла в основном из представителей духовенства, реже – других сословий. Крестьянство, которое в большинстве своем было неграмотное, приобщалось к содержанию журнала через проповедническую и просветительскую деятельность духовенства.

Материалы ПЕВ подтверждают, что для крестьянства распространенными и повседневными явлениями стали острое малоземелье, недостаточный уровень развития образования и медицины, технической оснащенности крестьянских хозяйств; отсутствие результативных практик возделывания земли, массовая бедность, низкая урожайность и рецидивы голода, вынужденная миграция в условиях «отхожих» промыслов и т. д. Последствиями вышеперечисленных явлений стали угасание культурных традиций крестьянского мира, разрыв устойчивых социальных связей и кризисные явления в религиозно-нравственном состоянии общества. В моменты экстремальной повседневности – при эпидемиях, голоде, войнах – положение крестьянства стремительно ухудшалось. Авторы ПЕВ пытались понять причины бедности своих прихожан-крестьян, анализируя занятия, образ жизни, масштабы распространения пьянства.

Характерными чертами повседневного быта духовенства являлись зависимость доходов священников от помещиков и прихожан, необходимость совмещения служения с земледельческим трудом или промыслами, бедность. Духовенство пыталось противопоставить приближающейся эпохе социальных потрясений свое социальное служение,

компенсируя отсутствие развитой системы образования и здравоохранения, воздействуя на общество силой слова, видело свою основную миссию в проповедничестве и просветительстве. Вместе с тем некоторые представители духовенства стремились к более глубоким переменам в обществе и поддержали идеи Февральской революции.

Религиозно-нравственное состояние населения, с точки зрения духовенства, характеризовалось уважительным отношением к законам, религиозностью, сохранением общинных традиций. Однако авторы ПЕВ не умалчивали о распространении явлений, которые считались общественными пороками, таких как: неграмотность, суеверия, языческие пережитки, знахарство, сквернословие, пьянство, небрежное отношение к кладбищам, воровство, «напрасное собирание милостыни» (совр. «мошенничество»), азартные игры, «плутовство» (лживость), «щегольство». Угрозу для нравственности населения, по мнению авторов ПЕВ представляли также сектантство, отхожие промыслы, ярмарки, военные поселения, которые масштабировали общественные пороки. Дихотомия повседневности крестьянского мира усугублялась по мере нарастания перемен, происходящих под влиянием модернизационных процессов пореформенного периода, в первую очередь, урбанизации. Самым распространенным общественным пороком, с точки зрения духовенства, было пьянство (алкоголизм), которому Русская Церковь противопоставила борьбу за трезвость.

Массовые настроения духовенства и крестьянства в периоды военных конфликтов характеризовались подъемом патриотических и религиозных чувств, но при этом имели свои особенности. Духовенство было озабочено поиском взглядов с христианской точки зрения на сущность любой войны и воинского подвига как подвига христианского, а также было нацелено на социальные практики увековечивания памяти о погибших и организации благотворительности.

Авторы ПЕВ отмечали новые явления в повседневной жизни прихожан военного времени: рост интереса к периодической печати, возвышение роли женщины в обществе, значительное сокращение пьянства, хулиганства, сквернословия, ссор, драк. Вместе с тем имело место распространение суеверий, картежных игр, разочарование и усталость от военной повседневности.

С 1905 по 1917 гг. происходила эволюция взглядов православного духовенства в условиях нарастания революционного общественно-политического кризиса, а также перемена настроений и оценок происходящих событий. В условиях противоборства классов и ожесточенной полемики разных политических партий духовенство пыталось определить свой социальный статус и роль в грядущих переменах. Церковные авторы подчеркивали близость духовенства к интеллигенции, которую часто критиковали, и крестьянству, которому сочувствовали.

Русская Церковь была вынуждена соотносить христианские идеалы с политикой, искать свою платформу среди программ других партий. Политические доктрины левых партий, нацеленные на отделение церкви от государства, а школы от церкви, вызывали критику церковных авторов, некоторые из них подчеркивали несовместимость социализма и христианства, поскольку социализм допускал принуждение и насилие, а христианство основывается на любви к человеку. Однако звучали мнения, что духовенство не может устраниться от участия в общественной жизни, иначе окажется «за бортом истории».

Авторы публикаций сознавали, что возврат к прошлому уже невозможен, а будущее страны, Церкви и духовенства вызывало тревогу и опасения, поскольку рост антицерковных настроений в обществе продолжался. Призыв к «социальному перемирию» стал лейтмотивом многих публикаций ПЕВ накануне закрытия издания в 1917 г. Авторы выдвигали целую программу действий: прекращение травли одного класса другим, установление государственного контроля над промышленностью и

торговлей, повышение производительности труда, сокращение требований со стороны рабочего класса до окончания войны, контроль за распределением продовольствия и преодоление угрозы голода внутри страны, наделение крестьян землей, религиозное просвещение в школах, сохранение единой и неделимой России, всенародное голосование за новое законодательство.

В целом на страницах журнала представлена широкая панорама обыденной и экстремальной повседневности провинции в условиях модернизации общества, поэтому ПЕВ в перспективе могут стать широко востребованным источником при изучении истории Пензенского края, Русской Православной Церкви и повседневности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАПО	Государственный архив Пензенской области
ГСК	Губернский статистический комитет
ПЕВ	Пензенские епархиальные ведомости
ПУАК	Пензенская ученая архивная комиссия
РГИА	Российский государственный исторический архив
Св. Синод	Святейший Правительствующий Синод

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Источники

1.1. Архивные документы

Государственный архив Пензенской области (ГАПО)

1. Ф. 182. – Пензенская духовная консистория (1730-1933 гг.).
2. Ф. 21. – Пензенская духовная семинария. Оп. 1. Д. 263, 345, 431, 520, 684, 938, 953, 1124.
3. Ф. 226. – Пензенское епархиальное женское училище.
4. Ф. 269. – Пензенский церковный историко-археологический и статистический комитет. Д.1, 2, 3.
5. Ф. 132. – Коллекция документов Пензенской губернской ученой архивной комиссии.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

6. Ф. 796. – Канцелярия Синода (1720-1918 гг.). Оп. 146. Д. 1495; Оп. 186. Д. 1008; Оп. 442. Д. 108, 285, 1405, 2044, 2104, 2228, 2719.
7. Ф. 802. – Учебный комитет при Синоде (1807-1918 гг.). Оп. 9 Отчеты. Разд. X. Д. 45; Оп. 9 Отчеты. Разд. X. Д. 137, 232; Оп. 10 Отчеты. Раздел XIV (1909-1910 гг.). Д. 34; Оп. 10 Отчеты. Раздел I (1896-1897 гг.). Д. 34; Оп. 10 1903 г. Д. 66.

1.2. Опубликованные источники

1.2.1. Нормативные правовые акты

8. Свод Законов Российской Империи // Сайт «Классика Российского права Проект компании «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]: URL: https://civil.consultant.ru/code/ (дата обращения: 01.01.2025). – Текст : электронный.

1.2.2. Материалы периодической печати

9. Пензенские епархиальные ведомости. – 1866. – №№1-24.
10. Пензенские епархиальные ведомости. – 1867. – №№1-24.
11. Пензенские епархиальные ведомости. – 1868. – №№1-24.
12. Пензенские епархиальные ведомости. – 1869. – №№1-24.
13. Пензенские епархиальные ведомости. – 1870. – №№1-24.
14. Пензенские епархиальные ведомости. – 1871. – №№1-24.
15. Пензенские епархиальные ведомости. – 1872. – №№1-24.
16. Пензенские епархиальные ведомости. – 1873. – №№1-24.
17. Пензенские епархиальные ведомости. – 1874. – №№1-24.
18. Пензенские епархиальные ведомости. – 1875. – №№1-24.
19. Пензенские епархиальные ведомости. – 1876. – №№1-24.
20. Пензенские епархиальные ведомости. – 1877. – №№1-24.
21. Пензенские епархиальные ведомости. – 1878. – №№1-24.
22. Пензенские епархиальные ведомости. – 1879. – №№1-24.
23. Пензенские епархиальные ведомости. – 1880. – №№1-24.
24. Пензенские епархиальные ведомости. – 1881. – №№1-24.
25. Пензенские епархиальные ведомости. – 1882. – №№1-24.
26. Пензенские епархиальные ведомости. – 1883. – №№1-24.
27. Пензенские епархиальные ведомости. – 1884. – №№1-24.
28. Пензенские епархиальные ведомости. – 1885. – №№1-24.
29. Пензенские епархиальные ведомости. – 1886. – №№1-24.

30.Пензенские епархиальные ведомости. – 1887. – №№1-24.
31.Пензенские епархиальные ведомости. – 1888. – №№1-24.
32.Пензенские епархиальные ведомости. – 1889. – №№1-24.
33.Пензенские епархиальные ведомости. – 1890. – №№1-24.
34.Пензенские епархиальные ведомости. – 1891. – №№1-24.
35.Пензенские епархиальные ведомости. – 1892. – №№1-24.
36.Пензенские епархиальные ведомости. – 1893. – №№1-24.
37.Пензенские епархиальные ведомости. – 1894. – №№1-24.
38.Пензенские епархиальные ведомости. – 1895. – №№1-24.
39.Пензенские епархиальные ведомости. – 1896. – №№1-24.
40.Пензенские епархиальные ведомости. – 1897. – №№1-24.
41.Пензенские епархиальные ведомости. – 1898. – №№1-24.
42.Пензенские епархиальные ведомости. – 1899. – №№1-24.
43.Пензенские епархиальные ведомости. – 1900. – №№1-24.
44.Пензенские епархиальные ведомости. – 1901. – №№1-24.
45.Пензенские епархиальные ведомости. – 1902. – №№1-24.
46.Пензенские епархиальные ведомости. – 1903. – №№1-24.
47.Пензенские епархиальные ведомости. – 1904. – №№1-24.
48.Пензенские епархиальные ведомости. – 1905. – №№1-24.
49.Пензенские епархиальные ведомости. – 1906. – №№1-24.
50.Пензенские епархиальные ведомости. – 1907. – №№1-24.
51.Пензенские епархиальные ведомости. – 1908. – №№1-24.
52.Пензенские епархиальные ведомости. – 1909. – №№1-24.
53.Пензенские епархиальные ведомости. – 1910. – №№1-24.
54.Пензенские епархиальные ведомости. – 1911. – №№1-24.
55.Пензенские епархиальные ведомости. – 1912. – №№1-24.
56.Пензенские епархиальные ведомости. – 1913. – №№1-24.
57.Пензенские епархиальные ведомости. – 1914. – №№1-24.
58.Пензенские епархиальные ведомости. – 1915. – №№1-24.
59.Пензенские епархиальные ведомости. – 1916. – №№1-24.

60. Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – №№1-27.

1.2.3. Статистические материалы

61. Материалы по истории Пензенской и соседних губерний/ собранные действительными членами Воронежского губ. Статистического комитета Л. Вейнбергом и А. Полторацкой, с предисловием А. Ф. Селиванова. – Пенза: Губернская типография, 1889. – 20 с. – Текст : непосредственный.
62. Пензенская епархия: историко-статистическое описание: с картой Пензенской губернии. – Издание редакции Пензенских епархиальных ведомостей. – Пенза: Типография губ. правления, 1907. – 321 с. – Текст : непосредственный.
63. Пензенский губернский статистический комитет. Сборник Пензенского губернского статистического комитета / Под ред. В.П. Попова. Вып. 1. – Пенза, 1893–1905. – 22. Вып. 6. – 1905. – 102 с. – Текст : непосредственный.
64. Пензенский губернский статистический комитет. Сборник Пензенского губернского статистического комитета. – Пенза: Типография Губернского правления. Вып. 5: Юбилейный сборник Пензенского губернского статистического комитета. – Изд. Комитетом ко дню столетней годовщины восстановления Пензенской губернии (9 сентября 1801–1901), 1901. – [90]. – Текст: непосредственный.
65. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – Санкт-Петербург: в типографии Карла Вульфа, 1861-1885. – Текст: непосредственный.

1.2.4. Словари, справочники, энциклопедии

66. «Пензенские епархиальные ведомости»: первое двадцатипятилетие, 1866-1890 гг.: вып.1. Систематический указ. – Саранск: Тип. Е. И. Кожевникова, 1900. 424 с. – Текст : непосредственный.
67. Памятная книжка Пензенской губернии за…. – Пенза: Издана Пензенским губернским статистическим комитетом, 1869-1889: 1889 год. – 1888. – VI, XXII, – 439 с. – Текст : непосредственный.
68. Памятная книжка Пензенской губернии за…. – Пенза: Издана Пензенским губернским статистическим комитетом, 1869-1868, 1869: 1868 и 1869 годы с прибавлением адрес-календаря лиц, состоящих на службе в Пензенской губернии к 1 января 1870 г. – Текст : непосредственный.
69. Пензенская энциклопедия. 2-е издание, уточненное и дополненное / Гл. ред. А. Ю. Казаков. – Пенза: Областной издательский центр, 2019. – Том 1. – 836 с. – Текст : непосредственный.
70. Пензенская энциклопедия. 2-е издание, уточненное и дополненное / Гл. ред. А. Ю. Казаков. – Пенза: Областной издательский центр, 2019. – Том 2. – 811 с. – Текст : непосредственный.
71. Попов, А. Памятная книжка Пензенской епархии. – Пенза: типография Губерн. правления, 1897. – 86 с. – Текст : непосредственный.
72. Попов, А. Е. Церкви, причты и приходы Пензенской епархии / сост. А. Попов. – Пенза: тип. губ. правления, 1896. – 272 с. – Текст электронный // URL: http://elib.shpl.ru/nodes/13450 (дата обращения: 01.03.2023).
73. Систематический указатель к Пензенским Епархиальным Ведомостям за 1866–1900 гг. / Приложение к «Пензенским Епархиальным Ведомостям» 1902 г. – Пенза: Тип. Губерн. Правления, 1902. – 108 с. – Текст: непосредственный.

5. Электронные ресурсы

74. Интернет-проект «Духовенство Русской Православной Церкви в XX веке: биографическая база данных и собрание материалов». Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь. [Электронный ресурс]. URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/2268/ (дата обращения: 10.03.2025). – Текст : электронный.
75. Российская национальная библиотека. [Электронный ресурс]. URL: https://primo.nlr.ru/primo-explore/search?vid=07NLR_VU1&tab=default_tab&facet=&query=any,contains,пензенские%20епархиальные%20ведомости (дата обращения: 10.04.2023). – Текст : электронный.
76. Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова. [Электронный ресурс]. URL: https://neo.liblermont.ru/pwb/?cq=cql.allIndexes%20all%20%22пензенские%20епархиальные%20ведомости%22 (дата обращения: 10.02.2023). – Текст : электронный.
77. Пензенская епархия Русской Православной Церкви. [Электронный ресурс]. URL: https://пензенская-епархия.рф (дата обращения: 10.01.2023). – Текст : электронный.
78. Домнин, С. В. Именной указатель к журналу «Пензенские епархиальные ведомости». 1866–1917 гг. (А – Я) / С. В. Домнин, И.И. Маслова, О.А. Сухова, Р.М. Кирякин // Свидетельство о регистрации базы данных RU 2023621086, 04.04.2023. Заявка № 2023620706 от 16.03.2023. – Пенза, Пензенская епархия Русской Православной Церкви, 2023. – 915 с. Церковно-исторический комитет Пензенской Епархии. [Электронный ресурс]. URL: http://historypenza.ru/imennoj-ukazatel/ (дата обращения: 10.01.2023). – Текст : электронный.

79. Большой энциклопедический словарь, 2000. [Электронный ресурс]. URL: //https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/81526 (дата обращения: 15.10.2025). – Текст : электронный.

2. Литература

2.1. Монографии, статьи

80. Августин, (Беляев), священномученик. Последовавший Христу верою. Житие и мученический подвиг за веру архиепископа Августина (Беляева) / Автор жития архим. Дамаскин (Орловский). – Тверь: Булат, 2020. – 442 с. – Текст : непосредственный.

81. Аравийский, Н., студент. Село Воскресенская Лопуховка Городищенского уезда (Историко-статистическое описание прихода) / Н. Аравийский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1907. – № 16. – С. 741–753.

82. Аравийский, Н., студент. Село Воскресенская Лопуховка Городищенского уезда: Историко-статистическое описание прихода / Н. Аравийский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1907. – № 18. – С. 863–874.

83. Бабкин, М. А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.): / М. А. Бабкин ; Гос. публичная ист. б-ка России. – Москва: Гос. публичная ист. б-ка России, 2007. – 530 с. ISBN 978-5-85209-176-5 – Текст : непосредственный.

84. Бахмустов, С. Б. «Пензенские епархиальные ведомости» (Из материалов к Энциклопедическому словарю МССР») / С. Б. Бахмутов. – Текст : непосредственный // Вестник Мордовского университета. – 1991. – № 1. – С. 45–46.

85. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – Москва: Художественная литература, 1990. – 541 с. – Текст : непосредственный.
86. Беглов, А. Л. Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы / А. Л. Беглов. – Москва: РГГУ, 2019. – 720 с. – Текст : непосредственный.
87. Безгин, В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX в.) / В. Б. Безгин. – Москва –Тамбов, 2004. – 304 с. – Текст : непосредственный.
88. Беловинский, Л. В. Жизнь русского обывателя: В 3 ч. (2-е издание). Ч. 1. Изба и хоромы / Л. В. Беловинский. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Изд-во «Альма Матер», 2024. – 381 с. – Текст : непосредственный.
89. Белохвостиков, Е. П. Пензенская и Нижнеломовская епархия / Е. П. Белохвостиков. – Текст : непосредственный // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2019. – Т. 55. – С. 318.
90. Белохвостиков, Е. П. По монастырям Пензенского края / Е. П. Белохвостиков. – Пенза: [б.и.], 2010. – 243 с. – Текст : непосредственный.
91. Белохвостиков, Е. П., Забродина, Н. И. Пензенские епархиальные ведомости / Е. П. Белохвостиков, Н. И. Забродина. – Текст : непосредственный // Пензенская энциклопедия: [80-летию Пензенской области посвящается: в 2 т.] / редсовет: О. В. Ягов (предс.) [и др.]; гл. ред. А. Ю. Казаков. – [2-е издание, уточненное и дополненное]. – Пенза: Областной издательский центр. – Т. 2. – 2019. – С. 176.
92. Беляев, А. Как христианин должен относиться к учению социализма? / А. Беляев. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 18. – С. 554–557.

93. Беляев, А. Церковное обновление / А. Беляев. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 11/12. – С. 308–310.

94. Бернштам, Т. А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церков. этнографии / Т. А. Бернштам. – Санкт-Петербург: Петерб. востоковедение, 2005 (ГУП Тип. Наука). – 413 с. – Текст : непосредственный.

95. Ближайшая задача православного духовенства. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 22. – С. 693–703.

96. Боголюбов, Павел, священник. Село Синдорово Краснослободского уезда: Историко-статистическое описание / П. Боголюбов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1908. – № 18. – С. 737–749.

97. Больные вопросы. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1916. – № 6. – С. 213–230.

98. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв.: [в 3-х томах] / Ф. Бродель. – Москва: Прогресс, 1986-1992. – Текст : непосредственный.

99. Булдаков, Р. В. Протокол Пензенского епархиального съезда духовенства и мирян / Р. В. Булдаков. – Текст : непосредственный // Церковный историк. – 2020. – № 1 (3). – С. 149–180.

100. Бурлуцкий, Иаков, протоиерей. История раскола в Пензенской епархии / И. Бурлуцкий. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1871. – № 12. – С. 353–364.

101. Бурлуцкий, Иаков, протоиерей. О пензенских священно-церковно-служителях во время Пугачевского бунта / И. Бурлуцкий. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1873. – № 23. – С. 813-827.

102. Бурлуцкий, Иаков, протоиерей. О святых иконах, пользующихся особым чествованием народа / И. Бурлуцкий. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1870. № 18. – С. 576–583.

103. Бурлуцкий, Иаков, протоиерей. От Редакции Духовенству Пензенской Епархии / И. Бурлуцкий. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1866. № 1. – С. 1–6.

104. Бурлуцкий, Иаков, протоиерей. Пенза. 1 января 1871 года / И. Бурлуцкий. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1871. – № 1. – С. 1–8.

105. Бурлуцкий, Иаков, протоиерей. Слово при поминовении русских воинов, убиенных в войне православных Сербов с Турками, и молении о даровании победы оружию славянскому. 29 Авг. 1876 года / И. Бурлуцкий. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1876. – № 19.– С. 6–11.

106. Быкова, А. Г. Исторический опыт общественно-государственного противодействия алкоголизации населения во второй половине XIX – начале XX вв. / А. Г. Быкова. – Текст : непосредственный // Отечественный журнал социальной работы. – 2012. – № 4. – С. 47–55.

107. Быстров, Николай, священник. К вопросу о том, что может сделать священник для искоренения пьянства между своими прихожанами / Н. Быстров. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1886. – № 21. – С. 6–12.

108. Быстров, Николай, священник. Мотивы современной жизни по отношению к пастырю. (Из новогодних дум и пожеланий) / Н. Быстров. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1916. – №1. – С. 3–8.

109. Быстров, Николай, священник. Освободительное движение и современный пастырь / Н. Быстров. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1906. – № 7. – С. 331–347.

110. Быстров, Николай, священник. Освободительное движение и современный пастырь / Н. Быстров. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1906. – № 8. – С. 391–402.

111. Быстров, Николай, священник. Памяти учителя (Николай Ксенофонтович Смирнов) / Н. Быстров. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1907. – № 5. – С. 194–200.

112. В защиту сельского духовенства. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 22. – С. 708–711.

113. В чем причина наших общественных несчастий? – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1908. – № 6. – С. 215–224.

114. Власть и общество Пензенского края в XIII-XXI вв.: исторические аспекты территориальной интеграции и формирование региональной идентичности: монография / под общ. ред. О. А. Суховой. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. – 684 с. – Текст : непосредственный.

115. Внебогослужебные собеседования пастырей Пензенской епархии: приложение к «Пензенским Епархиальным Ведомостям». – Пенза: Тип. Губ. Правления, 1893. – 152 с. – Текст : непосредственный.

116. Война и духовенство. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1915. – № 9. – С. 590–597.

117. Вопросы времени. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1905. – № 12. – С. 583–590.

118. Глебов, Евгений, священник. Село Дубасово Пензенского уезда (Историко-статистическое описание) / Е. Глебов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1903. – № 9. – С. 346–363.

119. Голубинский, И., священник. Село Аксел Краснослободского уезда / И. Голубинский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1907. – № 24. – С. 1194–1209.

120. Голубинский, И., священник. Село Усад Краснослободского уезда (Церковно-историко-статистический очерк) / И. Голубинский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1902. – № 3. – С. 117–127.

121. Горайко, А. В. «Пензенские епархиальные ведомости» как исторический источник: аспекты возможного (по материалам историографии) / А. В. Горайко. – Текст : непосредственный // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии. – 2022. – № 2 (24). – С. 27–45.

122. Городцов, В. А. Бытовая археология: Курс лекций / В. А. Городцов. – Москва: Московский Археологический Институт, 1910.– 474 с. – Текст : непосредственный.

123. Григорьев, Н. И. Алкоголизм и преступления в г. С.-Петербурге: Алкоголизм и преступления в городе Санкт-Петербурге: По материалам с.-петерб. гор. больниц и Арх. С. -Петерб. окр. суда / Н. И. Григорьев. – Санкт-Петербург: тип. П.П. Сойкина, 1900. – 245 с. – Текст : непосредственный.

124. Григорьев, Н. И. Общества трезвости в России [Докл., прочит. 10 февр. в комис. по вопросу об алкоголизме, сост. при Рус. о-ве охранения нар. здравия] / Н. И. Григорьев. – Санкт-Петербург: гос. тип., 1899. –17 с. – Текст : непосредственный.

125. Гроздов, А., священник. Село Селищи Краснослободского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк / А, Гроздов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1903. – № 17. – С. 741–760.

126. Гроздов, А., священник. Село Селищи Краснослободского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк / А, Гроздов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1903. – № 18. – С. 741–760.

127. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – Москва: Индрик, 1993. – 350 с. – Текст : непосредственный.

128. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – Москва, 1984. – 328 с. – Текст : непосредственный.

129. Гусева, Т. М. Сельские историки поневоле. Приходские священники – корреспонденты «Пензенских Епархиальных Ведомостей» / Т. М. Гусева. – Текст: непосредственный // Центр и периферия. – 2012. – № 1. – С. 82–87.

130. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. А-З. Т. 4, 27. Санкт-Петербург; Москва: т-во М. О. Вольф, 1903-1911. – Текст : непосредственный.

131. Дворжанский, А. И. История Пензенской епархии / А. И. Дворжанский. – Пенза: Пензенское епархиальное управление, 1999. – 512 с. – Текст : непосредственный.

132. Державин, А., священник. Село Борисовка Пензенского уезда: Историко-статистический очерк / А. Державин. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1903. – № 24. – С. 962–980.

133. Державин, Евгений, священник. Село Знаменское, Большой Буртас тож Керенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк / Е. Державин. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1909. – № 7. – С. 264–280.

134. Державин, Евгений, священник. Село Знаменское, Большой Буртас тож Керенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк / Е. Державин. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1909. – № 10. – С. 394–403.

135. Державин, Евгений, священник. Село Котел Керенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк / Е. Державин. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1912. – № 5. – С. 171–180.

136. Державин, Евгений, священник. Село Котел Керенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк / Е. Державин. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1912. – № 7. – С. 259–270.

137. Державин, Евгений, священник. Село Котел Керенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк / Е. Державин. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1912. – № 8. – С. 295–302.

138. Диалектика повседневности: методологический подход / Любутин К. Н., Кондрашов П. Н.; Ин-т философии и права УрО РАН, Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького, Российское филос. о-во. – Екатеринбург: УрГУ, 2007. – 295 с.– Текст : непосредственный.

139. Добронравов, Иоанн, священник. Как молятся на войне / И. Добронравов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1915. – №20. – С.861–870.

140. Добронравов, Иоанн, священник. Привет свободному органу пензенского духовенства / И. Добронравов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 13. – С. 375–376.

141. Докучаев, Н. Село Бояркино Городищенского уезда: Историко-статистическое описание / Н. Докучаев. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1885. – № 21. – С. 27–33.

142. Докучаев, Н., священник. Село Вырыпаево Саранского уезда Пензенской губернии: Историко-статистический очерк / Н. Докучаев. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1910. – № 22. – С. 932–941.

143. Докучаев, Н., священник. Село Вырыпаево Саранского уезда Пензенской губернии: Историко-статистический очерк / Н. Докучаев. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1910. – № 24. – С. 1024–1029.

144. Докучаев, Н., священник. Село Вырыпаево Саранского уезда Пензенской губернии: Историко-статистический очерк / Н. Докучаев. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1911. – № 1. – С. 24–30.

145. Докучаев, Н., священник. Село Вырыпаево Саранского уезда, Пензенской губернии: Историко-статистический очерк / Н. Докучаев. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1910. – № 23. – С. 971–981.

146. Домнин, С. В. «Пензенские епархиальные ведомости» как исторический источник для изучения государства и Российской Православной Церкви (1866-1917) / С. В. Домнин, И. И. Маслова, З. В. Пурис. – Текст : непосредственный // Конфессиональная политика в России в Новое и Новейшее время: Материалы международной научной заочной конференции, г. Москва 27 марта 2020 г. – Москва, 2021. – С. 113–121.

147. Домнин, С. В. Взаимоотношения Церкви и культуры: опыт прошлого и задачи современности / С. В. Домнин. – Текст : непосредственный // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии. – 2015. – № 2 (2). – С. 5–12.

148. Домнин, С. В. Взгляды православного духовенства на проблему народного пьянства и необходимость борьбы за трезвость: по материалам «Пензенских епархиальных ведомостей» (вторая половина XIX – начало XX в.) / С. В. Домнин. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2023. – № 2 (66). – С. 54–66.

149. Домнин, С. В. Революционные события начала XX века глазами православного духовенства (по материалам «Пензенских епархиальных ведомостей» 1905-1910 гг.) / С. В. Домнин – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2025. – № 1. – С.100–109.

150. Домнин, С. В. Роль Пензенского церковного историко-археологического и статистического комитета в формировании общественного интереса к провинциальной повседневности (по материалам «Пензенских епархиальных ведомостей» / С. В. Домнин. – Текст : непосредственный // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2023. – № 113. – С. 66–82.

151. Домнин, С. В., Белохвостиков, Е. П. Закрытие журнала «Сионский вестник» и его причины: важный этап религиозно-политической борьбы в России при Александре I / С. В. Домнин, Е. П. Белохвостиков. – Текст : непосредственный // Христианское чтение. – 2023. – № 3. – С. 310–318.

152. Домнин, С. В., Маслова, И. И. Василий Осипович Ключевский о влиянии православия на российское общество / С. В. Домнин, И. И. Маслова. – Текст : непосредственный // Высшая школа: научные исследования: Материалы Межвузовского международного конгресса (г. Москва, 5 января 2023 г.). – Москва: Издательство Инфинити, 2023. – С. 65–70.

153. Домнин, С. В., Маслова, И. И. Обращения к власти православного духовенства со страниц церковной периодической печати на рубеже XIX−XX вв. (по материалам «Пензенских епархиальных ведомостей») / С. В. Домнин, И. И. Маслова. – Текст : непосредственный // Языки власти: государство и народ в России в Новое и Новейшее время: Материалы Всероссийской с международным участием научной онлайн-конференции, г. Москва 19 мая 2023 г. / под ред. С. В. Леонова, Г. В. Талиной. – Москва: МПГУ, 2024 – С. 190–199.

154. Домнин, С. В., Маслова, И. И., Пурис, З. В. «Пензенские Епархиальные Ведомости» как исторический источник для изучения государства и Российской Православной Церкви (1866–1917) / С. В.

Домнин, И. И. Маслова, З. В. Пурис. – Текст : непосредственный // Конфессиональная политика в России в новое и новейшее время: Материалы международной научной заочной конференции. – Москва, 2021. – С. 113–121.

155. Домнин, С. В., Сухова, О. А., Коблова Н. А. Паломничество в Святую Землю и российская провинция на рубеже XIX-XX: источниковедческий потенциал Пензенских епархиальных ведомостей / С. В. Домнин, О. А. Сухова, Н. А. Коблова. – Текст : непосредственный // Вестник архивиста. – 2023. – № 3. – С. 713–725.

156. Дружинин, И. Село Шувары Инсарского уезда: Историко-статистический очерк / И. Дружинин. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1909. – № 3. – С. 124–132.

157. Духовный паралич общества. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1908. – № 15. – С. 549–560.

158. Жаткин, Д. Н., Дорошин, Б. А. История средств массовой информации Пензенского края / Д. Н. Жаткин, Б. А. Дорошин. – Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 1998. – 341 с. – Текст : непосредственный.

159. Забелин, И. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях / И. Забелин. – Москва: Типография Грачева и Комп., 1869. – 670 с.– Текст : непосредственный.

160. Задача момента для духовенства. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 9/10. – С. 267–274.

161. Заметка о крестьянских свадьбах. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1867. – № 20. – С. 602–605.

162. Зименков, В. Н. Алексей Лукич Хвощев/ В. Н. Зименков. – Текст : непосредственный // Пензенский временник любителей старины. – Пенза, 2004. – С. 81–86.

163. Из Пензы. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1877. – № 20. – С. 28–29.

164. Известия и заметки. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 25. – С. 810–814.

165. Иннокентий (Смирнов Иларион Дмитриевич; 1784-1819). Полное собрание творений [Текст]: в 10 томах / святитель Иннокентий Пензенский; [главный редактор высокопреосвященный Серафим, митрополит Пензенский и Нижнеломовский (Домнин С. В.); подготовка текста Е. П. Белохвостиков и др.]. Слова и речи. Заметки. Стихотворения. Письма. – Пенза: Изд-во Пензенской епархии, 2019. – 805 с. – ISBN 978-5-901445-26-6. – Текст : непосредственный.

166. Интеллигенция и народ. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1911. – № 5. – С. 141–147.

167. Инюшкин, Н. М. Провинциальная культура: взгляд изнутри / Н. М. Инюшкин. – Пенза, 2004. – 440 с. – Текст : непосредственный.

168. Иссинский, Владимир, священник. Приниженность духовенства / В. Иссинский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1907. – № 20. – С. 951–967.

169. Иссинский, Владимир, священник. Что нам делать? / В. Иссинский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1906. – № 11. – С. 557–566.

170. Истощение духа или тела? (о бедности священников). – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1910. – № 22. – С. 923–932.

171. К вопросу о преобразовании Пензенских Епархиальных Ведомостей. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1908. – № 5. – С. 195–200.

172. К вопросу об улучшении и расширении Епархиальных Ведомостей. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1906. – № 22. – С. 1134–1148.

173. К сведению Епархии. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 11/12. – С. 338.

174. К сведению семейств пензенских солдат. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1877. – № 21. – С. 26–27.

175. К текущему моменту. Почему гибнет Россия. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 22. – С. 711–721.

176. Как различные партии относятся к религии и Церкви. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 20/21. – С. 664–669.

177. Каменский, П., священник. Поучение по случаю сбора пожертвований на сооружение православного храма у подножия Балкан, для вечного поминовения воинов, павших в войну 1877-78 г. / П. Каменский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1885. – №24. – Прил. – С. 18–21.

178. Карнишин, В. Ю., Карнишина, Н. Г., Кошелева, А. И. Церковная проповедь и публицистика в России во второй половине XIX – начале XX в. / В.Ю. Карнишин, Н.Г. Карнишина, А.И. Кошелева. – Текст: непосредственный // Вопросы истории. – 2019. – № 6. – С. 14–149.

179. Карнишина, Н. Г. Дискуссия в печати второй половины XIX в. о месте и роли Русской православной церкви в общественной жизни пореформенной России / Н.Г. Карнишина. – Текст : непосредственный //Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. – 2020. – № 3 (55). – С. 15–21.

180. Карсаевский, Николай. Церковные кражи и меры против них / Н. Карсаевский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1903. – № 18. – С. 760–765.

181. Касаткина, С. С. Когнитивный образ повседневности российских городов / С. С. Касаткина. – Текст : непосредственный // Грамота (Тамбов): Исторические, философские, политические и юридические

науки, культурология, искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 10 (24). – В 2-х ч. – Ч. II. – С. 69–71.

182. Касьянова, К. О русском национальном характере. – Москва: Институт Национальной Модели Экономики, 1994. – 368 с. – Текст : непосредственный.

183. Кашеваров, А. Н. Печать Русской Православной Церкви в XX веке: очерки истории / А. Н. Кашеваров. – Санкт-Петербург: Роза мира, 2004. – 162 с. – Текст : непосредственный.

184. Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс. В 4 ч. Часть 1 / В. О. Ключевский. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 396 с. – Текст : непосредственный.

185. Ключов, Л., священник. Чтение для простого народа о вредных следствиях пьянства / Л. Ключов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1883. – № 7. – С. 11–20.

186. Колпакова, О. В. Духовенство и Церковь в системе формирования региональной идентичности / О. В. Колпакова. – Текст : непосредственный // Власть и общество Пензенского края в XIII–XXI вв.: исторические аспекты территориальной интеграции и формирование региональной идентичности: монография / под общ. ред. О. А. Суховой. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. – С. 197–209.

187. Колпакова, О. В. Организация сбора пожертвований православным духовенством Пензенской губернии в годы Русско-японской войны 1904-1905 гг. / О. В. Колпакова. – Текст : непосредственный // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии. – 2020. – № 3 (17). – С. 25–28.

188. Колпакова, О. В. Пастырское служение Пензенского духовенства в годы Первой мировой войны / О. В. Колпакова. – Текст : непосредственный // Былые годы. – 2021. – № 16 (2). – С. 1033–1049.

189. Колпакова, О. В., Сухова, О. А. Духовные ценности православия и формирования культуры взаимодействия в России во второй

половине XIX – начале XX в. / О. В. Колпакова, О. А. Сухова. – Текст : непосредственный // Власть и общество Пензенского края в XIII – XXI вв.: исторические аспекты территориальной интеграции и формирование региональной идентичности: монография / под общ. Ред. О. А. Суховой. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. – С. 209–219.

190. Кондрашин, В. В. Пензенская губерния и пензяки в годы Первой мировой войны / В. В. Кондрашин. – Текст: непосредственный // Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918: в 2-х кн. Кн. 1: 1914–1916 / отв. сост. В. В. Кондрашин. – Прага, 2014. – С. 12–66.

191. Коровин, А. М. Самоубийства и потребление водки в Европейской России с 1903-го по 1912-ый год / А. М. Коровин. – Москва: изд. доктора А. М. Коровина, 1916. – 55 с. – Текст : непосредственный.

192. Коровин, А. М. Цели и задачи обществ трезвости / А. М. Коровин. – Москва: Первое Моск. о-во трезвости, 1903. – 36 с.– Текст : непосредственный.

193. Костомаров, Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях / Н. И. Костомаров.– Москва: Республика, 1992. – 194 с. – Текст : непосредственный.

194. Котков, В. М., Коткова, Ю. В., Ивашко, М. И. Военное духовенство в Первой мировой войне. В 4 томах / Том I. – Санкт-Петербург: Астерион, 2022. – 687 с. – Текст : непосредственный.

195. Кошелева, А. И. Гласность и церковь: православное духовенство Пензенской и Самарской епархий пореформенного периода: монография / А. И. Кошелева. – Москва: [б. и.] ; с. Старая Потловка, Пензенская область: Спасское дело, 2024. – 291 с. – Текст : непосредственный.

196. Кошелева, А. И. Духовное и светское образование в дореволюционной России: к вопросу о противостоянии и

взаимодействии / А. И. Кошелева. – Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9–1 (35). – С. 72–77.

197. Кошелева, А. И. Епархиальная периодическая печать в Пензенской губернии в последней трети XIX в./ А. И. Кошелева. – Текст : непосредственный // Правовая политика государства: теория, история, практика: сб. науч. ст. – Пенза, 2011. – С. 171–178.

198. Кошелева, А. И. Информационно-просветительская деятельность православных священнослужителей в Поволжье в 1880-90-е годы/ А.И. Кошелева. – Текст : непосредственный // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы: Материалы III Всероссийского научно-методологического семинара. Министерство культуры Российской Федерации; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный институт культуры». – Самара, 2015. – С. 64–74.

199. Кошелева, А. И. Проповедническая деятельность приходского духовенства в епархиях среднего Поволжья в пореформенный период (на примере Пензенской и Самарской епархий) / А. И. Кошелева. – Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 2 (6). – С. 38–39.

200. Кошелева, А. И. Проповедничество приходского духовенства Пензенской и Самарской епархий в пореформенный период / А. И. Кошелева. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского государственного университета. – 2011. – № 4 (85). – С. 71–74.

201. Кошелева, А. И. Роль приходского духовенства в становлении церковно-приходского начального образования во второй половине XIX в. (по материалам «Пензенских епархиальных Ведомостей») / А.

И. Кошелева. – Текст : непосредственный // «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»: Материалы VII международного форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения». – Липецк: Изд-во Липецкой и Елецкой епархии, 2012. – С. 220–222.

202. Кто же виноват и где искать выхода? – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1907. – № 16. – С. 715-721.

203. Кузнецов, В. Д. Участие православного военного духовенства России в Первой мировой войне / В. Д. Кузнецов. – Текст : непосредственный // В сборнике: Война и мир в отечественной и мировой истории. материалы международной научной конференции: в 2 т. Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 267–274.

204. Кузьмина, Е. Е., Паршина, В. Н. Пензенские Епархиальные Ведомости как исторический источник по истории русской православной традиции / Е. Е. Кузьмина, В. Н. Паршина. – Текст: непосредственный // Русская культура: вчера, сегодня, завтра: Материалы I Междунар. научно-практической конференции в рамках I Открытого международного фестиваля русской традиционной культуры «Жар-птица». Пензенский государственный университет. – Пенза, 2016. – С. 6–10.

205. Куликов, Евфим. Село Абашево Наровчатского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк / Е. Куликов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1903. – № 10. – С. 403–415.

206. Куликов, Евфим. Село Абашево Наровчатского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк / Е. Куликов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1903. – № 11. – С. 450–458.

207. Курмаев, Михаил Владимирович.Книжная культура Среднего Поволжья (конец XVIII – начало XX в.) / М. В. Курмаев ; Российская

акад. наук, Самарский науч. центр. – Самара: СНЦ РАН, 2008. – 549 с. – Текст : непосредственный.

208. Лапынина, О. Н. Источниковедческий анализ журнала «Пензенские епархиальные ведомости» (XIX – начало XX в.) на основе применения новых компьютерных технологий / О. Н. Лапынина. – Текст : непосредственный // Библиография. Археография. Источниковедение: сборник статей и материалов. – Вып. 2. – Санкт-Петербург; Москва: Старая Басманная, 2015. – С. 158–162.

209. Лебедев, В. И. Избранные труды /Сост. Д. В. Лебедева, Л. В. Лебедева. – Пенза, 2024. – 752 с. – Текст : непосредственный.

210. Лебедев, Петр, священник. Село Кравково Городищенского уезда / П. Лебедев. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1902. – № 14. – С. 606–618.

211. Лебедева, Л. В. Источники исследования крестьянской повседневности в первое десятилетие Советской власти (на примере Пензенской губернии)/ Л. В. Лебедева. – Текст : непосредственный // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – Т.9. –№ 1-2. – С. 160–163.

212. Лебедева, Л. В., Осипова, С. А. Проблемы русского быта в работах В. О. Ключевского: народные игры / Л. В. Лебедева, С. А. Осипова. – Текст : непосредственный // В сборнике: Творческое наследие В. О. Ключевского в истории, культуре и литературе. Сборник статей по материалам VII Международной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения В. О. Ключевского. В 2-х частях. – Пенза, 2021. – С. 88–90.

213. Лелеко, В. Д. Культура повседневности / В. Д. Лелеко. – Санкт-Петербург, 2001. – 130 с. – Текст : непосредственный.

214. Лелеко, В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко; М-во культуры Рос. Федерации. С.-Петерб.

гос. ун-т культуры и искусств. – СПб., 2002. – 303 с. – Текст : непосредственный.

215. Леонтьева, Т. Г. Благотворительная деятельность православного духовенства во второй половине XIX – начале XX века / Т. Г. Леонтьева. – Текст : непосредственный // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2015. – № 3. – С. 68–85.

216. Леонтьева, Т. Г. Вера и прогресс: православное духовенство России во второй половине XIX –XX вв./ Т. Г. Леонтьева. – Москва: Новый хронограф, 2002. – 272 с. – Текст : непосредственный.

217. Лепилкина, О. И. Становление и типологические характеристики Епархиальных ведомостей в XIX – начале XX вв. / О. И. Лепилкина. – Текст: непосредственный // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2009. – № 2. – С. 103–107.

218. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции рус. дворянства (XVIII-нач. XIX в.) / Ю. М. Лотман. – [2-е изд.]. – Санкт-Петербург: Искусство, 1994. – 412 с. – Текст : непосредственный.

219. Любимов, Николай, священник. Обзор русско-турецкой войны 1877 года / Н. Любимов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1878. – № 3. – С. 1–13.

220. Любимов, Николай, священник. Очерк русско-турецкой войны 1877 года. Чтение для народа / Н. Любимов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1878. – № 5. – С. 21–32.

221. Люстров, Ал., священник с. Безстужево Инсарского уезда. Поучение против неприличного обычая катать по земле причетника при служении на св. Пасху мирского молебна / А. Люстров. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1884. – №24. – прилож. № 2, – С. 34–35.

222. Магнусов, Симеон, епархиальный миссионер, протоирей. Взгляд на войну с точки зрения христианского разума и Св. Писания / С. Магнусов. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1914. – №19. – С. 783–799.

223. Магнусов, Симеон, епархиальный миссионер, протоирей. Призыв духовенства к плодотворной деятельности / С. Магнусов. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 7/8. – С. 232–235.

224. Мазалова, Н. Е. «Знающие» в традиционном русском деревенском социуме (по материалам Пензенских епархиальных ведомостей) / Н. Е. Мазалова. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (30). – С. 31–43.

225. Малова, Е. Ю. Повседневность: сущность и предмет изучения в гуманитарных науках / Е. Ю. Малова. – Текст : непосредственный // Современные наукоемкие технологии. – 2007. – № 7. – С. 68–71.

226. Масловский, В. По епархии. Епархиальный печатный орган и епархиальное духовенство / В. Масловский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 14. – С. 403–408.

227. Масловский, В. По епархии. Редакторская деятельность Алексея Егоровича Попова / В. Масловский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 13. – С. 360–369.

228. Матюшин, С. Бурлуцкий Иаков Петрович / С. Матюшин. – Текст : непосредственный // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. – Т. 6. – С. 379.

229. Мачинский, Е. Печальный голос одного из трезвенников Пензенской губернии об алкоголизме и картежной игре / Е.

Мачинский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1912. – № 10. – С. 399–412.

230. Мендюков, А. В. Русская ПравославнаяЦерковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX-XX веков: [монография] / А. В. Мендюков; Ун-т Дмитрия Пожарского. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. – 163 с. – Текст : непосредственный.

231. Милов, Василий, священник. Поучение о том же [о пьянстве] / В. Милов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1882. – № 24. – Прил. – С. 58–61.

232. Министерство исповеданий. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 16. – С. 491–496.

233. Мокшина, Е. Н. Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX - начале XXI века / Е. Н. Мокшина; Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Саранск: [б. и.], 2006. – 306 с. – Текст : непосредственный.

234. Молебствие пред выступлением военного полка на Кавказ и речь Его Преосвященства Епископа Григория. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1877. – № 14. – С. 1–4.

235. Мордвинов, И. П. Общество трезвости, жизнь и работа в нем / И. П. Мордвинов. – Санкт-Петербург: Александро-Нев. о-во трезвости, 1910. – 227 с. – Текст : непосредственный.

236. Муромский, А., священник. Причины нетрезвости простого народа в Пензенской губернии / А. Муромский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1893. – № 8. – С. 312–321.

237. Муромский, А., священник. Пьянство в народных пословицах / А. Муромский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1902. – № 10. – С. 409-417.

238. Н. Б. Нужна ли работа обществ трезвости в настоящее время? – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1916. – №5. – С. 163–175.

239. На помощь нашим воинам. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1914. – № 16. – С. 658–663.

240. Набоков, Н. Пензенское духовенство в первые дни русской свободы / Н. Набоков. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917.– № 9/10. – С. 257–267.

241. Некрылова, Е. В. О прошлом и настоящем вестника Пензенской епархии / Е. В. Некрылова. – Текст : непосредственный // Пензенские Епархиальные ведомости. – 2016. – № 4. – С. 26–30.

242. Несмелов, Н., священник. Нужды современной деревни / Н. Несмелов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 14. – С. 397–402.

243. Николай Ксенофонтович Смирнов (некролог). – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1907. – № 5. – С. 191–194.

244. Никольский, А., священник. Село Сиалеевский Майдан Инсарского уезда: Историко-статистическое описание / А. Никольский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1902. – № 19. – С. 771–791.

245. Никольский, А., священник. Село Шадрино Наровчатского уезда: Историко-статистическое описание прихода / А. Никольский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1907. – № 14. – С. 625–635.

246. О политических партиях. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – Прил.3 – С. 19–26.

247. Об издании «Пензенских епархиальных ведомостей» в 1887 г. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1886. – № 22. – С. 1–2.

248. Обращение к духовенству. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1905. – № 24. – С. 1355–1359.

249. Одинцов, М. И. Думский вызов: религиозные свободы и вероисповедные реформы в Российской империи (1900 г. – февраль 1917 г.) / М. И. Одинцов. – Санкт-Петербург: Российское объединение исследователей религии, 2013. – 180 с. – Текст : непосредственный.

250. Орлов, И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов; Гос. ун-т Высш. шк. экономики. – Москва: Изд. дом Гос. ун-та. Высш. шк. экономики, 2010. – 316 с.– Текст : непосредственный.

251. Остроумов, Василий, священник. Поучение пред сбором пожертвований на нужды «Общества Красного Креста» / В. Остроумов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1904. – № 6. – С. 215–217.

252. От редакционного комитета. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 11/12. – С. 301–303.

253. От Совета Пензенского церковного историко-археологического и статистического комитета. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1912. – № 1. – С. 21–23.

254. Открытие лазарета для раненых и больных воинов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1877. – № 14. – С. 4–6.

255. Открытие церковного историко-археологического и статистического комитета с церковным древлехранилищем при Пензенской духовной семинарии. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1902. – № 5. – С. 208–217.

256. Павел Михайлович Прудентов. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1905. – № 3. – С. 168–169.

257. Пастыри о пастве : Ист.-стат. описание рус. сел Пензенской губернии приходскими священниками / составление, вступ. ст.,

археогр. предисл., коммент., именной и геогр. указ. Т. М. Гусевой ; [ред. совет: Г. А. Куршева (пред.), Е. В. Глазкова (отв. секретарь) и др. ; редкол.: Т. М. Гусева, Г. А. Куршева (отв. редакторы) и др.]. – Саранск : НИИГН, 2018. – 504 с. – Текст : непосредственный.

258. Пастырство и политика. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1907. – № 8. – С. 295–302.

259. Пастырям, доставляющим свои поучения в редакцию Епарх. Ведомостей для напечатания. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1881. – № 15. – С. 1–5.

260. Пенза, 15 мая 1877 г. (война с Турцией). – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1877. – № 10. – С. 1–4.

261. Первушкин, В. И. Роль губернских статистических комитетов в формировании научных знаний в российской провинции / В. И. Первушкин. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии. – Витебск. – 2019. – С. 76–80.

262. По вопросу об издании Епархиальных Ведомостей в настоящее время. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 7/8. – С. 209–211.

263. По епархии. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1906. – № 16. – С. 861–863.

264. По епархии. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1906. – № 19. – С. 1007–1009.

265. Покровский, Д., священник. Село Вичкилеи Городищенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк / Д. Покровский. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1903. – № 22. – С. 899–907.

266. Покровский, Ф., священник. Историко-статистическое и описание села Воеводского Саранского уезда / Ф. Покровский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1904. – № 4. – С. 121–141.

267. Покровский, Ф., священник. Историко-статистическое и описание села Воеводского Саранского уезда / Ф. Покровский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1904. – № 7/8. – С. 233–246.

268. Покровский, Ф., священник. Историко-статистическое и описание села Воеводского Саранского уезда / Ф. Покровский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1904. – № 9. – С. 293–311.

269. Положение вопроса о народной трезвости и отношение к нему духовенства. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1915. – №7/8. – С. 268–282.

270. Померанцев, И., священник. Новое явление в религиозной жизни народа порожденное войной / И. Померанцев. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1916. – №18. – С. 605–608.

271. Померанцев, И., священник. Село Иога Городищенского уезда: Историко-статистический очерк войной / И. Померанцев. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1914. – № 16. – С. 645–657.

272. Померанцев, Иоанн, священник. В защиту православного духовенства и монастырей в переживаемое нами время войной / И. Померанцев. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1915. – № 21. – С. 891–903.

273. Померанцев, Иоанн, священник. Великая роль духовенства в борьбе за трезвость и благие плоды ее войной / И. Померанцев. – Текст:

непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1915. – № 5. – С.154–157.

274. Померанцев, Иоанн, священник. Деревня в дни войны войной / И. Померанцев. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1915. – № 15. – С. 627–634.

275. Померанцев, Иоанн, священник. Село Голубцовка Саранского уезда (Историко-статистический очерка) войной / И. Померанцев. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1915. – № 4. – С. 114–127.

276. Попов, А. Е. По вопросу об улучшении издания епархиальных ведомостей / А.Е. Попов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1881. – № 2. – С. 1–11.

277. Программа историко-статистического описания церквей и приходов Пензенской епархии. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1902. – № 4. – С. 148–160.

278. Против анархии. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 11/12. – С. 303–308.

279. Протодиаконов, А., протоиерей. Дело трезвости в Пензенской епархии / А. Протодиаконов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1914. – № 2. – С. 58–62.

280. Пушкарева, Н. В., Любичанковский, С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе / Н. В. Пушкарева, С. В. Любичанковский. – Текст: непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – № 1. – Т. 4.– С. 7–21.

281. Пушкарева, Н. Л. История частной жизни и история повседневности: содержание и соотношение понятий / Н.Л. Пушкарева. – Текст : непосредственный // Социальная история. – М., 2005. – С. 19–23.

282. Пушкарева, Н. Л. Научное направление «история повседневности» в отечественной и зарубежной историографии (к оценке итогов историко-антропологического поворота в социальных науках) / Н. Л. Пушкарева. – Текст: непосредственный // Вестник антропологии. – 2016. – № 3 (35). – С. 132–138.

283. Резухин, П. С. Общественно-политическая активность православного духовенства в годы Первой мировой войны (на примере Тульской епархии) / П. С. Резухин. – Текст: непосредственный // Вестник Калужского университета. Серия 3. История. Политика. Право. – 2024. – № 1 (4). – С. 52–55.

284. Розенберг, Н. В. Культура повседневности: методология исследования / Н. В. Розенберг; М-во образования и науки Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Тамбовский гос. ун-т имени Г. Р. Державина». – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2010. – 200 с. – Текст : непосредственный.

285. Розов, А. Н. Фольклорно-этнографические материалы на страницах журнала «Пензенские Епархиальные ведомости» (1866–1917) / А. Н. Розов. – Текст : непосредственный // Русский фольклор: Материалы и исследования. – СПб., 2008. – Т. 33. – С. 381–424.

286. Розов, Александр Николаевич. Священник в духовной жизни русской деревни / А.Н. Розов; Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). – Санкт-Петербург: Алетейя, 2003 (Акад. тип. Наука РАН). – 253 с. ISBN 5-89329-559-5 – Текст : непосредственный.

287. Росницкий, А., священник. Село Никольское-Борнуки Городищенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк / А. Росницкий. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1904. – № 15. – С. 578–598.

288. Росницкий, А., священник. Село Никольское-Борнуки Городищенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический

очерк / А. Росницкий. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1904. – № 16. – С. 624–637.

289. Росницкий, А., священник. Село Никольское-Борнуки Городищенского уезда Пензенской епархии: Историко-статистический очерк / А. Росницкий. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1904. – № 17. – С. 659-669. – Текст: непосредственный.

290. Рябова, Г. Н. Повседневная жизнь в годы революции: парадоксы бытия / Г. Н. Рябова. – Текст : непосредственный // В сборнике: 1917 год в российской провинции. Сборник научных статей Международной научно- практической конференции, посвященной 100- летию Великой российской революции. – Пенза, 2017. – С. 211–215.

291. Савин, О. М. Живая память Ист.-лит. очерки / О. М. Савин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. – 175 с. – Текст : непосредственный.

292. Савин, О. М. Судьбы и память: Ист.-лит. док. очерки / О. М. Савин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003. – 326 с. – Текст : непосредственный.

293. Савин, О. М., Тюстин А. В. Попов Алексей Егорович / О. М. Савин, А. В. Тюстин. – Текст : непосредственный // Пензенская энциклопедия. 2-еиздание, уточненное и дополненное / Гл. ред. А. Ю. Казаков. – Пенза, 2019. – Том 2. – С. 255.

294. Садырова, М. Ю. Религия и церковь в повседневной жизни русского крестьянства в конце XIX-XX вв. (По материалам Пензенской и Саратовской губерний) / М. Ю. Садырова. – Москва: ФГБОУО ВПО «РГУИТП», 2012. 208 с. – Текст : непосредственный.

295. Саляев, Е. И. Пензенский край: уезды, провинция, наместничество, губерния, область: административно-территориальное, церковное деление и демография края в XVI-начале XXI века: [(очерки истории, документы)] / Е. И. Саляев. – Москва: Юриспруденция, 2014. – 700 с. – Текст : непосредственный.

296. Священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский и Галицкий. Проповеди, слова, поучения. В 3-х томах. – Тверь: Булат, 2008. – 496 с. – Текст : непосредственный.

297. Село Исса Инсарского уезда: Историко-статистическое описание. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1916. – № 4. – С. 139–149.

298. Слуцкая, С. А. «Епархиальные ведомости» как тип краеведческого издания и источник библиографической информации / С. А. Слуцкая. – Текст : непосредственный // Методические и исторические аспекты краеведческой библиографии: Межвуз. сб. науч. тр. – Москва: МГИК, 1993. – С. 86–89.

299. Смирнов Н. Речь пред выносом из квартиры тела протоиерея И. П. Бурлуцкого / Н. Смирнов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1886. – № 20. – С. 21–23.

300. Смирнов, А. В. Генеалогия повседневности монография / А. В. Смирнов. – Санкт-Петербург: Петербургский ин-т печати, 2012. – 159 с. – Текст : непосредственный.

301. Смирнов, Н. К. Изъяснение церковно-гражданских постановлений относительно браков, заключаемых в родстве или свойстве / [Соч.] Николая Смирнова, преп. Пенз. духов. семинарии. – Пенза: Губ. тип., 1877. – 102 с. – Текст : непосредственный.

302. Смирнов, Н. К. Мордовское население Пензенской губернии / Н.К. Смирнов. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1874. – № 1. – С. 19–24; Пензенские епархиальные ведомости. – 1875. – № 2. – С. 1–10.

303. Смирнов, Н. К. О степенях и видах родства: Наглядный и простейший способ определять близость родственных отношений между лицами, желающими вступить в брак / Сост. Николай Смирнов, преп. Пензенской духовной семинарии. – Пенза: Губ. тип., 1875. – 51 с. – Текст : непосредственный.

304. Смирнов, Н. Пенза 1 октября (война с Турцией) / Н. Смирнов. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1876. – №19. – С. 1–6.

305. Смирнов, Н. По поводу открытия при Пензенской духовной семинарии церковного историко-археологического и статистического комитета / Н. Смирнов // Пензенские епархиальные ведомости. –1902. – № 1. – С. 28–34. – Текст : непосредственный.

306. Соколов, В. П. Саратовские епархиальные ведомости за пятьдесят лет их существования, июнь 1865 г. – май 1915 г.: Ист. очерк / В. П. Соколов. – Саратов: Тип. Союза печ. дела, 1915. – 81 с. – Текст : непосредственный.

307. Соколов, Н., священник. Открытое письмо к пастырям – собратам епархии / Н. Соколов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1905. – №20. – С. 1109–1111.

308. Соколов, Н., священник. Очерки религиозно-нравственной жизни простого народа/ Н. Соколов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1892. – № 13. – С. 509–519.

309. Соколов, Н., священник. Очерки религиозно-нравственной жизни простого народа / Н. Соколов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1892. – № 9. – С. 348–354.

310. Составляет ли вино существенную потребность для народа? – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1866. – № 24. – С. 847–851.

311. Список городов и сел Пензенской епархии, приходы которых уже имеют свои описания (в печатном или рукописном виде). – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. –1912. – № 9. – С. 377–378.

312. Список нижним чинам, убитым в сражении против неприятеля в июне 1877 г. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1877. – № 17. – С. 31.

313. Столыпин, Кл., священник. Село Блохино Саранского уезда: Историко-статистический очерк / К. Столыпин. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1907. – № 21. – С. 1022–1041.

314. Студенский, Г. К лучшей жизни / Г. Студенский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 18. – С. 548–553.

315. Студенский, Г. Мысли вслух / Г. Студенский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 20/21. – С. 669–673.

316. Студенский, Г. Письмо из деревни / Г. Студенский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 16. – С. 513–516.

317. Студенцов, Н., священник. Поучение к сельским прихожанам о пожертвованиях в пользу раненых и больных воинов / Н. Студенцов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1878. – № 2. – С. 7–13.

318. Суеверие на войне (Письмо с фронта). – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 22. – С. 728–729.

319. Сухова, Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы: вторая половина XIX века / Н. Ю. Сухова. – Москва: Православный Св. -Тихоновский гуманитарный ун-т, 2006. – 656 с. – Текст : непосредственный.

320. Сухова, О. А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья / О. А. Сухова. – М., 2008. ISBN 978–5–8243–1006–1 – 679 с. – Текст : непосредственный.

321. Сухова, О. А. Духовные ценности православия и формирования культуры взаимодействия в России во второй половине XIX в. (по отчетам приходского духовенства Пензенской губернии) / О. А. Сухова. – Текст : непосредственный // В сборнике: Христианские ценности и межкультурное взаимодействие. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. – Брест, 2022. – С. 168-173.

322. Сухова, О. А. История повседневности Первой мировой войны: методология и источники / О. А. Сухова. – Текст : непосредственный // Вестник архивиста. – 2014. – № 3. – С. 35–51.

323. Сухова, О. А. История повседневности: предмет и метод исследовательской практики / О. А. Сухова. – Текст : непосредственный // Человек в Российской повседневности: история и современность. VIII Международная научно-практическая конференция: сборник статей. Отделение историко-филологических наук РАН; Научный совет по исторической демографии и исторической географии; Институт российской истории; Пензенский государственный университет архитектуры и строительства; Межотраслевой научно-информационный центр; научный редактор: С. Д. Морозов, В. Б. Жиромская. – Москва, 2015. – С. 64–67.

324. Сухова, О. А. Разработка источниковедческих аспектов истории повседневности новейшего времени / О. А. Сухова. – Текст : непосредственный // Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история. сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, под ред. Т. В. Стрыгиной. – Пенза, 2015. – С. 304–310.

325. Сухова, О. А. Сельский мир на исходе гражданской войны: экстремальная повседневность и практики адаптации (по материалам Среднего Поволжья) / О. А. Сухова. – Текст : непосредственный // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические

последствия, уроки для современности. сборник научных трудов. Институт истории СО РАН. – Новосибирск, 2022. – С. 172–183.

326. Сухова, О. А. Социальные настроения и массовое социальное поведение провинциального общества в годы Первой мировой войны / О. А. Сухова. – Текст : непосредственный // XX век и Россия: общество, реформы, революции. – 2014. – № 2. – С. 105–128.

327. Терещенко, А. В. Быт русского народа: в 7 ч. / А. В. Терещенко. – Санкт-Петербург, 1848. – Текст : непосредственный.

328. Тифлисов, В., священник. Николаевка Пензенского уезда. Зимние стоянки солдат по селам и деревням и их влияние на народ / В. Тифлисов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1873. – № 11. – С. 403–413.

329. Троицкий, Александр, прот. «Пензенские Епархиальные Ведомости» / А. Троицкий. – Текст : непосредственный // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2019. – Т. 55. – С. 341–344.

330. Туберозов, Д., священник. Воскресные базары, как великое зло в религиозно-просветительной и воспитательной деятельности православного духовенства / Д. Туберозов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1913. – № 9. – С. 281–294.

331. Тюстин, А. В. «Исполнен долг, завещанный от Бога» / А.В. Тюстин. – Текст : непосредственный // Краеведение. – 1997. – № 2. – С. 21–27.

332. Уваров, А. С. Миряне и их быт по курганным раскопкам / А. С. Уваров. – Москва: Синодальная типография, 1872. – 217 с. – Текст : непосредственный.

333. Ужасное злодеяние. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1907. – № 11. – С.472–475.

334. Успенский, Б. А. Семиотика истории. Семиотика культуры / Б.А. Успенский. – Текст : непосредственный // Успенский Б. А. Избранные труды. – В 2-х т. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – Т. 1. – 608 с.

335. Федотов, В. А. Военное духовенство в Русско-японскую войну (1904-1905 годы) / В. А. Федотов. – Текст : непосредственный // Межрегиональные Пименовские чтения. – 2025. – № 22. – С. 78–83.

336. Фирсов, С. Л. Революция 1917 года и проблема «демократизации» Русской Церкви / С. Л. Фирсов. – Текст: непосредственный // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 51–67.

337. Фриз, Грегори. Губительное благочестие: Российская церковь и падение империи / Сост., вступит. статья, коммент. П. Г. Рогозного; пер. с англ. А. Глебовской. – Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 352 с. – Текст : непосредственный.

338. Хвощев, А. Л. Изгнание религии из школы / А. Л. Хвощев. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 16. – С. 478–488.

339. Хвощев, А. Л. К текущему моменту школы / А. Л. Хвощев. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 18. – С. 525–533.

340. Хвощев, А. Л. Может ли духовенство быть партийным? школы / А. Л. Хвощев. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 13. – С. 351–359.

341. Хвощев, А. Л. Несколько слов о цели учреждения Пензенского церковного комитета и о программе историко-статистического описания приходов епархии школы / А. Л. Хвощев. – Текст :

непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1902. – № 4. – С. 137–148.

342. Хвощев, А. Л. О современном положении духовенства Православной Церкви школы / А. Л. Хвощев. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 19. – С. 583–595.

343. Хвощев, А. Л. Очерки по истории Пензенского края: с этнографической, историческими картами Пензенского края и планом г. Пензы XVIII в. / А. Л. Хвощев. – Пенза: Государственное издательство, Пензенское отделение, 1922. – 150 с. – Текст : непосредственный.

344. Хвощев, А. Л. Село Каменка-Дмитриевское Пензенского уезда: Историко-статистический очерк школы / А. Л. Хвощев. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1904. – № 19. – С. 735–754.

345. Хвощев, А. Л. Церковь и государство школы / А. Л. Хвощев. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1917. – № 14. – С. 383–392.

346. Церковь и современное общество (интеллигенция). – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1910. – № 9. – С. 289–300.

347. Черкасов, Николай, священник. Село Гремячевка, Городищенского уезда: Историко-статистический очерк / Н. Черкасов. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1902. – № 18. – С. 744–756.

348. Чернозерский, В., священник. Народная школа в борьбе с алкоголизмом / В. Чернозерский. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1907. – № 20. – С. 979–983.

349. Чернозерский, В., священник. Три года борьбы с народным пьянством: Историко-статистический очерк / В. Чернозерский. – Текст:

непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1911. – № 8. – С. 286–298.

350. Чукаловский, Н., протоиерей. Историко-статистическое описание с. Коповки, Керенского уезда, Пензенской епархии / Н. Чукаловский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1908. – № 15. – С. 560–566.

351. Швецов, Алексей, священник. Религиозное одичание, его причины и борьба с ним / А. Швецов. – Текст: непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1910. – № 24. – С. 1007–1014.

352. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь в XX веке / М. В. Шкаровский // URL: https://spbda.ru/publications/professor-mihail-shkarovskiy-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-v-xx-veke/ (дата обращения: 01.05.2020 г.). – Текст : электронный.

353. Южалина, Н. С. Провинциальное: типологические характеристики в социокультурном контексте / Н. С. Южалина. // Вестник ЮУрГУ. 2006. – № 17 (72). – С. 274–276. [Электронный ресурс]. – URL: http://psibook.com/religion/provintsialnoe-tipologicheskie-harakteristiki-v-sotsiokulturnom-kontekste.html (дата обращения: 15.10.2014). – Текст : электронный.

354. Ягодинский, И., протоиерей. Школьный алкоголизм и борьба с ним / И. Ягодинский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1913. – № 20. – С. 813–821.

355. Ягодинский, И., священник. О сельских кладбищах / И. Ягодинский. – Текст : непосредственный // Пензенские епархиальные ведомости. – 1897. – № 9. – С. 317–322.

356. A Description of the Clergy in Rural Russia. The Memoir of a Nineteenth-Century Parish Priest: I. S. Belliustin / Translated with annotation and an interpretive essay, by Gregory Freeze. – Ithaca: Cornell University Press, 1985. – Text: direct.

357. Bucher, Greta. Daily life in Imperial Russia / Greta Bucher. – Westport: Greenwood Press, 2008. – 247 c. – Text: direct.

358. Domnin, S. V. The daily life of the Orthodox clergy in the provinces of the Russian Empire at the turn of the 19th and 20th centuries (based on "The Penza Diocesan Journal") / S. V. Domnin [Домнин, С. В. Повседневный быт православного духовенства в провинции Российской империи на рубеже XIX-XX веков (по материалам «Пензенских епархиальных ведомостей»)] / С. В. Домнин // Proceedings of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration” – Reports in English (January 15, 2025. Beijing, PRC). – Beijing, China. – 2025. – С. 56–62. DOI 10.34660/INF.2025.95.31.090. – Текст: непосредственный.

359. Freeze, Gregory L. Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. – Princeton: Princeton University Press, 1983. – Text: direct.

360. Karlovich R.A. We Fall and Rise: Russian-Language Newspapers in New York City, 1889–1914. – Metuchen, NJ: Scarecrow Press, 1991. – 356 p. – Text: direct.

2. Диссертации и авторефераты диссертаций

365. Аристова, К. Г. Обновленчество в Пензенской епархии в 1917-1923 гг.: первые уроки Советской власти: дис. ... канд. ист. наук / К. Г. Аристова; Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. – Пенза, 2011. – 238 с. – Текст : непосредственный.

366. Беглов, А. Л. Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: дис. ... д-ра ист. наук / А. Л. Беглов; ФГБУН Институт всеобщей истории Российской академии наук. – Москва, 2019. – 1057 с. – Текст : непосредственный.

367. Василенко, И. В. Периодическая печать как элемент социокультурного пространства российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах «Ставропольских губернских ведомостей» и «Ставропольских епархиальных ведомостей»: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. В. Василенко; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2010. – 25 с. – Текст : непосредственный.

368. Верещагин, И. Ф. Церковно-епархиальная периодическая печать в общественной жизни российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков: на материалах Европейского Севера России: дис. ... канд. ист. наук / И. Ф. Верещагин; Сев. (Арктический) федер. ун-т. – Архангельск, 2013. – 215 с. – Текст : непосредственный.

369. Колпакова, О. В. Приходское духовенство Пензенской епархии в 1799-1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук / О. В. Колпакова; ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва». – Пенза, 2022. – 248 с. – Текст : непосредственный.

370. Кондратенко, А. И. Региональная пресса в политическом процессе реформирования российского общества: Проблемы, особенности и приоритеты: дис. ... канд. ист. наук / А. И. Кондратенко. – Орел, 1998. – 207 с. – Текст : непосредственный.

371. Кошелева, А. И. Приходское духовенство Среднего Поволжья в 1880-1890-е гг.: на примере Пензенской и Самарской епархий: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. И. Кошелева; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2011. – 22 с. – Текст : непосредственный.

372. Кузнецов, П. А. Информационная среда провинциального города России 1860–1890 гг.: на материалах Пензенской и Казанской губерний: дис. ... канд. ист. наук / П. А. Кузнецов; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Пенза, 2010. – 252 с. – Текст : непосредственный.

373. Наумов, Д. В. Влияние региональной церковной периодической печати на формирование общественного мнения православного духовенства во второй половине XIX в.: на материале Воронежских и Курских «Епархиальных ведомостей»: автореф. дис. ... канд. ист. наук /Д. В. Наумов; Белгородский государственный национальный исследовательский университет. – Белгород, 2021. – 29 с. – Текст : непосредственный.

374. Первушкин, А. В. Население провинциального города второй половины XIX – начала XX вв. Историко-демографический анализ: На примере городов Пензенской губернии: дис. ... канд. ист. наук / А. В. Первушкин. – Пенза, 2006. – 196 с. – Текст : непосредственный.

375. Первушкин, В. И. Становление и развитие провинциального краеведения в России во второй трети XIX – начале XX века: на примере Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерний: дис. ... д-ра ист. наук / В. И. Первушкин; Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. – Пенза, 2008. – 433 с. – Текст : непосредственный.

376. Полосин, Н. И. Православное духовное образование в Пензенской губернии в XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук / Н. И. Полосин. – Пенза, 2005. – 307 с. – Текст : непосредственный.

377. Садырова, М. Ю. Религия и церковь в повседневной жизни русского крестьянства в конце XIX – первой трети XX вв.: по материалам Пензенской и Саратовской губерний: дис. ... канд. ист. наук / М. Ю. Садырова; Сам. гос. ун-т]. – Пенза, 2010. – 276 с.

378. Старчикова, Н. Е. Историко-краеведческая деятельность губернских статистических комитетов России во второй четверти XIX – начале XX века: на примере Пензенской губернии: дис. ... канд. ист. наук / Н. Е. Старчикова. – Пенза, 2004. – 193 с. – Текст : непосредственный.

379. Сухова, О. А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902 – 1922 гг.: по

материалам Среднего Поволжья: дис. ... д-ра ист. наук / О. А. Сухова; Сам. гос. ун-т. – Пенза, 2007. – 654 с. – Текст : непосредственный.

380. Тимофеева, Е. С. «Церковные ведомости» (1888-1918). История издания: дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Тимофеева. – Москва, 2007. – 229 с. – Текст : непосредственный.

381. Торгашин, А. М. Система православного образования и православные духовно-учебные заведения Пензенской губернии в контексте социально–политических перемен в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук / А. М. Торгашин – Пенза, 2001. – 254 с. – Текст : непосредственный.

382. Чижов, Р. В. Роль периодической печати в консолидации регионального культурного сообщества: На примере деятельности «Ярославских епархиальных ведомостей»1860–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Р. В. Чижов. – Москва, 2006. – 226 с. – Текст : непосредственный.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Результаты контент-анализа ПЕВ: тематический блок «Церковная жизнь»[1]

п/п	Категории анализа (ключевые слова/дефиниции)	Количество статей	Частота упоминания (%)
1.	Слово /речь /поучение /беседы /проповедь/проповедничество	916	7,90
2.	Епархия/ епархиальный	676	5,83
3.	Духовный	429	3,70
4.	Архиереи /архирейский	415	3,58
5.	Церковь/церковный	321	2,77
6.	Служение	237	2,04
7.	Храм/ храмовый	185	1,60
8.	Пожертвования /подаяние /вспомоществование	184	1,59
9.	Приход/приходской /прихожане	179	1,54
10.	Священник	169	1,46
11.	Отчеты	165	1,42
12.	Епископ /архиепископ	143	1,23
13.	Пастырь /пастырство	138	1,19
14.	Миссионерство /миссионер /миссионерское общество	123	1,06
15.	Протоиерей	113	0,97
16.	Монашество/монастырь/обитель/ монах/монахиня /общежительный монастырь	113	0,97
17.	Праздник/праздничный/ празднование	104	0,9
18.	Раскол /расколо-сектантство /раскольники /раскольничий /расколоучитель	97	0,84
19.	Освящение	87	0,75
20.	Епархиальные съезды духовенства	78	0,67
21.	Братства, в т.ч.: Иннокентьевское Братство/Братство во имя Царицы Небесной/Братство Св. Тихона	60	0,52
22.	Общество трезвости /трезвость	59	0,51
23.	Память /памятный	59	0,51
24.	Пасха/ пасхальный /пасхалия	54	0,47
25.	Собор /соборный	49	0,42
26.	Общества взаимного вспомоществования духовенства	48	0,41
27.	Иконы	42	0,36
28.	Благочиние /Благочинный	40	0,34

[1] Составлено и рассчитано автором по: сквозное оглавление генеральной совокупности заголовков статей журнала «Пензенские епархиальные ведомости» (1866-1917 гг.).

29.	Церковное пение/церковная музыка /регент/ хор	38	0,33
30.	Юбилей	37	0,32
31.	Погребение	35	0,30
32.	Некролог	35	0,30
33.	Пост	31	0,27
34.	Катехизис/катехизистический	29	0,25
35.	Богослужение	28	0,24
36.	Диаконы	27	0,23
37.	Сектантство /секты	26	0,22
38.	Молитва	24	0,21
39.	Палестинское общество	24	0,21
40.	Псаломщики	24	0,21
41.	Собеседования	24	0,21
42.	Совет братств, обществ	23	0,20
43.	Молебствия	22	0,19
44.	Обычаи	21	0,18
45.	Пустынь	21	0,18
46.	Синод /Синодальный	18	0,16
47.	Обозрение (церквей)	19	0,16
48.	Крещение/новокрещеные	17	0,15
49.	Старообрядцы	17	0,15
50.	Настоятель(ца)	17	0,15
51.	Исповедь	16	0,14
52.	Воспоминания	15	0,13
53.	Единоверие /единоверческий	14	0,12
54.	Духовного звания	14	0,12
55.	Советы (церковно-приходские и благочиннические)	12	0,10
56.	Паломники/ паломничество	12	0,10
57.	Попечительства/попечители	12	0,10
58.	Таинство	11	0,09
59.	Поминовение	11	0,09
60.	Материальная обеспеченность (духовенства)	10	0,09
61.	Миряне/мирской	10	0,09
62.	Священнослужители	10	0,09
63.	Грех/ грешники	9	0,08
64.	Благочиннические окружные съезды	9	0,08
65.	Причастие/причащение	9	0,08
66.	Иерархи /иерархия	9	0,08
67.	Мученики/ великомученики/священномученики	8	0,07
68.	Причт	8	0,07
69.	Старосты	8	0,07
70.	Обряды	7	0,06

71.	Вечерня	7	0,06
72.	Богадельня	7	0,06
73.	Награды	7	0,06
74.	Общество Взаимного страхования церквей и церковных имуществ	5	0,04
75.	Благотворительность	5	0,04
76.	Митрополит	4	0,03
77.	Казначей/ казначейство	3	0,03
78.	Церковнослужители	3	0,03
79.	Общество вспоможения неимущим	3	0,03
80.	Старообрядчество	4	0,03
81.	Крестный ход	3	0,03
82.	Миссионерские съезды	3	0,03
83.	Помощь	3	0,03
84.	Старчество /старцы	4	0,03
85.	Биография /биографический	4	0,03
86.	Сестричное общество Успенской церкви	2	0,02
87.	Духовники	2	0,02
88.	Совет церковного комитета	2	0,02
89.	Миссионерский совет	2	0,02
90.	Призрение	2	0,02
91.	Общество богомолов	1	0,01
92.	Общество распространения книг Св. Писания	1	0,01
93.	Церковно-Певческое благотворительное Общество	1	0,01
94.	Общество Красного Креста	1	0,01
95.	Духовного происхождения	1	0,01
96.	Предсоборные епархиальные съезды	1	0,01
97.	Съезд представителей и депутатов от мужских и женских монастырей Пензенской епархии	1	0,01
98.	Съезд против раскольнических миссионеров в Москве	1	0,01
99.	Съезды представителей свечных заводов	1	0,01

Приложение 2

Результаты контент-анализа ПЕВ: тематический блок «Образование и воспитание»[1]

п/п	Категории анализа (ключевые слова/дефиниции)	Количество статей (ед.)	Частота упоминаний (%)
1.	Училище/ училищный	480	4,14
2.	Школа /школьный	306	2,64
3.	Воспитанницы /воспитанники /воспитательный	207	1,79
4.	Воспитание /воспитательное	141	1,22
5.	Церковно-приходская школа	139	1,20
6.	Духовные училища	134	1,16
7.	Духовная семинария	133	1,15
8.	Ученик	132	1,14
9.	Общества вспомоществования учащим и учившим /недостаточным воспитанницам Пензенского епархиального женского училища /нуждающимся воспитанникам Пензенской духовной семинарии /недостаточным воспитанникам Пензенского духовного училища	84	0,72
10.	Семинария/семинарский /семинаристы	81	0,70
11.	Разрядный список учеников	80	0,69
12.	Чтения /народные чтения	58	0,50
13.	Училищные советы	46	0,40
14.	Духовно-учебные заведения	42	0,36
15.	Педагогика /педагог/педагогический	36	0,31
16.	Класс	33	0,28
17.	Учитель/учительский	31	0,27
18.	Одноклассные/двуклассные двухклассные/ второклассные (школы)	26	0,22
19.	Преподаватель	25	0,22
20.	Ректор (семинарии)	24	0,21
21.	Библиотека	21	0,18
22.	Список воспитанников, воспитанниц	21	0,18
23.	Книга	19	0,16
24.	Экзамен	18	0,16

[1] Составлено и рассчитано автором по: сквозное оглавление генеральной совокупности заголовков статей журнала «Пензенские епархиальные ведомости» (1866-1917 гг.).

25.	Окружные съезды пензенских училищ	15	0,13
26.	Законоучитель/законоучительский/ законоучительство	14	0,12
27.	Воспитание детей	13	0,11
28.	Общежитие	13	0,11
29.	Народное образование /самообразование	12	0,10
30.	Преподавание	10	0,09
31.	Академия	10	0,09
32.	Законоучительские съезды	7	0,06
33.	Наставник	7	0,06
34.	Инспектор	7	0,06
35.	Список учеников	7	0,06
36.	Личный состав (служащих духовно-учебных заведений)	7	0,06
37.	Выпускники	5	0,04
38.	Личность	4	0,03
39.	Чтение	4	0,03
40.	Культура	4	0,03
41.	Просвещение	3	0,03
42.	Семейное воспитание	2	0,02
43.	Физическое воспитание	2	0,02
44.	Читальня	2	0,02
45.	Наука	2	0,02
46.	Школьник	1	0,01
47.	Школьное воспитание	1	0,01
48.	Религиозное воспитание	1	0,01
49.	Совет семинарского общежития	1	0,01

Приложение 3

Результаты контент-анализа ПЕВ: тематический блок «Богословие»[1]

п/п	**Категории анализа (ключевые слова/дефиниции)**	**Количество статей (ед.)**	**Частота упоминаний (%)**
1.	Церковь/ церковный	366	3,16
2.	Святость/святой(ые) святитель, святыни, Пресвятой (ая) /Святейший	282	2,43
3.	Православие/православный	115	0,99
4.	Религия/религиозный	80	0,69
5.	Господь /Бог	75	0,65
6.	Богородица	57	0,49
7.	Христианство/христианский (ая)	41	0,35
8.	Апостол	25	0,22
9.	Христос	19	0,16
10.	Рождество /рождественский	16	0,14
11.	Евангелие/ евангелический	13	0,11
12.	Новый завет	12	0,10
13.	Догмат /догматика	9	0,08
14.	Истина/истинный	8	0,07
15.	Дух	7	0,06
16.	Писание	6	0,05
17.	Библия/ библейский/библеизм	6	0,05
18.	Первоучителя	6	0,05
19.	Ветхий завет	5	0,04
20.	Благодать	5	0,04
21.	Бытие	5	0,04
22.	Пророки	5	0,04
23.	Вера	4	0,03
24.	Язычество	4	0,03
25.	Католицизм	4	0,03
26.	Верования	3	0,03
27.	Притча	3	0,03
28.	Святая Троица	2	0,02
29.	Ветхозаветная Церковь	2	0,02
30.	Русская Церковь	2	0,02
31.	Вероисповедание	2	0,02
32.	Душа	2	0,02
33.	Святой Дух	1	0,01
34.	Вероучение	1	0,01

[1] Составлено и рассчитано автором по: сквозное оглавление генеральной совокупности заголовков статей журнала «Пензенские епархиальные ведомости» (1866-1917 гг.).

Приложение 4

Результаты контент-анализа ПЕВ: тематический блок «Общество»[1]

п/п	**Категории анализа (ключевые слова/дефиниции)**	**Количество статей (ед.)**	**Частота упоминаний (%)**
1.	Село /сельский	307	2,65
2.	Духовенство	260	2,24
3.	Народ /народный	102	0,88
4.	Нравственность /честь /честный / благочестие /благочестивый	86	0,74
5.	Статистический	61	0,53
6.	Нужды /нуждающиеся	41	0,35
7.	Грамота/грамотность	32	0,28
8.	Торжества	27	0,23
9.	Город/ городской	27	0,23
10.	Крестьяне/крестьянство/крестьянский	23	0,2
11.	Общество/ (за исключением объединений) /общественный	18	0,16
12.	Мордва/мордовский	17	0,15
13.	Дворяне/дворянство/дворянский	13	0,11
14.	Татары-магометане	12	0,1
15.	Свобода/свободный	11	0,09
16.	Русский/русский (народ)	9	0,08
	Чествование	8	0,07
17.	Население	7	0,06
18.	Нищие	6	0,05
19.	Бедность/ бедный	6	0,05
20.	Интеллигенция/интеллигентный	5	0,04
21.	Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с алкоголизмом в г. Москве	4	0,03
22.	Сословие/сословный	3	0,03
23.	Инородцы	3	0,03
24.	Патриотизм/патриотический	3	0,03
25.	Празднества	3	0,03
26.	Национальность/национальный	2	0,02
27.	Совесть/свобода совести	2	0,02
28.	Мещане	1	0,01
29.	Гласность	1	0,01

[1] Составлено и рассчитано автором по: сквозное оглавление генеральной совокупности заголовков статей журнала «Пензенские епархиальные ведомости» (1866-1917 гг.).

Приложение 5

Результаты контент-анализа ПЕВ: тематический блок «Политика»[1]

п/п	Категории анализа (ключевые слова/дефиниции)	Количество статей (ед.)	Частота упоминаний (%)
1.	Государь/Император/Царь /Царский/Царствование /Императорский /Государыня /Императрица	104	0,90
2.	Война /воины /военная служба	53	0,46
3.	Реформа	22	0,19
4.	Государство/государственный	21	0,18
5.	Выборы /выборное начало	18	0,16
6.	Забастовка /беспорядки /смута	14	0,12
7.	Социализм/социальный	7	0,06
8.	Материализм	4	0,03
9.	Партия/партийность	3	0,03
10.	Революция	2	0,02
11.	Повиновение властям	1	0,01
12.	Уплата податей	1	0,01

Приложение № 6

Результаты контент-анализа ПЕВ: тематический блок «Семья»

п/п	Категории анализа (ключевые слова/дефиниции)	Количество статей (ед.)	Частота упоминаний (%)
1.	Женщина/жена/женский	30	0,26
2.	Дети	28	0,24
3.	Семья /семейный	20	0,17
4.	Брак /Бракосочетание	18	0,16
5.	Мужской (только в значении мужской монастырь)	15	0,13
6.	Сироты	14	0,12
7.	Родители/родительский	14	0,12
8.	Быт	13	0,11
9.	Вдова	10	0,09
10.	Родство	9	0,08
11.	Опекунство /опекун	7	0,06
12.	Старик, престарелый	5	0,04
13.	Венчание	4	0,03
14.	Молодежь/молодежный	4	0,03
15.	Невесты/женихи	4	0,03

[1] Составлено и рассчитано автором по: сквозное оглавление генеральной совокупности заголовков статей журнала «Пензенские епархиальные ведомости» (1866-1917 гг.).

16.	Супруги	3	0,03
17.	Муж	1	0,01
18.	Юношество/юноши/юношеский	1	0,01

Приложение 7

Результаты контент-анализа ПЕВ: тематический блок «Экономика»[1]

п/п	**Категории анализа (ключевые слова/дефиниции)**	**Количество статей (ед.)**	**Частота упоминаний (%)**
1.	Свечной завод /свечное дело	50	0,43
2.	Работа /заработки	13	0,11
3.	Склад	11	0,09
4.	Сельскоехозяйство/сельско-хозяйственный	8	0,07
5.	Хлеб	8	0,07
6.	Церковные земли	6	0,05
7.	Урожай /неурожай	6	0,05
8.	Дороговизна	5	0,04
9.	Пчеловодство	5	0,04
10.	Кооператив	4	0,03
11.	Прибыль	1	0,01
12.	Типография	1	0,01
13.	Земледелие	1	0,01
14.	Посев	1	0,01

[1] Составлено и рассчитано автором по: сквозное оглавление генеральной совокупности заголовков статей журнала «Пензенские епархиальные ведомости» (1866-1917 гг.).

Приложение 8

Результаты контент-анализа ПЕВ: тематический блок «Общественные пороки»[1]

п/п	Категории анализа (ключевые слова/дефиниции)	Количество статей (ед.)	Частота упоминаний (%)
1.	Пьянство /алкоголизм	31	0,27
2.	Суеверия	12	0,10
3.	Воровство/хищение чужой собственности/ кража /грабительство	9	0,08
4.	Неприличный /нехристианский	6	0,05
5.	Напрасное собирание милостыни (мошенничество)	3	0,03
6.	Сквернословие	3	0,03
7.	Нарушение присяги	3	0,03
8.	Знахарство	3	0,03
9.	Игра	3	0,03
10.	Роскошь	2	0,02
11.	Ложь/обман/плутовство	1	0,01
12.	Щегольство	1	0,01

Приложение 9

Результаты контент-анализа ПЕВ: тематический блок «Бедствия»[2]

п/п	Категории анализа (ключевые слова/дефиниции)	Количество статей (ед.)	Частота упоминаний (%)
1.	Голод	14	0,12
2.	Эпидемия /мор /холера	12	0,10
3.	Пожар /погорельцы	11	0,09
4.	Бездождие	5	0,04
5.	Градобитие	2	0,02

[1] Составлено и рассчитано автором по: сквозное оглавление генеральной совокупности заголовков статей журнала «Пензенские епархиальные ведомости» (1866-1917 гг.).

[2] Составлено и рассчитано автором по: сквозное оглавление генеральной совокупности заголовков статей журнала «Пензенские епархиальные ведомости» (1866-1917 гг.).